МАТЕРІАЛЫ

для

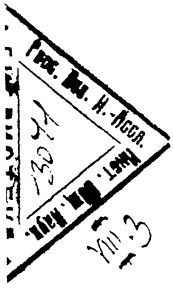
ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Апрѣля 1885 г.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

ИЗДАНІЕ

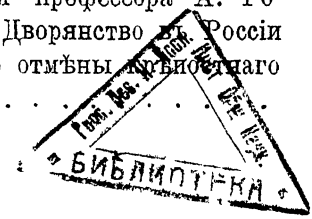
Н. Калачова.

Выпускъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Офицерская, 17.
1885.

Оглавленіе.

	стр.
Введеніе.	9—14
Рѣчь Виктора Васильевича Калачова объ исконныхъ основахъ русскаго дворянства	15—17
Критическій разборъ сочиненія профессора А. Романовичъ-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права» Н. Калачова.	18—50

Введеніе.

Въ числѣ заявленій, которыми дворянскія собранія разныхъ губерній постановили почтить столѣтній юбилей со времени изданія Императрицей Екатериной II-й „Грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства“,—мнѣ, какъ собирателю и издателю матеріаловъ по исторіи русскаго права, было въ высшей степени отрадно узнать о постановленіи Собранія дворянства Таврической губерніи—назначить премію за лучшее сочиненіе подъ заглавіемъ: „Политическое призваніе русскаго дворянства—его роль въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“, съ тѣмъ: а) чтобы таковую премію выдать въ размѣрѣ *тысячи* рублей за лучшее и *пятисотъ* за признанное вторымъ сочиненіе, и б) чтобы объ учрежденіи таковой преміи сообщить всѣмъ прочимъ дворянствамъ Россіи на тотъ конецъ, не пожелаютъ-ли и они принять матеріальное участіе въ дѣлѣ для увеличенія преміи. И какъ обсужденіе этого постановленія предоставлено Императорской Академіи Наукъ, то нѣтъ сомнѣ-

нія, что исполненіе предполагаемаго труда поставлено на чисто *научную почву*.

Вникая съ своей стороны въ означенную задачу, мы не можемъ не признать ее вполнѣ умѣстною и соотвѣтствующею всей важности предмета, подлежащаго изслѣдованію. Дѣйствительно, хотя наша литература уже обладаетъ тремя сочиненіями о русскомъ дворянствѣ, появившимися притомъ въ ближайшее къ намъ десятилѣтіе, но справедливость заставляетъ насъ сознаться, что при настоящей доступности въ Россіи историческихъ источниковъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, всѣ они не могутъ и не должны считаться удовлетворительными. Первое изъ нихъ, изданное въ 1870-мъ году подъ заглавіемъ: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права, профессора *А. Романовичъ-Славатинскаго*“, касается только одного послѣдняго и нынѣшняго столѣтій и притомъ, не смотря на свидѣтельствуемыя имъ знанія и даровитость автора, на столько не безпристрастно, что, разсмотрѣвъ его, по порученію Академіи Наукъ, въ качествѣ рецензента, мы поставили себѣ въ обязанность указать на противорѣчивые въ этомъ трудѣ выводы бывшимъ у насъ подъ рукою источникамъ. А какъ, съ этой точки зрѣнія, мы думаемъ, что нашъ отзывъ можетъ быть не безполезенъ въ настоящемъ изданіи, однако едва-ли многимъ извѣстенъ, такъ какъ не былъ въ свое время напечатанъ Академіей *), то и рѣшились выпустить его въ

*) Отзывъ нашъ не былъ помѣщенъ въ изданіяхъ Академіи на томъ основаніи, что изслѣдованію г. Романовичъ-Славатинскаго не была ею присуждена

свѣтъ *). Два другія сочиненія, по содержанію своему, обнимаютъ, напротивъ того: одно—*И. А. Порай-Кошица*—подъ заглавіемъ „Очеркъ Исторіи Русскаго Дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка (1796 г.)“, изданное въ 1874 г., всѣ столѣтія дворянской исторической жизни за исключеніемъ нынѣшняго XIX-го, а другое—*Михаила Яблочкова*, появившееся въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“, сверхъ того, и произшедшія въ этомъ сословіи реформы въ царствованіе Императора Александра II; но оба основаны на однихъ лишь печатныхъ трудахъ (общихъ и спеціальныхъ) по русской исторіи, источниками же, въ такомъ обиліи хранящимися въ архивахъ, издатели ихъ не пользовались. Есть наконецъ и отдѣльныя статьи, затрогивающія отчасти эти источники, но онѣ могутъ служить только болѣе или менѣе полезнымъ пособіемъ при разработкѣ того или другого отдѣла обширнаго изслѣдованія, которое должно быть посвящено настоящему предмету.

Какъ видятъ читатели изъ вышесказаннаго, мы имѣемъ уже нѣкоторыя выработанныя нами опредѣленныя положенія о значеніи и дѣятельности русскаго дворянства въ теченіи всего историческаго его движенія; но не съ тою цѣлью, чтобы подтвердить наши положенія, рѣшились мы предпринять настоящее изданіе. Оно, напро-

---

премія, на которую оно было представлено, рецензіи же таковыхъ сочиненій, по правиламъ Академіи, не печатаются.

*) Нѣсколько экземпляровъ его было нами разослано еще въ 1876 году подписчикамъ на издававшійся подъ нашей редакціей до 1864 года «Юридическій

тивъ того, должно съ полнымъ безпристрастіемъ, съ одной стороны, знакомить интересующихся вопросомъ о прошломъ и настоящемъ русскаго дворянства съ имѣющимися въ разныхъ архивахъ матеріалами для новаго предлежащаго труда о дворянствѣ, матеріалами—можно по всей справедливости сказать, не только неизслѣдованными, но почти и неизвѣстными, а съ другой—передавать живые отголоски и дѣйствія тѣхъ дворянъ, которые въ практической сферѣ заявляли ими какъ своимъ сочленамъ, такъ и лицамъ другихъ сословій, не только свои права, но и обязанности. Тѣ и другіе матеріалы сливаются нерѣдко въ одно и приводятъ къ результатамъ, подтверждающимъ достовѣрность того или другого воззрѣнія; но пусть это будетъ свободнымъ выводомъ читателя, а не навязываемымъ нами убѣжденіемъ. Въ настоящемъ выпускѣ я помѣщаю только, какъ образецъ глубокаго сознанія дворянскаго достоинства и его призыва на общественную пользу, рѣчь, произнесенную моимъ братомъ Викторомъ Васильевичемъ Калачовымъ въ дворянскомъ собраніи Ярославской губерніи послѣ вторичнаго выбора его въ этомъ собраніи въ губернскіе предводители дворянства.

Чѣмъ-же и какимъ образомъ, спросятъ можетъ быть читатели, думаемъ мы наполнять слѣдующіе выпуски этого изданія?

Отвѣтъ на такой вопросъ даютъ прежде всего раз-

Вѣстникъ»; остальные же экземпляры не были нами пущены въ продажу, какъ и нѣкоторыя другія напечатанныя нами въ разное время изданія.

работываемые и приготовляемые къ ближайшему изданію въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи матеріалы Розряда или Розряднаго Приказа и Приказа Помѣстнаго. Извѣстно, что въ этихъ матеріалахъ заключаются данныя самой первостепенной важности, посредствомъ которыхъ первые знакомятъ насъ съ службою дворянства придворною, военною и гражданскою, а вторые съ поземельными правами и обязанностями дворянъ, каковыя были имъ пріурочены для службы и за службу Государю и Государству. По времени эти матеріалы не восходятъ глубже XV-го вѣка и простираются не далѣе XVIII столѣтія; но основы дворянскихъ интересовъ на общественную пользу такъ утвердились многовѣковымъ бытомъ въ сознаніи дворянскаго сословія, что и матеріалы, хранящіеся въ другихъ архивахъ, не только XVIII-го, но еще болѣе XIX-го столѣтія, проявляютъ ихъ во всей живости, и среди мыслей, навѣянныхъ остатками прежняго феодализма, рисуютъ привлекательные образы дворянъ-мыслителей и практиковъ, проникнутыхъ глубокими нравственными принципами на пользу всѣхъ сословій государства. Черпая изъ тѣхъ и другихъ матеріаловъ основные документы, я буду печатать ихъ въ подлинникахъ или извлеченіяхъ, имѣя въ особенности въ виду дѣлать извѣстнымъ какъ въ разное время само правительство опредѣляло призваніе дворянства, права его и обязанности и соотвѣтствующія симъ послѣднимъ дѣйствія нерѣдко поощряло и вознаграждало и, наоборотъ, противоположные имъ поступки порицало, выговаривало виновнымъ, а въ важныхъ случаяхъ подвергало ихъ и тягчайшимъ наказаніямъ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ

мною получаться отголоски отдѣльныхъ дворянъ какого бы то ни было столѣтія и изъ какой бы то ни было мѣстности, то и они послужатъ желаннымъ матеріаломъ для будущихъ выпусковъ настоящаго изданія *).

Н. Калачовъ.

*) Статьи этого содержанія просимъ доставлять въ С.-Петербургъ. въ Археологическій Институтъ (Васильевскій островъ, 12 линія, дома № 19).

Рѣчь Ярославскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Виктора Васильевича Калачова послѣ избранія его на 2-е трехлѣтіе (въ 1880 г.).

Мм. Гг.

Такіе дни, какіе выпали на мою долю, достаются немногимъ счастливымъ. Вотъ высшая награда за мою любовь земли Ярославской, за мою посильную службу ей.

Когда три года тому назадъ Вы избрали меня своимъ представителемъ, я въ благодарственной рѣчи пытался выяснить—какъ я понимаю значеніе того поста, на который Вамъ угодно было призвать меня. Сознаюсь, что эти три года я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: исполняю-ли я мои обязанности согласно съ данными обѣщаніями, съ высказанными мною убѣжденіями и вѣрованіями, и, затѣмъ, эти убѣжденія, эти вѣрованія,—найдутъ-ли они сочувствіе въ большинствѣ дворянства, не напрасенъ-ли мой трудъ, не вызоветъ-ли онъ даже порицаніе, какъ не вѣрный, какъ не согласный съ стремленіями дворянства?

Послѣ почета, который Вы оказали мнѣ въ эти дни, мнѣ совѣстно за минуты сомнѣнія, мнѣ совѣстно за недостатокъ вѣры...

Глубоко оцѣнивая довѣріе Ваше, я вполнѣ понимаю, что взамѣнъ довѣрія, которое Вы оказываете Вашимъ избраннымъ, Вы желаете, Вы въ правѣ требовать отъ представителей Вашихъ, чтобы они были энергичными проводниками такихъ убѣжденій, которыя должны упрочить дворянство на той почвѣ, на которой оно призвано къ жизни исторіей Россіи. И избранные Вами представители должны подчиниться Вашему требованію. Но чтобы дворянство имѣло дѣйствительное значеніе, чтобы дворянство было организующей силой государства, не доста-

точно труда однихъ представителей Вашихъ: необходимо намъ всѣмъ сомкнуться на дружную работу; необходимо, чтобы въ работѣ этой участвовали съ сильной волей, съ сильной вѣрой и гласный дворянинъ въ Земскомъ Собраніи, и Судья въ камерѣ, и помѣщикъ въ имѣніи.

Господа! Я считаю своимъ долгомъ изложить — какъ я смотрю на будущее дворянства, какія у меня надежды, какія желанія.

Жизнь дворянства, — дворянства не Руси крѣпостной, а Руси свободной, двинутой на широкое поприще развитія, — началась съ 1861 года. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, порой случается слышать мнѣніе, что существованіе дворянскаго сословія было мыслимо только при крѣпостномъ правѣ, что съ отмѣною его отъ дворянства осталась только тѣнь, что съ 1861 года стремленія государственной жизни приняли такой оборотъ, при которомъ дворянству остается одно—разложеніе, что все, перешедшее къ намъ отъ воспитанныхъ на крѣпостномъ правѣ отцовъ нашихъ, ложно, не совмѣстно съ новѣйшими стремленіями. Но утверждающіе это забываютъ, что отцы оставили намъ въ наслѣдство и дурное, и *хорошее*.

Дурное наслѣдство было крѣпостное право, существовавшее, можетъ-быть, какъ историческая необходимость; но необходимость эта миновала. Мы сами поняли, что старый строй загораживаетъ дорогу будущему, что крѣпостное право должно быть уничтожено, иначе отжившій, дряхлый миръ раздавитъ насъ первыхъ. Когда это убѣжденіе сдѣлалось присущимъ большинству, тогда раздалось великое слово Царя-Освободителя, и мы откинули дурное наслѣдство. *Воспользуемся хорошимъ:* отцы наши свято хранили и передали намъ завѣтъ, что дворянство должно служить отечеству по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной службы; отцы наши передали намъ понятіе о чести, о любви къ родинѣ. Воспользуемся-же этими присущими намъ могучими силами; не будемъ нерѣшительно останавливаться на полдорогѣ, а смѣло встанемъ на тотъ великій путь, который влечетъ въ будущность.

Для жизни дворянства есть богатая почва, но только она одна и есть въ самомъ дѣлѣ; отъ самого дворянства зависитъ, чтобы вліяніе его осталось, но вліяніе свободное, окруженное довѣріемъ и уваженіемъ народа. Дворянство должно быть представителемъ гражданственности государства; оно должно быть представителемъ народнаго духа; оно должно хранить его въ себѣ, вводить въ систему государственнаго управленія; проникнутое духомъ народнымъ, дворянство должно отражать въ себѣ всѣ стремленія и потребности общественныя. Дворянство прочно, пока чрезъ него идетъ и очищается любовь къ отечеству и добру; дворянство прочно, пока народъ видитъ, что дворяне не льстецы власти, а передовые дѣятели жизни народной и честные истолкователи его нуждъ.

Пока стремленіе къ общественному благу составляетъ святое святыхъ дворянства, до тѣхъ поръ основы его крѣпки, и могущія быть случайныя грозы пройдутъ, не уничтоживъ дворянства, а укрѣпивъ его — какъ чистый источникъ государственнаго строенія и порядка, какъ охранителя истинныхъ, созидающихъ, вѣчныхъ идей развитія.

И такъ, да здравствуетъ дворянство, свободное отъ предразсудковъ, въ спокойствіи и ясности духа честно служащее Россіи во имя надежды, что трудъ его будетъ плодотворенъ, во имя святыхъ упованій, во имя вѣры въ величіе будущности Россіи!

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра. С.-Петербургъ. 1870 г., въ 8-ю д., стр. XXVI и 562 *).

Приступая къ разбору сочиненія г. Романовичъ-Славатинскаго, мы должны прежде всего остановиться на общемъ его заглавіи, соотвѣтствующемъ его содержанію, но противуположномъ тому значенію, какое придано ему какъ въ предисловіи, такъ и въ болѣе спеціальномъ опредѣленіи, слѣдующемъ за общимъ заглавіемъ. По словамъ автора, трудъ его имѣетъ въ собственныхъ его глазахъ «значеніе только свода разбросаннаго матеріала и пріуготовительныхъ этюдовъ—ряда замѣтокъ для исторіи дворянства, только намѣчающихъ нѣкоторые вопросы, къ ней относящіеся, ставящихъ рамки, рубрики для будущаго изслѣдованія». «Мы—говоритъ онъ далѣе—только собирали мусоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдетъ годными другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобъ употребить ихъ на постройку зданія, которое бы, по лучшей симметріи и изяществу отдѣлки, болѣе соотвѣтствовало достоинству и важности вопроса» (стр. VII и VIII). За симъ слѣдуетъ совершенно справедливое замѣчаніе, что для полной прагматической исторіи нашего дворянства едва ли собранъ весь матеріалъ, такъ какъ основной и главный источникъ, откуда онъ долженъ быть извлеченъ—«Пол.

*) Рецензія эта удостоена Императорскою Академіею Наукъ золотой медали.

ное Собраніе Законовъ», съ одной стороны касается только офиціальной юридической жизни сословія, а съ другой представляетъ нѣкоторые—указываемые авторомъ—пробѣлы, иногда довольно существенные, которые, равно какъ и самая значительная часть матеріала, необходимаго для разработки бытовой стороны дворянства, еще не только не изданы, но даже для отысканія ихъ въ архивахъ, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, потребно очень много времени и труда (предисл. стр. IX—XX и XXV—XXVI *). Согласно съ такимъ объясненіемъ надлежащаго значенія своей книги, г. Романовичъ-Славатинскій и на заглавной ея страницѣ, вслѣдъ за приданнымъ ей общимъ названіемъ, опредѣляетъ ее такъ: «Сводъ матеріала и пріуготовительные этюды для историческаго изслѣдованія». Какъ однако ни готовы мы вѣрить въ искренность объясненія автора, что такова была предположенная имъ себѣ цѣль при составленіи разсматриваемаго труда, и какъ ни важны достигнутые имъ результаты именно съ этой стороны, мы не можемъ не замѣтить, что его значительный талантъ къ группировкѣ данныхъ и къ остроумнымъ изъ нихъ выводамъ, съ которымъ мы давно уже имѣли случай ознакомиться по его изслѣдованію о губернскомъ управленіи въ XVIII стол. **), увлекъ его гораздо далѣе предположенной себѣ скромной цѣли. На самомъ дѣлѣ сочиненіе г Романовичъ-Славатинскаго имѣетъ своимъ предметомъ, какъ оно и наз-

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что указывая, между прочимъ, на матеріалы, хранящіеся въ архивѣ государственнаго совѣта и радуясь предпринятому изданію этого архива, авторъ напрасно полагаетъ, будто въ вышедшей въ свѣтъ 1-й его части содержаніе протоколовъ совѣта сокращено и потому изъявляетъ желаніе, чтобы дальнѣйшее изложеніе было подробнѣе и обстоятельнѣе (стр XIX). Стоя близко къ этому дѣлу, мы можемъ удостовѣрить, что изложеніе протоколовъ совѣта въ означенной 1-й части сдѣлано дословно, даже безъ измѣненій въ слогѣ, т. е. содержаніе ихъ выписано вполнѣ, но лишь дано ему систематическое распредѣленіе по различію предметовъ, которые были обсуждаемы въ совѣтѣ въ то или другое время.

**) Полное заглавіе этого сочиненія, составляющаго уже библіографическую рѣдкость, слѣдующее. «Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго до учрежденія губерній въ 1775 г. Диссертація Александра Р Славатинскаго, для полученія степени магистра государственнаго права. Кіевъ, въ университетской типографіи, 1859.»

вано, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права,» т. е. исторію этого сословія съ Петра Великаго до знаменитаго манифеста 19 февраля 1861 г. Какъ такое сочиненіе, оно есть блестящее изслѣдованіе одного изъ сословій въ нашемъ отечествѣ, которое было по преимуществу обязаннымъ государственною службою, но за то и по преимуществу привилегированнымъ въ теченіе всего времени, избраннаго авторомъ для своихъ розысканій; почему это время представляетъ собою обособленный цѣльный періодъ въ его исторіи. Но отдавая такимъ образомъ должную справедливость разсматриваемому сочиненію относительно мѣста, которое принадлежитъ ему въ наукѣ, мы обязаны сознаться, что недостатокъ въ матеріалахъ, указываемый самимъ авторомъ, не только воспрепятствовалъ ему удовлетворить вполнѣ задачѣ и условіямъ прагматическаго историческаго изслѣдованія, на что онъ, какъ мы видѣли, и не претендуетъ, но также представить вѣрную оцѣнку тѣхъ свойствъ и разныхъ сторонъ дѣятельности дворянства въ означенный періодъ, которыя онъ характезируетъ то искусно собранными данными, предлагаемыми притомъ съ особенною живостью и увлекательностью разсказа, то краткими, но тѣмъ не менѣе смѣлыми и рѣзкими выводами, далеко впрочемъ не безпристрастными. Скажемъ болѣе: мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи авторъ невольно поддался идеѣ, еще общей многимъ изъ современныхъ намъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ литературы и практики, которые, стремясь къ возстановленію такъ долго задержанныхъ правъ низшаго сословія, относятся съ предубѣжденіемъ къ высшему классу, въ томъ предположеніи, что онъ стоитъ несравненно ниже своего призванія не только вслѣдствіе историческихъ условій, привившихъ къ нему многіе недостатки, но и по присущимъ почти каждому его члену грубости чувствъ, несправедливости, высокомѣрію, жестокости и другимъ порокамъ. Идея эта такъ часто высказывается и въ задушевныхъ теплыхъ словахъ, съ которыми авторъ обращается къ судьбѣ низшаго сословія, и въ саркастическихъ отзывахъ, которые вырываются у него въ укоръ высшему классу, что безпристрастный читатель не можетъ не спросить себя о причинѣ такихъ порывовъ изслѣдователя. Мы думаемъ угадать эту причину именно въ той неровности духа на-

шего времени, которая, бывъ вызвана крестьянскою реформою, еще не изчезла во взаимныхъ отношеніяхъ между двумя означенными сословіями и потому склоняетъ лица, дѣйствующія въ практической сферѣ, въ ту или другую сторону не столько по чувству законности, сколько подъ вліяніемъ симпатіи, врожденной принадлежностью къ извѣстному классу, или же—въ отношеніи къ низшему сословію—навѣянной естественными и разумными требованіями человѣчности. Но ученый, въ особенности историкъ, долженъ стоять выше этого духа, еще не улегшагося въ массѣ, и спокойнымъ обсужденіемъ лежащаго передъ нимъ матеріала вырабатывать положенія, на столько близкія къ дѣйствительности и истинѣ, чтобы, проникая въ народъ, они могли быть имъ приняты и усвоены и тѣмъ самымъ привели его къ желательному установленію равенства во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ сословій, что и составляетъ задачу, предлежащую нашему земству.

Вотъ краткій отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ книгою г Романовичъ-Славатинскаго. Въ подтвержденіе же этого слишкомъ общаго отзыва мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ отдѣловъ, на которые авторъ разбилъ свое изслѣдованіе, дабы удобнѣе ознакомиться съ его пріемами и добытыми имъ результатами и тѣмъ основательнѣе оцѣнить достоинства или выставить недостатки его труда.

Въ періодѣ, избранномъ г. Романовичъ-Славатинскимъ для своихъ розысканій о дворянствѣ, онъ видитъ два, слѣдующіе по времени другъ за другомъ, отдѣла, разграничивающіеся манифестомъ 18 февраля 1762 г. и жалованною дворянству грамотою 1785 г. Въ первомъ отдѣлѣ—говоритъ онъ—«еще не вырабатываются личныя и корпоративныя права дворянства, еще только зарождается его сословная, аристократическая точка зрѣнія на себя. Въ этой порѣ дворянство еще находится въ прежнемъ *крѣпостномъ отношеніи* къ государству—несетъ обязательную службу, подлежитъ обязательному обученію, отбываетъ разные другіе наряды—переселяется, напр. по приказу правительства изъ деревень въ столицу и волей-неволей строитъ палаты на теперешней англійской набережной или сергіевской улицѣ, не пользуется ни правами поземельной собственности, ни свобо-

дой отъ тѣлесныхъ наказаній; не только не имѣетъ участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, но даже специфическая черта сословія — владѣніе крѣпостными людьми—только начинаетъ къ нему пріурочиваться». Второй отдѣлъ простирается до манифеста 19 февраля 1861 года. Въ теченіе его «манифестъ 1762 года освобождаетъ дворянство отъ обязательной службы и обученія; грамота 1785 г. надѣляетъ личными правами, даетъ сословную организацію, широкое участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи—окончательно формируетъ благородное и привилегированное сословіе. Эту пору въ исторіи дворянства—заключаетъ авторъ – можно назвать періодомъ самаго широкаго развитія личныхъ правъ дворянства, порабощенія крѣпостныхъ крестьянъ, дворянскаго преобладанія въ мѣстной жизни» (предисл. стр. XXII и XXIII)

Можетъ-ли эта характеристика двухъ отдѣловъ исторіи дворянства отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права быть названа вполнѣ вѣрною, мы увидимъ ниже при разборѣ частныхъ положеній, выставленныхъ въ ней такъ рельефно. Но и самъ авторъ не останавливается на такомъ дѣленіи означеннаго періода, а принимаетъ другое, съ цѣлью представить *возможно полный сводъ матеріала*,—дѣленіе на главы, съ подраздѣленіемъ ихъ на раздѣлы, и для того установляетъ нѣсколько вопросовъ, группируя однородные или соприкасающіеся въ одну главу Всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ и слѣдов главъ онъ принимаетъ пять. Изъ нихъ глава первая посвящена вопросу: какъ образовалось, пріобрѣталось и раздѣлялось дворянство и какъ оно обособлялось отъ другихъ общественныхъ классовъ. Въ главѣ второй разсматриваются обязанности дворянства и вознагражденіе его за службу, въ главѣ третьей—права его, а въ четвертой—въ особенности права на крѣпостныхъ людей. Наконецъ глава пятая имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе о развитіи корпоративныхъ правъ дворянства. По мнѣнію автора, такое дѣленіе, удовлетворяя главной цѣли его труда, какъ свода матеріала, вредитъ технической сторонѣ его, между тѣмъ какъ при дѣленіи періода на два вышеозначенные отдѣла обобщенія и характеристики вышли бы полнѣе, изображенія отчетливѣе и законченнѣе. Но мы находимъ дѣленіе на пять главъ — хотя по

однородности вопросовъ, разсматриваемыхъ въ главахъ третьей и четвертой ихъ можно бы слить въ одну — болѣе удовлетворяющимъ и задачѣ историческаго изслѣдованія, ибо предполагаемыя авторомъ обобщенія и характеристики возможны только вслѣдствіе тщательнаго пересмотра данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія каждаго изъ выставленныхъ выше вопросовъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ чтобы надлежащіе выводы сами собою представлялись по прочтеніи каждой главы или раздѣла книги, обобщенія же ихъ, безъ ущерба фактической сторонѣ изслѣдованія, предлагаемы были лишь въ видѣ заключенія всего труда. Впрочемъ въ самой разработкѣ предмета авторъ не отказался вовсе отъ попытки дать своимъ розысканіямъ такъ называемую имъ техническую отдѣлку: не смотря на добросовѣстность, съ какою онъ старался извлечь всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ матеріала, бывшаго ему доступнымъ, ни на то, что такое добросовѣстное отношеніе къ своему предмету указало ему на единственно возможную пока форму изслѣдованія о дворянствѣ—сведеніе въ одно систематическое цѣлое добытыхъ имъ данныхъ, онъ тѣмъ не менѣе стремится къ обобщеніямъ и характеристикамъ, которыя и предлагаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя и сознается въ недостаткѣ нужнаго для того матеріала. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ — какъ кажется намъ — на рубежѣ двухъ способовъ изслѣдованія, изъ коихъ одинъ преобладалъ въ сороковыхъ и отчасти даже въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ нашей историко-юридической критикѣ, а второй безъ сомнѣнія становится все болѣе господствующимъ въ настоящее время. Первый, заключавшійся въ сопоставленіи большею частію извѣстныхъ фактовъ изъ исторіи нашего права съ началами, выработанными западной наукой, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ рядъ статей и монографій, осуждавшихъ наше прошлое какъ несостоятельное по своимъ учрежденіямъ и быту въ сравненіи съ теоретическими соображеніями объ учрежденіяхъ, необходимыхъ для пользы и блага всякаго народа. Послѣдній способъ изслѣдованія состоитъ напротивъ того въ изученіи въ возможной полнотѣ всего строя и быта древней Россіи, а какъ такое изученіе немыслимо безъ разработки всѣхъ матеріаловъ, касающихся этого строя и быта, то собраніе и изданіе источниковъ историко-юри-

дическихъ и ближайшіе изъ нихъ выводы составляютъ главную задачу современныхъ намъ русскихъ археологовъ и юристовъ. Г. Романовичъ-Славатинскій, какъ истый русскій человѣкъ, не только созналъ эту національную нашу потребность, но и положилъ много труда, чтобы собрать мусоръ и кирпичи, какъ онъ самъ называетъ свои розысканія, потребные для постройки зданія, которое бы соотвѣтствовало достоинству и важности предмета, избраннаго имъ для своего труда: въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ достигъ своей цѣли — въ предѣлахъ, ему доступныхъ, «оказать содѣйствіе къ разъясненію вопросовъ *русской родной жизни*» (пред. стр. XXVI). Но примкнувъ къ этимъ розысканіямъ, еще неполнымъ по недостатку матеріала, окончательные и притомъ слишкомъ общіе выводы, въ коихъ чуется духъ времени, вызвавшій въ одной части нашихъ писателей и практическихъ дѣятелей сочувствіе къ низшему сословію въ ущербъ безпристрастнаго отношенія къ высшему, авторъ олицетворяетъ въ нашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ученыхъ сороковыхъ годовъ; почему мы постараемся, на сколько дозволятъ намъ наши скудныя свѣдѣнія и слабая подготовка къ дѣлу, которымъ онъ занимался съ такимъ усердіемъ, трудолюбіемъ и талантомъ, указать на встрѣчающуюся мѣстами односторонность этихъ его выводовъ.

Первую главу своей книги г. Романовичъ-Славатинскій начинаетъ положеніемъ, что въ Россіи до XVIII столѣтія не было дворянства какъ отдѣльнаго сословія, общественной группы, члены которой были бы связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ, изъ чего онъ заключаетъ, что высшее сословіе образовано у насъ какъ общественная группа Петромъ Великимъ, придавшимъ ему названіе *шляхетства*, которое лишь во второй половинѣ того же столѣтія замѣнено названіемъ *дворянства*, болѣе соотвѣтствующимъ историческому происхожденію этого сословія (стр. 2—4). Такъ какъ означенное положеніе впослѣдствіи неоднократно повторяется въ разсматриваемой нами книгѣ, причемъ авторъ старается доказать, что только въ XVIII столѣтіи понятіе о преимуществѣ породы и крови привилось нашему высшему классу вліяніемъ иностранной аристократіи, то

мы не можемъ оставить безъ вниманія такое, по нашему убѣжденію, не совсѣмъ вѣрное мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и въ древней Россіи всѣ служилые чины сознавали себя выше не только простолюдиновъ, но и посадскихъ или горожанъ, а съ другой стороны, что между собою они мѣстничались не только службою, но и происхожденіемъ или близостью членовъ рода къ своимъ предкамъ, считая *потеркою чести* всякое пониженіе противъ мѣста, занятаго однажды на этой лѣстницѣ, что не было вовсе въ обычаѣ у другихъ сословій, и что не только владѣніе помѣстьями, но и веденіе родословныхъ было исключительнымъ правомъ высшаго сословія. А откуда взялось это преимущество породы какъ не изъ древнѣйшихъ владѣльческихъ правъ, принадлежавшихъ князьямъ, исконнымъ вотчинникамъ-боярамъ, начиная съ новгородскихъ, и пришлецамъ-воинамъ изъ иностранныхъ государствъ къ тому или другому великому или удѣльному князю на извѣстныхъ, выговоренныхъ ими, условіяхъ? Если же мы видимъ, что такіе элементы обособленности высшаго сословія не успѣли до Петра Великаго строго формулироваться и выработаться въ опредѣлительныя начала, которыя усвоила себѣ аристократія на западѣ, то объясненіе тому должно конечно искать какъ въ различной точкѣ исхода государственнаго строя у насъ и на западѣ, вслѣдствіе чего отношенія и права нашего служилаго класса опредѣлялись болѣе верховною властью, чѣмъ развивались самобытно, какъ это было на почвѣ феодальной, такъ особенно недостаточною зрѣлостью у насъ до самаго исхода XVII столѣтія всѣхъ государственныхъ учрежденій, еще не успѣвшихъ окрѣпнуть подъ вліяніемъ патріархальнаго быта, изъ котораго они возникли. Но и самъ авторъ, переходя къ значенію табели о рангахъ, которою Петръ I ввелъ у насъ новое начало въ государственной службѣ и повышеніи чиновъ, сознается, что до того времени *порода* и *отчество* имѣли у насъ преимущество передъ годностью къ службѣ или *личнымъ дородствомъ*, какъ прекрасно опредѣлилъ это начало профессоръ Морошкинъ. Что же однако сдѣлалъ Петръ Великій въ этомъ отношеніи? Онъ не тронулъ родословной чести, не объявилъ ничтожными древніе саны и чины, но лишь всѣхъ служилыхъ людей подчинилъ высшей идеѣ—*полезности* отечеству, какъ и самъ

онъ былъ первымъ. т. е. способнѣйшимъ и лучшимъ его слугою. И такъ не аристократическое начало запада внесъ въ наше высшее сословіе великій Преобразователь Россіи, а напротивъ того силою своей исполинской воли вдохнулъ въ него необходимые элементы для *пригодности* на государственной службѣ — знаніе и стремленіе истинными заслугами отечеству подниматься по лѣстницѣ чиновъ. Съ этой поры дѣйствительно всей массѣ служилыхъ людей усвоилось названіе *шляхетства*, а впослѣдствіи *дворянства*, между тѣмъ какъ въ древней Россіи служба въ Приказахъ хотя и вводила въ высшее сословіе, но собственно служилыми людьми считались военные И такъ начало аристократическое—начало породы и крови перешло въ новую исторію Россіи изъ древней и только могло точнѣе формулироваться подъ вліяніемъ западныхъ понятій; но какъ это было на западѣ, такъ и у насъ, родовое дворянство пополнялось и постоянно пополняется (и притомъ съ Петра В несравненно болѣе чѣмъ прежде) лицами другихъ сословій, которыя своими служебными отличіями, своимъ личнымъ дородствомъ получаютъ одинаковыя права съ потомками сановитыхъ родичей *). Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ сначала, смотрятъ свысока на новыхъ членовъ своего сословія; но время беретъ свое и часто потомки лица, которое служебныя отличія ввели въ замкнутый кругъ аристократовъ, становятся въ этомъ кругу выше представителей древнѣйшихъ родичей. Во всякомъ случаѣ порода и служба—это два разные элемента, изъ коихъ какъ на западѣ, такъ и у насъ образовалось высшее сословіе и которые остаются въ немъ навсегда, какъ двѣ струи, которыя хотя и смѣшиваются въ своемъ теченіи, но постоянно привходитъ къ нимъ новая струя изъ другихъ источниковъ.

Мы нарочно остановились нѣсколько долѣе на разъясненіи на-

---

*) То и другое вполнѣ подтверждается пунктомъ 11-мъ табели о рангахъ, въ которомъ ясно выражено, что получившіе восемь первыхъ рангов со всѣмъ своимъ законнымъ потомствомъ „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“. Слѣдовательно, скажемъ кстати, лучшее старшее дворянство, и по сознанію самого Петра Великаго, было въ Россіи до него и осталось такимъ какъ въ его царствованіе, такъ и впослѣдствіи.

шей мысли въ чемъ она несходна съ указаннымъ выше мнѣніемъ автора, который также признаетъ значеніе породы или отчества въ до-петровской Россіи, но какъ элемента не аристократическаго, а лишь раздроблявшаго высшее сословіе и только въ общей повинности этого сословія—нести обязательную службу государству, видитъ нѣкоторую связь между его членами. Съ такой точки зрѣнія сдѣланы имъ и слѣдующіе выводы, которые мы, на основаніи вышесказаннаго, не можемъ признать вполнѣ основательными.

«Есть слова—говоритъ авторъ—употребленіе которыхъ не проходитъ безслѣдно, такъ какъ съ ними связывается рѣзкое опредѣленное понятіе Таково было и слово *шляхетство* для нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: употребляя это наименованіе, они усвоили себѣ и внутренній смыслъ его, развившійся на феодальной почвѣ западной Европы и чуждый нашимъ національнымъ традиціямъ. Царскіе чиновные люди перешли въ шляхетство русскими людьми, но изъ шляхетства въ дворянство они вышли почти что иноземцами, по крайней мѣрѣ, по своимъ воззрѣніямъ, по своему отношенію къ родной землѣ, которой даже благозвучный говоръ имъ сталъ не милъ» (стр. 4—5).

«Бюрократическое начало табели о рангахъ (слѣдоват. съ Петра В.) побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу» (стр. 19). Но если только названіе *шляхетства*, приданное высшему сословію также Петромъ Великимъ, усвоило ему аристократическое начало породы, то когда же успѣло развиться это начало въ противоположность бюрократическому, тотчасъ взявшему надъ нимъ верхъ? Впрочемъ, выводу автора не соотвѣтствуетъ и примѣръ, приведенный имъ въ подтвержденіе того значенія, которое шляхетская аристократія придавала своей породѣ: примѣръ этотъ взятъ изъ безчисленнаго множества случаевъ, относящихся къ мѣстническимъ счетамъ породою въ XVII вѣкѣ, когда еще не было и помину о примѣненіи слова «шляхетство» къ нашему высшему сословію.

Опредѣляя вліяніе табели о рангахъ на послѣдующія судьбы дворянства, авторъ пишетъ: «установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія, и потомство

мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ. Въ дальнѣйшей исторіи нашего дворянства, вслѣдствіе этого, возникаютъ слѣдующія направленія: мелкое дворянство, несостоятельное сохранить блескъ своего благороднаго состоянія, своими нравами, матеріальными средствами и образомъ жизни, сближается съ народомъ, не утрачивая, впрочемъ, своей горделивой сословной точки зрѣнія на него. Напротивъ, высшее дворянство—родовое и вышедшее изъ крупной бюрократіи и генералитета—стремится замкнуться въ касту, отдѣлясь и отъ низшаго дворянства и отъ сѣраго народа своими правами, образомъ жизни, даже языкомъ. Среднее дворянство по интересамъ своимъ тяготѣетъ къ народу, по претензіямъ—къ аристократіи. Реальные интересы влекутъ его къ деревнѣ, къ хлѣбопашеству, искусственныя потребности и навѣянныя притязанія притягиваютъ въ столицу, въ города, въ обѣтованную землю аристократическихъ салоновъ, за границу, гдѣ прохлаждаются и проживаются князья и графы — потомки бояръ и окольничихъ. Вотъ почему изъ нашего средняго дворянства не могло образоваться gentry, подобно тому, какъ аристократія не могла развиться въ nobility. Среднее дворянство само отрывало себя отъ своей естественной среды—отъ родныхъ полей и душистыхъ лѣсовъ, отъ родныхъ мужиковъ. Оно считало этихъ мужиковъ людьми другой кости и крови, оно стыдилось протягивать руку мелкому собрату и благоденствовало отъ двухъ пальцевъ, протянутыхъ аристократомъ. Это раздвоеніе въ средѣ шляхетства, эти различныя направленія его членовъ обозначаются уже въ царствованіе Анны Іоанновны Устами Волынскаго *подлое* шляхетство выговариваетъ свой вполнѣ опредѣлившійся взглядъ на шляхетство *знатное*» (стр. 26—27). Далѣе, говоря о раздѣленіи родословной книги, на основаніи дворянской грамоты 1785 г., на шесть частей, изъ коихъ въ послѣднюю должны были вноситься древніе благородные дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ, а благородное начало покрыто неизвѣстностью, авторъ замѣчаетъ: «эти разряды, на которые разбила дворянство жалованная грамота 1785 г., не представляютъ никакихъ юридическихъ отличій: дворянинъ, записанный въ 1-ю часть, такъ же могъ владѣть крѣпостными и быть даже губернскимъ предводителемъ, какъ и дво-

рянинъ 6-й части. Но общественное мнѣніе и мнѣніе самого дворянства относилось не безразлично къ завѣтной 6-й части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя дворянствомъ по преимуществу, самыми крѣпкими столбами государства, а на первые три разряда смотрѣлъ, какъ на дворянъ-выскочекъ, плебейской крови. Съ меньшимъ пренебреженіемъ 6-я часть относилась къ 4-й, а титулованное дворянство всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родоваго. Послѣднее сходилось съ титулованнымъ дворянствомъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновнаго—офицерскаго и бюрократическаго; по слѣдамъ его въ такомъ направленіи шли высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во 2-ю и 3-ю части дворянской родословной книги. Это стремленіе къ обособленію привело къ созданію аристократическихъ учебныхъ заведеній — пажескаго корпуса, александровскаго лицея, училища правовѣденія, въ которыхъ могли воспитывать своихъ дѣтей только тѣ дворяне, которые были записаны въ 4-ю и 6-ю части, да высшіе военные и гражданскіе чины» (стр. 46). Слова эти, сопоставленныя съ тѣмъ, что сказано было авторомъ о значеніи до-петровскаго дворянства, вызываютъ вопросъ: если въ мѣстничествѣ древней Руси онъ видитъ лишь начало, раздроблявшее высшее сословіе и не дозволявшее ему сомкнуться въ одно цѣлое, то почему признаваемую имъ также отдѣльность другъ отъ друга въ самой жизни разрядовъ, высшихъ и низшихъ, дворянской грамоты, онъ не находитъ раздробляющею дворянскаго сословія? Не потому-ли, что на самомъ дѣлѣ она нисколько не вредитъ существеннымъ правамъ, принадлежавшимъ и принадлежащимъ всѣмъ разрядамъ высшаго сословія и не препятствуетъ ими пользоваться? Но чѣмъ же мѣстничество или начало породы препятствовало осуществленію такихъ правъ даже въ отношеніи повышеній по службѣ, если напр. окольничіе могли жаловаться, какъ это обыкновенно бывало, въ бояре, дворяне въ окольничіе и т. д. А предоставленіе извѣстныхъ мѣстъ по службѣ преимущественно членамъ родовитыхъ фамилій не должно-ли быть сопоставлено съ привилегіями, которыми пользовались почти до послѣдняго времени къ полученію чиновъ и служебныхъ назначеній потомки старинныхъ родовъ? Самое созданіе особыхъ учебныхъ заведеній для дѣтей дворянъ, запи-

санныхъ въ привилегированныя части родословной книги, не есть-ли такое же предоставляемое имъ отличіе, на какое имѣли, въ древней Россіи, по рожденію своему, право дѣти князей, бояръ и другихъ сановниковъ? Почему же авторъ въ такихъ преимуществахъ для потомковъ старинныхъ родовъ въ новѣйшее время видитъ дѣйствіе аристократическихъ стремленій столбоваго дворянства, а въ древней Руси вовсе отвергаетъ существованіе и вліяніе аристократическаго начала? Не смотря на то, мы не можемъ признать вѣрными и тѣ характеристическія черты, которыми г. Романовичъ-Славатинскій опредѣляетъ отношенія между дворянствомъ высшимъ и среднимъ или шляхетствомъ *знатнымъ* и *подлымъ*, начиная уже съ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Не претензія брататься съ аристократами, не искусственныя потребности притягивали большею частію и въ это время среднее дворянство въ столицы и города, а необходимость образованія, требовавшагося уже на государственной службѣ и еще болѣе обязательность для него этой службы, которую самъ авторъ выставляетъ какъ тягостное иго, лежавшее на дворянствѣ. Если же бывали исключенія, то не всегда-ли и не вездѣ-ли они встрѣчаются и слѣдуетъ-ли возводить ихъ въ общую черту вѣка? А пренебреженіе къ низшимъ разрядамъ того же общества или другихъ сословій и въ особенности къ сѣрому народу не было-ли у насъ во всякое время и гораздо скорѣе свойствомъ самаго мелкаго слоя дворянства, или вѣрнѣе, мелкаго чиновничества, нежели дворянства высшаго и даже средняго? Впрочемъ, нѣсколько далѣе авторъ, какъ мы увидимъ, иначе отзывается о членахъ мелкаго и средняго дворянства, но кается болѣе для того, чтобы сказать жолчное слово о членахъ высшаго его разряда.

Коснувшись обѣдненія дворянскаго сословія вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія принадлежащихъ къ нему лицъ, происшедшаго въ свою очередь отъ легкости, съ какою стали даваться чины, г. Романовичъ-Славатинскій видитъ и здѣсь поводъ къ разчлененію дворянства на нѣсколько группъ и въ слѣдующей картинѣ рисуетъ стремленія съ одной стороны высшаго, а съ другой—средняго и мелкаго дворянства и результаты, къ которымъ они привели тѣхъ и другихъ въ знаменательную и для насъ эпоху развитія французской революціи 1789 г.: «Старыя дворян-

скія фамиліи и новыя, обезпеченныя матеріально, отдѣлились отъ фамилій новаго чиновнаго дворянства, бѣднаго матеріальными средствами, къ которому тяготѣли и захудалые дворянскіе роды шестой части. Изъ первыхъ образовывалась особая общественная группа, окрестившая себя названіемъ *аристократія*, свысока смотрящая на народъ, на мелкое и даже среднее дворянство. Подобно тому, какъ дворянство вообще, выгораживая себя изъ народа, не хотѣло воспитывать своихъ дѣтей вмѣстѣ съ разночинцами, и создавало систему дворянскихъ учебныхъ заведеній—благородныхъ пансіоновъ, благородныхъ женскихъ институтовъ и благородныхъ кадетскихъ корпусовъ — подобно тому и наша soi disante аристократія, выгораживая себя изъ рядоваго дворянства, вырабатывала свои учебныя заведенія для шестой части дворянской книги, вмѣстѣ съ дворянствомъ остзейскимъ и титулованнымъ—аристократическій пажескій корпусъ, аристократическій александровскій лицей, аристократическое училище правовѣденія. Въ этихъ заведеніяхъ она пропитывалась тончайшимъ Парижемъ, *англійскимъ* парижскимъ діалектомъ, изящнѣйшими манерами de la vieille souche старой до-революціонной Франціи. Потомки бояръ и окольничихъ-холоповъ бѣлаго царя, потомки генералъ-маіоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—выходили изъ этихъ заведеній настоящими маркизами доброй старой Франціи. Эта добрая старая Франція, чрезъ легитимистскую эмиграцію конца прошлаго столѣтія, имѣла дѣйствительно огромное вліяніе на манеры, обычаи, міровоззрѣніе нашихъ высшихъ классовъ. Эти маркизы и жентиломы доброй старой Франціи, которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 г., Франція, толпами нахлынули въ Россію, и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистическая эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно: императоръ Павелъ I въ 1797 г принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ которыхъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентиломовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien régime'а въ чужой странѣ—эти полки, говоримъ, шефами которыхъ были

принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Бери, Дюкъ д'Ейгенъ расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ (П. С. № 18225), и разносили по святой русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля Такимъ образомъ, наша аристократія получила окончательно свой типъ въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ принциповъ французскаго ancien régime, представительницей которыхъ явилась легитимистская эмиграція. Тогда какъ наша аристократія проникалась этими обветшавшими принципами, лучшіе члены мелкаго и средняго дворянства, ближе стоявшаго къ народу, воспринимали начала 1789 г. Понятно, почему образованнѣйшіе представители этой общественной группы въ теченіе текущаго столѣтія стояли во главѣ умственнаго движенія нашего общества—наши Гоголи и Бѣлинскіе, наши Грановскіе и Кавелины выходили изъ рядовъ средняго и мелкаго дворянства.» (стр. 66—67).

Всю эту и еще слѣдующую выписку мы приводимъ здѣсь какъ немногіе образцы неумѣстныхъ выходокъ автора, въ подтвержденіе сказаннаго нами выше объ увлеченіи, которому онъ поддается въ ущербъ истинѣ, какъ скоро заходитъ рѣчь о характерѣ и дѣйствіяхъ такъ называемой имъ «нашей аристократіи». Но, полагая, что спокойное и разсудительное чтеніе этихъ мѣстъ само указываетъ на то, что въ нихъ диктовано предубѣжденіемъ, мы позволимъ себѣ оговорить здѣсь только ошибки, несогласныя съ дѣйствительностію. Такъ, заявляя, что изъ пажескаго корпуса и александровскаго лицея выходили на поприще жизни и службы только маркизы доброй старой Франціи, авторъ напрасно забываетъ о тѣхъ, вышедшихъ изъ этихъ заведеній, двигателяхъ мысли и дѣла, изъ коихъ одни высказали свои высокія идеи о правахъ человѣчества въ незабвенныхъ литературныхъ произведеніяхъ, другіе запечатлѣли ихъ своею кровью и свободою, наконецъ третьи съ честью и пользою для отечества подвизались или еще подвизаются на государственной службѣ или въ разныхъ сферахъ частной дѣятельности. Такъ въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ во главѣ умственнаго движенія нашего общества въ теченіе текущаго столѣтія, напрасно даровитый и гуманный Кавелинъ

выведенъ изъ рядовъ средняго или мелкаго дворянства: намъ лично извѣстно, что онъ принадлежитъ по своимъ предкамъ къ одному изъ древнихъ, притомъ богатыхъ дворянскихъ родовъ, а своими высокими нравственными качествами обязанъ тщательному воспитанію и прекраснымъ примѣрамъ, вынесеннымъ изъ родительскаго дома.

Комментируя слова молодаго графа Строганова, произнесенныя имъ въ одномъ изъ засѣданій неофиціальнаго комитета 1801 года, въ коихъ онъ между прочимъ большую часть сельскаго дворянства назвалъ сословіемъ самымъ невѣжественнымъ, ничтожнымъ и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупымъ, авторъ замѣчаетъ, что основной тонъ этихъ словъ и пробивающаяся задняя мысль—аристократическіе: „главенство дворянства въ государствѣ, его право оппозиціи самодержавію, малтретированіе дворянства рядоваго“ (стр. 69—70). Но спрашивается: справедливо-ли слова эти, высказанныя почти келейно однимъ изъ членовъ комитета, обсуждавшаго вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, такъ безпощадно обращать въ его собственное обвиненіе не доказавъ предварительно, что они совершенно ложны?

Въ главѣ второй г. Романовичъ-Славатинскій особенно подробно разсматриваетъ обязательную службу дворянства какъ повинность, лежавшую на немъ и до Петра В., а симъ послѣднимъ еще усиленную обращеніемъ ее въ постоянную съ добавленіемъ къ ней и обязательности обученія. Но эту повинность онъ называетъ особаго рода *тяглом*ъ и приравниваетъ такое тягло относительно государства къ крѣпостной зависимости, въ коей находились крестьяне и дворовые люди къ своимъ господамъ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги авторъ даже прямо называетъ это отношеніе дворянства къ правительству отношеніемъ *крѣпостным*ъ (стр. 145, 147, 193 и пр.). Переходя же къ преемникамъ Петра I, онъ замѣчаетъ, что они поддерживали его систему, хотя и не съ такой энергіей, до императора Петра III, которымъ отмѣняется обязательная служба и шляхетство распускается въ безсрочные отпуски по домамъ. «Распущенное по домамъ шляхетство Екатерина II группируетъ въ губернскія дворянскія общества, которыя должны ставить изъ своей среды членовъ въ

мѣстныя судебныя и полицейскія учрежденія. Такимъ образомъ, за дворянствомъ все-таки до нѣкоторой степени остается характеръ класса *служилаго*» (стр. 119).

Чтобы еще лучше выяснить взглядъ автора на характеръ службы при Петрѣ Великомъ и на измѣненія, которымъ она подверглась во второй половинѣ XVIII столѣтія, мы приведемъ слѣдующія слова его по поводу изданія манифеста 18 февраля 1762 г. «Даровавъ—говоритъ онъ—дворянству льготу отъ обязательной службы, во имя которой оно стало выдѣляться изъ другихъ общественныхъ разрядовъ еще въ московскій періодъ, манифестъ этотъ составляетъ эпоху въ исторіи сословія: по истинѣ его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ. Подобно послѣднему, освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 18 февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостнаго. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неизчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ *крѣпостнаго служилаго*, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ *привилегированное землевладѣльческое*, распавшееся на губернскія дворянскія общества, ставившія по наряду изъ своей среды членовъ мѣстнаго суда и полиціи. Онъ окончательно опредѣлилъ то положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохранили они до нашихъ дней—до великихъ реформъ великаго царствующаго монарха, который льготу отъ крѣпостной зависимости распространилъ на преобладающую въ государствѣ массу земледѣльческаго населенія» (стр. 192—193).

И такъ «обязательная постоянная служба» и «обязательное обученіе» — вотъ тягло, которое, по словамъ автора, въ теченіе болѣе половины XVIII вѣка лежало на дворянствѣ. Виновникомъ этого крѣпостнаго состоянія для высшаго класса выставляется Великій Преобразователь Россіи, а освободителями отъ него — Петръ III и Екатерина II. Съ формальной стороны этотъ взглядъ конечно вѣренъ, и авторъ добросовѣстно перечисляетъ намъ не только распоряженія правительства, состоявшіяся въ виду какъ первой, такъ и второй мѣры, но и тщательно извлекаетъ изъ до-

ступныхъ ему источниковъ относящіяся къ нимъ сужденія и отзывы современниковъ, доказывающіе какъ тяготила ихъ обязательная служба и какъ восторженно привѣтствовали они освобожденіе отъ нея и свою вольность. Но здѣсь-то и желательно было бы встрѣтиться съ болѣе глубокимъ анализомъ развитія Петромъ Великимъ начала обязательной службы, завѣщеннаго ему его предшественниками, въ отношеніи къ высшему сословію и значенія для самого этого сословія государственной службы и по ослабленіи ея строгости во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ такой анализъ г. Романовичъ-Славатинскій вовсе не пускается; но изъ немногихъ, случайно оброненныхъ имъ, словъ примѣнительно къ службѣ, какъ государственной повинности, можно заключить, что онъ едва ли не отвергаетъ въ этомъ отношеніи самый существенный характеръ дворянства, не только приданный ему всей нашей исторіей, но и принадлежащій ему и съ точки зрѣнія теоретической, какъ высшему сословію. Указывая на происхожденіе западнаго дворянства по преимуществу изъ феодаловъ-землевладѣльцевъ, авторъ не разъ въ своей книгѣ намекаетъ на то, что и русское дворянство стремилось не только имѣть помѣстья и вотчины, но и жить въ нихъ по своему произволу, предаваясь сельскимъ занятіямъ. Это стремленіе его не только получило удовлетвореніе въ концѣ XVIII в., но и было предоставлено, хотя отчасти и обязательно, дворянамъ-землевладѣльцамъ отправлять службу на мѣстѣ своего жительства или по близости своихъ усадебъ и полей. Еще шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательнѣе, усвоены дворянамъ права въ отношеніи къ службѣ по мѣстному управленію въ настоящее царствованіе, какъ членамъ земства. Но значитъ-ли это, что высшее наше сословіе, чрезъ учрежденіе земства, достигло вполнѣ своего предназначенія? Значитъ ли это, что оно должно за тѣмъ изчезнуть въ массѣ другихъ сословій? Если владѣніе землею не препятствуетъ купцу и ремесленнику продолжать свои занятія торговыя и промышленныя; если крестьянинъ-собственникъ или арендаторъ, и послѣ предоставленія ему правъ по земству, остается членомъ сельскаго сословія, а въ частности членомъ волости, къ которой приписанъ, и сельской общины, въ которой имѣетъ жительство, то конечно и дворянинъ, точно такой же землевладѣлецъ какъ и

землевладѣльцы другихъ сословій, можетъ имѣть притязаніе, скажемъ даже болѣе — нравственную обязанность, быть и впредь полезнымъ отечеству на томъ поприщѣ, на которомъ онъ подвизался въ теченіи столькихъ вѣковъ, и подвизался, какъ всѣмъ извѣстно, далеко не безплодно. Да и на какое другое сословіе можетъ по преимуществу расчитывать государство для того, чтобы какъ военныя его силы, такъ и исполненіе разныхъ должностей по гражданскому управленію и въ особенности распространеніе въ народной массѣ образованія соотвѣтствовали его потребностямъ? Если же и изъ прочихъ сословій посвящаютъ себя государственной службѣ лица наиболѣе къ ней способныя, то не примыкаютъ ли они чрезъ то самое къ высшему классу, котораго права и предоставляются имъ правительствомъ за ихъ дарованія и служебныя заслуги, какъ то вездѣ бываетъ и всегда было и у насъ? Таково высшее сословіе на западѣ, такимъ останется оно конечно и въ Россіи и послѣ великихъ преобразованій настоящаго царствованія. Полагаемъ, что если бы авторъ взглянулъ съ этой точки на законодательную дѣятельность Петра В. и его преемниковъ по отношенію къ службѣ, какъ существеннаго права и обязанности дворянства, то эта дѣятельность выяснилась бы ему не съ одной формальной ея стороны. Онъ усмотрѣлъ бы, что въ древней Россіи обязательная служба, какъ государственная повинность, была возложена на высшій классъ преимущественно предъ другими сословіями вслѣдствіе неразвитости тогдашнихъ финансовыхъ средствъ, которая и заставляла правительство, вмѣсто выдачи жалованья служилымъ людямъ, верстать ихъ помѣстьями; что по мѣрѣ усиленія этихъ средствъ, въ вознагражденіе за службу, вмѣстѣ съ помѣстьями, стали назначать и жалованье, и что Петру В. уже представилась возможность опредѣлить чинамъ военнымъ и гражданскимъ постоянные денежные оклады, а помѣстья обратить въ вотчины, но недостатокъ въ войскѣ и въ чиновникахъ, потребныхъ и годныхъ для разныхъ присутственныхъ мѣстъ, заставили и его съ одной стороны возложить на дворянство службу, какъ постоянную обязательную повинность, а съ другой столь-же обязательно требовать отъ него знаній и съ этой цѣлью подчинить его самой строгой дисциплинѣ въ обученіи. Мѣра эта была крайне стѣснительна для по-

мѣщиковъ, привыкшихъ лишь временно отбывать службу; но она признана была Петромъ единственною для поднятія своего отечества, которое онъ любилъ превыше всего, въ уровень съ иностранными государствами, и его желѣзная воля помогла ему совершить этотъ исполинскій подвигъ. Не должно впрочемъ забывать, что учрежденіе Петромъ же подушнаго оклада и новой системы наборовъ для войска пріуготовили отмѣну съ теченіемъ времени обязательной службы для дворянства, какъ постоянной повинности. Благодаря этому и быстрому развитію Россіи, преемники его уже находились въ лучшемъ положеніи: имъ сдѣлалось возможнымъ исправить крутую его мѣру въ отношеніи высшаго сословія. Еще при Аннѣ Іоанновнѣ мы встрѣчаемъ предоставленіе значительныхъ льготъ чинамъ военнымъ и гражданскимъ въ отпускахъ и отставкахъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только просмотрѣть въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣла герольдмейстерской конторы, изъ коихъ видно, что съ этою цѣлью допускалось въ практикѣ множество причинъ, принимавшихся во вниманіе для выдачи свидѣтельства должностному лицу объ увольненіи его «на вѣчно» или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, между прочимъ лежавшія на просителяхъ платежи податей. Неудивительно, что въ умахъ правительственныхъ лицъ стала созрѣвать мысль о возможности и даже необходимости ослабить строгія правила обязательной службы, установленныя Петромъ В. Мысль эта осуществилась при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Но намъ кажется, что говоря о льготѣ отъ службы, сдѣланной дворянству этими государями, авторъ преувеличилъ ея значеніе, хотя и добросовѣстно приводитъ содержаніе относящихся сюда манифестовъ. Называя прежнюю обязательную службу тягломъ, крѣпостнымъ отношеніемъ дворянства къ государству, онъ признаетъ его съ изданія манифеста 18 февраля 1762 г. совершенно свободнымъ отъ службы, какъ государственной повинности, и въ правительственныхъ распоряженіяхъ послѣдующихъ царствованій всѣ мѣры, неподходящія подъ этотъ его взглядъ, называетъ не иначе какъ ограниченіями свободы, предоставленной дворянству въ этомъ отношеніи (стр. 199—203). Не говоря уже о томъ, что далѣе самъ авторъ признаетъ должности по мѣстному управленію, учрежденному Ека-

териной II, новымъ тягломъ по службѣ, наложеннымъ на дворянство, достаточно внимательно прочесть относящіяся сюда мѣста манифеста 1762 г., чтобы не согласиться съ означеннымъ взглядомъ. Изъ словъ и смысла ихъ *) видно напротивъ того, что какъ общія, такъ и временныя узаконенія относительно государственной службы, вышедшія въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая, согласовались съ принципомъ, провозглашеннымъ Петромъ III, чтобы дворянство не уклонялось отъ службы, какъ прямой своей обязанности и готовилось къ ней съ малолѣтства наукою. Этого мало: тотъ же манифестъ разъясняетъ необходимость, почему Петръ I призналъ за благо *принуждать дворянъ къ службѣ* и указавъ на результаты, достигнутые этой мѣрой, объявляетъ, что за тѣмъ не представляется *той необходимости* въ принужденіи, *какая* до сего времени была *потребна*. И такъ, по прямому смыслу этого манифеста, дворянство не освобождается вовсе отъ государственной службы, но лишь дѣлается для него та льгота, что оно не будетъ къ ней принуждаемо, развѣ представится въ немъ особая надобность. Но такая надобность едва ли можетъ быть ограничиваема тяжкими военными обстоя-

---

*) Въ пунктѣ 6-мъ объявляется, что къ неволѣной службѣ дворянство впредь требуемо не будетъ, развѣ особливая надобность въ томъ будетъ, и тогда она объявляется именнымъ указомъ; въ пунктѣ 7-мъ предоставляется герольдіи ежегодно по пропорціи живущихъ въ губерніяхъ, не въ службѣ находящихся дворянъ, требовать въ сенатъ, для надобности при ономъ и при его конторѣ, въ количествѣ 50 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы сами дворяне избирали ихъ изъ своей среды и объявлять кто выбранъ въ канцеляріяхъ, дабы оныя могли о томъ въ герольдію рапортовать, а выбраннымъ высылку учинить; въ пунктѣ 8-мъ предписывается находящихся въ военной службѣ дворянъ въ солдатахъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера, кои не дослужились до офицерства, не отставливать, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ; наконецъ, въ пунктѣ 9-мъ Императоръ изъявляетъ надежду, что „все благородное россійское дворянство по своей всеподданнической вѣрности и усердію побуждено будетъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, тѣхъ Мы яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ".

тельствами, когда является потребность, для защиты государства, въ народномъ ополченіи, какъ полагаетъ авторъ (стр. 194 и 203). Не правильнѣе ли понимать это мѣсто манифеста такъ, что всякая служба обязательна для дворянства, какъ и для другихъ сословій, когда она установляется именнымъ указомъ или положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ? Въ этомъ смыслѣ она есть не что иное какъ одна изъ повинностей, лежащихъ на обязанности всѣхъ подданныхъ государства *).

Главы 3-я и 4-я производятъ на читателя самое пріятное впечатлѣніе своею документальностію: мы хотимъ этимъ сказать, что авторъ, излагая здѣсь съ подробностію законоположенія, касающіяся развитія личныхъ правъ дворянъ, въ особенности же право владѣнія населенными имѣніями и крѣпостными людьми и искусно пользуясь источниками для извлеченія изъ нихъ фактовъ, объясняющихъ современный бытъ и происхожденіе изъ него означенныхъ законовъ или же наглядно представляющихъ значеніе и примѣненіе этихъ послѣднихъ къ жизни, весьма мало— и конечно поэтому самому—дѣлаетъ отступленій отъ такого способа изложенія для выводовъ, которые и въ отношеніи къ настоящему предмету были бы преждевременны. Вотъ почему обѣ эти главы даютъ лишь самую скудную пищу для критическаго ихъ разбора. Мы укажемъ только на нѣкоторыя противорѣчія, встрѣченныя нами въ сужденіяхъ автора по вопросу о привилегіи дворянства владѣть крѣпостными людьми. На стр. 212 развивается мысль, что лишь освобожденіемъ отъ обязательной службы (съ 1762 г.) дворянство становится сословіемъ привилегированнымъ и лишь съ изданія дворянской грамоты 1785 г. вводится въ законодательство понятіе личныхъ правъ его и самое это слово

---

*) Издавая въ свѣтъ настоящую рецензію почти черезъ три года послѣ ея составленія и представленія въ Академію Наукъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ считаемъ долгомъ указать на обнародованный 1-го января 1874 г. уставъ о военной повинности и на Высочайшій рескриптъ г. министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ ближайшая забота о распространеніи народнаго просвѣщенія поручена дворянству, отвѣтившему восторженными адресами Государю Императору на столь лестное и важное для него порученіе.

(личныя преимущества); а на стр. 215, по случаю перечисленія такихъ правъ, о важнѣйшемъ изъ нихъ—владѣніи крестьянами-сказано, что въ дворянской грамотѣ объ этомъ правѣ не упоминается, такъ какъ оно уже вполнѣ опредѣлилось ко времени ея изданія. Послѣднее замѣчаніе совершенно справедливо и подтверждается тѣмъ, что уже въ межевой инструкціи 1754 г. владѣніе населенными имѣніями пріурочено исключительно къ потомственному дворянству, какъ его важнѣйшая сословная привилегія. Но съ одной стороны офиціальное признаніе этой привилегіи не только не совпадаетъ съ годомъ предполагаемаго авторомъ освобожденія дворянства отъ крѣпостной зависимости по службѣ (1762 г.), но напротивъ ему предшествуетъ, а съ другой стороны не соотвѣтствуетъ и предположенію, выражаемому неоднократно въ разныхъ мѣстахъ разсматриваемаго сочиненія, что мотивъ укрѣпленія крестьянъ заключался въ томъ, чтобы доставить служилому классу (слѣдоват. высшему сословію) постоянныхъ работниковъ, дабы было «съ чего царскую службу служить», изъ чего слѣдовало бы впрочемъ заключить, что право это было уже привилегіей служилаго класса съ самаго учрежденія помѣстной системы. Тѣмъ не менѣе и приведенный сейчасъ мотивъ укрѣпленія людей долженъ быть отвергнутъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ, то, во 1-хъ, это укрѣпленіе совершилось бы не въ концѣ XVI и началѣ XVII стол., какъ это было, а съ самаго учрежденія помѣстной системы; во 2-хъ, какъ частная мѣра—до распространенія ея на крестьянъ всѣхъ землевладѣльцевъ—она началась бы именно съ крестьянъ служилыхъ людей, владѣвшихъ помѣстьями, данными имъ правительствомъ для службы, въ дѣйствительности же она предписана была сначала въ отношеніи крестьянъ и людей монастырскихъ и не по непосредственной иниціативѣ правительства, а по челобитью духовныхъ властей. Да и самая мысль будто обязательная служба дворянства шла въ нашей исторіи паралельно съ правомъ его на владѣніе населенными землями вообще и крѣпостными людьми въ частности, какъ бы право, вызванное къ жизни этою обязательностію (стр. 277) до тѣхъ поръ, пока съ ея отмѣною оно было обращено въ привилегію дворянства, совершенно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ изъ источниковъ о началѣ и раз-

витіи въ древней Россіи сельскаго и въ томъ числѣ крѣпостнаго населенія и даже всему тому, что говоритъ самъ авторъ о владѣніи крѣпостными людьми лицами разныхъ сословій даже до XIX стол., владѣніи не только случайномъ или скрытномъ, но и вполнѣ законномъ. Предѣлы нашего разбора не позволяютъ намъ подтвердить съ достаточною подробностью первое изъ этихъ возраженій автору; но мы полагаемъ довольно извѣстнымъ, что уже въ XI и XII столѣтіяхъ не только въ лѣтописяхъ, но и въ юридическихъ актахъ указывается на вотчины духовныхъ властей и свѣтскихъ лицъ, въ коихъ были рабы и холопи, занимавшіеся между прочимъ и земледѣліемъ; что право вотчинное не было вовсе тождественнымъ съ правомъ помѣстнымъ и въ отношеніи къ службѣ, ибо еще въ XVI столѣтіи вотчины не принимались въ расчетъ при назначеніи количества людей, съ которыми помѣщикъ долженъ былъ являться въ походъ, что и въ отношеніи къ самимъ помѣстьямъ не населеніемъ въ нихъ жившимъ опредѣлялась эта повинность, а количествомъ ихъ сохъ, вытей или четвертей, почему въ боярскихъ книгахъ и спискахъ прямо означалось, что съ такого-то помѣщика слѣдуетъ взять *съ земли* столько-то людей и уже соразмѣрно этому выдавалось ему жалованье какъ на «его голову», по статьѣ, въ которой онъ былъ верстанъ, такъ и на означенныхъ людей; что наконецъ подворное перечисленіе народа, если и дѣлалось въ древней Россіи, то имѣло цѣлью распредѣленіе податей, а не личныхъ силъ для службы. Что касается до втораго возраженія, то ссылаемся на подлинныя указанія автора, приведенныя на стр. 279 — 281 его книги въ подтвержденіе того, что владѣніе крѣпостными людьми какъ въ XVII-мъ, такъ и въ XVIII столѣтіи было правомъ не однихъ только помѣщиковъ. Въ виду этихъ данныхъ, едва ли нужно доказывать, что не правительство, не освободившее крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщикамъ уже въ 1762 г., когда оно, по словамъ автора, освободило самихъ помѣщиковъ отъ тягла или крѣпостнаго отношенія къ государству, дѣйствовало нелогично (стр. 277), а что онъ самъ, считая обязательную службу явленіемъ совершенно тождественнымъ съ крѣпостнымъ состояніемъ, поступилъ не только нелогично, но и совершенно несогласно съ источниками.

Обращаясь къ разсмотрѣнію пятой главы сочиненія, имѣющей предметомъ дворянство какъ сословіе, или развитіе корпоративныхъ его правъ, мы на первыхъ же строкахъ этой главы встрѣчаемся съ предвзятымъ мнѣніемъ, будто наше служилое (высшее) сословіе не имѣло до Петра В. значенія землевладѣльческаго класса (стр. 402). Сознаемся откровенно, что наше убѣжденіе по этому предмету совершенно противоположное. Намъ сдается, что всѣ недостатки военнаго управленія въ древней Россіи происходили оттого, что правительство не имѣло (значительнаго по числу) постояннаго войска, а имѣть его не могло, потому что помѣщики, которые доставляли почти исключительный контингентъ военныхъ силъ въ ратное время, были не только землевладѣльцами, но и жили преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, а службу отправляли лишь временно, по призыву, въ случаѣ войны или посылокъ. Всѣ интересы ихъ, какъ неоднократно замѣчаетъ и самъ авторъ, были обращены къ своимъ любимымъ пажитямъ и нивамъ и конечно ничто не влекло ихъ своихъ крестьянъ-земледѣльцевъ пріучать исподоволь къ ратному строю и военнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что и само правительство требовало отъ нихъ только того, чтобы они на сборныя мѣста приводили съ собою опредѣленное число людей въ назначенномъ заранѣе вооруженіи и доспѣхахъ. Но вопросъ здѣсь собственно въ томъ: имѣли-ли эти хозяева-воины участіе въ земскихъ дѣлахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были ихъ владѣнія? Авторъ полагаетъ, что и земскихъ дѣлъ, собственно говоря, въ то время не было, потому-что и мѣстныя должности имѣли значеніе лишь наряда мѣстныхъ служилыхъ людей на государево дѣло, хотя въ эти должности они были выбираемы. Но не помѣшало ли ему и здѣсь понятіе о службѣ обязательной, какъ тягла, выяснить надлежащую долю участія, которое мѣстные дворяне-владѣльцы могли имѣть въ дѣлахъ земства? Спрашивается: какія это были дѣла, на сколько они были чужды самимъ жителямъ губы или уѣзда, въ которыхъ правительство предписывало имъ дѣйствовать сообща, возлагая отправленіе этихъ дѣлъ «на ихъ души»? Охраненіе безопасности, раскладка и взиманіе податей и мѣстныхъ сборовъ, исполненіе всякаго рода другихъ повинностей, судъ и расправа. Ужели всѣ эти дѣла были такъ мало близки мѣстному

населенію, что все оно, поголовно, отрекалось отъ участія въ нихъ,—не фактически (ибо дошедшіе до насъ памятники свидѣтельствуютъ, что для обсужденія ихъ и выборовъ должностныхъ лицъ на то или другое земское дѣло сходки и съѣзды дѣйствительно бывали), но за недостаткомъ въ каждомъ членѣ земства убѣжденія въ могущей быть отъ нихъ пользѣ обществу или лично себѣ. Не могли же въ самомъ дѣлѣ земскія дѣла терять свое значеніе для мѣстныхъ жителей только потому, что они были «государевы», т. е. должны были служить къ удовлетворенію государственныхъ потребностей. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало автору останавливаться на дворянствѣ древней Руси лишь какъ на служиломъ сословіи, о мѣстномъ же его значеніи и вліяніи какъ богатаго землевладѣльца и члена земстеа отзываться отрицательно, не постаравшись разсмотрѣть предварительно источники, отчасти напечатанные, которые представляютъ данныя, свидѣтельствующія и о сельской жизни и занятіяхъ помѣщиковъ XVII вѣка и о дѣйствіяхъ и службѣ ихъ по выборамъ земскихъ людей.

Въ царствованіи Петра В., хотя онъ первоначально заботился о привлеченіи дворянства къ дѣламъ мѣстнаго управленія, оно не могло сложиться въ уѣздныя, а тѣмъ менѣе губернскія общества, потому что усиленіе обязательной службы дѣйствительно поглотило въ это царствованіе всю частную дѣятельность и мѣстные интересы этого сословія. Но при его преемникахъ дворяне стали чаще наѣзжать въ свои имѣнія, когда же манифестъ 1762 г. даровалъ имъ свободу отъ принудительной постоянной службы, они толпами начали переселяться въ деревни. Наконецъ настаетъ вѣкъ Екатерины II. она издаетъ губернское учрежденіе и дворянскую грамоту, предоставляющія разомъ столько правъ высшему сословію, утверждающія за нимъ столько привилегій. Казалось бы теперь ничто уже не мѣшало дворянству обратиться въ классъ исключительно землевладѣльческій и стать во главѣ мѣстнаго управленія. Вмѣсто того, что говоритъ авторъ, приготовлявшій насъ всѣми предыдущими главами своей книги къ предвкушенію этого блаженнаго состоянія дворянства. «Выборы въ мѣстныя должности сдѣлались для дворянства обязательной службой во второмъ исправленномъ изданіи. Обязатель-

ная служба въ арміи и во флотѣ, при сенатѣ и коллегіи преобразовалась въ обязательную службу въ губерніи и уѣзды, при палатѣ или земскомъ судѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе г. Лохвицкаго, что Екатерина II перечислила дворянство относительно отправляемой имъ службы изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, столько же остроумно, сколько и вѣрно. При отбываніи этого новаго тягла, этой обязательной службы въ новомъ исправленномъ изданіи, мы подчасъ замѣчаемъ тѣже явленія какъ и прежде — тѣже *нытчики* на дворянскихъ выборахъ, тоже *отлыниваніе* отъ службы по выборамъ. Къ этому присоединились еще другія причины, повліявшія на то, что исторія участія дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянскіе выборы—не составляютъ свѣтлаго эпизода въ исторіи этого сословія. Причины эти, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже: раздвоеніе дворянства на аристократію и низшее дворянство, абсентеизмъ первой изъ помѣстій и др.» (стр. 420). Что же породило эти явленія и эти ихъ причины? «дворянство потянулось на государственную службу: чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія, а чинъ главнымъ образомъ давался государственною службою. Гакстгаузенъ удивляется, что въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить дворянина, который бы не служилъ или не служитъ по военной или гражданской службѣ; имѣть чинъ въ Россіи, по словамъ путешественника—такой-же почетный обычай, какъ въ сѣверной Германіи университетская степень (Etudes, t. 3, p. 43, 62). Такимъ образомъ и послѣ отмѣны обязательной службы, дворянство продолжаетъ быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ* классомъ. Такъ на себя смотрѣло само дворянство, такъ смотрѣло на него и законодательство» (стр. 491—492).

И такъ въ теченіе всей Русской исторіи до новѣйшихъ преобразованій не осуществился въ отношеніи къ дворянству идеалъ, который составилъ себѣ авторъ о значеніи, правахъ и обязанностяхъ высшаго сословія, какъ одного изъ элементовъ государства. Идеалъ этотъ конечно лишь смутно рисуютъ намъ отрывочныя мысли, разсѣянныя въ разсматриваемой нами книгѣ по поводу той или другой привилегіи, той или другой обязанности дворянства; но очевидно, что авторъ не желаетъ видѣть въ немъ

сословіе, подвизающееся на государственной и мѣстной службѣ, по крайней мѣрѣ предпочтительно предъ другими сословіями. Вотъ почему онъ, какъ кажется, недоволенъ тѣмъ, что, начиная съ древнѣйшихъ временъ, правительство смотрѣло на дворянство какъ на служилый классъ по преимуществу и еще болѣе недоволенъ дворянствомъ, которое и послѣ изданія манифеста 1762 г. не перестаетъ стремиться на государственную службу. Но если факты минувшей жизни дворянства, какъ сословія, не отвѣчали теоріи, сложившейся въ умѣ автора, такъ точно, какъ надѣемся мы, не будетъ отвѣчать ей и предстоящая этому сословію общественная дѣятельность, то это еще не значитъ, что дворянство не соотвѣтствовало доселѣ и впредь не будетъ соотвѣтствовать своему назначенію и призванію въ государственномъ строѣ Россіи. Къ счастію, самъ авторъ не придаетъ своимъ выводамъ большой цѣны и приглашаетъ насъ видѣть въ его трудѣ лишь матеріалъ, который долженъ послужить будущимъ изслѣдователямъ для окончательнаго выясненія прошлой жизни дворянства; поэтому скажемъ нѣсколько словъ относительно исполненія имъ такой задачи, состоявшей въ собраніи данныхъ и группировкѣ ихъ въ указанномъ выше систематическомъ порядкѣ.

Прежде мы уже имѣли случай коснуться отчасти разсматриваемаго нами труда съ фактической его стороны. Мы обратили вниманіе на тщательность, съ какою авторъ исчерпалъ въ этомъ отношеніи въ особенности Полное Собраніе Законовъ—богатѣйшую и еще такъ мало початую руду для всякаго рода изслѣдованій по русской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Но онъ не удовольствовался и хронологическимъ сведеніемъ данныхъ, извлеченныхъ изъ этого источника, по каждой главѣ и раздѣлу своей книги. ему казалось необходимымъ подвергнуть такому же тщательному пересмотру и Сводъ Законовъ, на сколько выработавшееся исторически законодательство въ отношеніи къ правамъ и обязанностямъ дворянства получило здѣсь догматическое признаніе. И какіе превосходные результаты дала эта работа надъ сухими, по видимому, и безконечными докладами, указами, положеніями, статьями и даже цифрами. Въ систематическомъ строѣ и преемственномъ порядкѣ они облеклись въ жизнь и плоть и воскрешаютъ передъ читателемъ не только царственныхъ двига-

телей въ теченіе богатыхъ событіями столѣтій, избранныхъ авторомъ для своего изслѣдованія, но и ближайшихъ ихъ помощниковъ. Какіе цѣльные типы складываются въ нашемъ умѣ, когда, переходя по книгѣ отъ одного царствованія къ другому, мы доводимъ ея чтеніе до конца; какъ рельефно выдвигаются, со всѣми своими особенностями, съ постоянствомъ или неровностью въ характерѣ, не только такіе великіе дѣятели, каковы были Петръ и Екатерина II, Александръ I и Николай, но и Императрицы Анна и Елизавета и Императоръ Павелъ I! Въ особенности отрадное впечатлѣніе производитъ цѣлый рядъ распоряженій Императора Николая, свидѣтельствующихъ съ какою неуклонною твердостью онъ стремился къ улучшенію быта крѣпостнаго состоянія и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ благородно и честно относился и къ дѣятельности дворянства, какъ высшаго сословія, призваннаго къ государственной службѣ и исторіей и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Факты, приведенные въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Романовичъ-Славатинскаго, не требуютъ комментаріевъ: они говорятъ за себя гораздо болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать громкія, но лишенныя содержанія фразы. Вотъ почему мы не можемъ не замѣтить, что хотя авторъ счелъ полезнымъ оживить эти хронологическіе перечни правительственной дѣятельности въ отношеніи дворянства довольно многочисленными выдержками изъ записокъ и разсказовъ современниковъ, служащихъ къ ихъ поясненію или обрисовывающихъ яркими красками бытъ и стремленія служилаго класса въ разные періоды, которые онъ проходилъ съ XVII вѣка по изданіе манифеста 19 февраля 1861 г., и конечно этимъ самымъ придалъ своей книгѣ значительный интересъ, тѣмъ не менѣе, зная какъ иногда современники событій и разныхъ мѣръ правительства увлекаются въ оставляемыхъ ими потомству очеркахъ своими страстями и личными впечатлѣніями и что потому сказанія ихъ не всегда бываютъ близки къ истинѣ (достаточно лишь указать напр. на записки Вигеля), мы поставляемъ главную заслугу автора въ томъ, что онъ понялъ настоящее значеніе фактической разработки своего предмета по законодательнымъ источникамъ и посвятилъ ей много времени и труда. Мы не признаемъ однако за нужное перечислять въ подробности содержаніе всѣхъ главъ и раздѣловъ его книги, ибо по характеру

историко-догматическаго изложенія этой ея части такое перечисленіе не имѣло бы никакой цѣли кромѣ того, что подтвердило бы наши слова о количествѣ труда, положеннаго авторомъ на выполненіе своей задачи, и о пользѣ, принесенной тѣмъ наукѣ. Считаемъ поэтому болѣе соотвѣтствующимъ нашей обязанности какъ рецензента указать, въ заключеніе нашей статьи, на нѣкоторыя ошибки, опущенія или неточности, встрѣчающіяся въ фактической части разсматриваемаго сочиненія.

На стр. 43-й указано, что древнѣйшая боярская книга, сохранившаяся въ сенатскомъ разрядномъ архивѣ (нынѣ 1-е отдѣленіе московскаго архива министерства юстиціи) относится къ 1627 г. Хотя это и справедливо, но слѣдовало бы указать не на эту книгу, а на хранящуюся подъ именемъ боярской же книги рукопись въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ 1556 г., тѣмъ болѣе, что она вполнѣ напечатана (въ 3-й книгѣ «Архива историко-юридическ. свѣдѣній о Россіи») и авторъ нашелъ бы въ ней нѣкоторые факты, которые могли бы предохранить его отъ указанныхъ выше погрѣшностей въ его теоретическихъ выводахъ.

На стр. 117 упоминается, что новики верстались въ службу съ 18-лѣтняго возраста. Въ источникахъ, сюда относящихся, между прочимъ и въ десятняхъ, въ которыя вносились впервые вновь верстанныя боярскія дѣти, такимъ срокомъ считается исключительно 15 лѣтъ, какъ и вообще 15-лѣтній возрастъ усвоивалъ разныя права и обязанности въ древней Россіи.

На стр. 166 авторъ утверждаетъ, что въ средѣ нашего дворянства очень мало фамилій, удержавшихъ свои помѣстья съ XVII или даже XVI вѣка. Что большая часть нынѣшняго дворянства дѣйствительно новѣйшаго происхожденія, причина тому — чрезмѣрное размноженіе членовъ этого сословія со временъ Петра В; но тѣмъ не менѣе большое число древнихъ фамилій, владѣвшихъ вотчинами или помѣстьями, удержало ихъ: по нѣкоторымъ уѣздамъ великороссійскихъ губерній мы лично знаемъ многихъ, живущихъ даже рядомъ, потомковъ вотчинниковъ и помѣщиковъ XVI вѣка, которые могутъ подтвердить сохранившимися у нихъ документами, что они владѣютъ тѣми же землями, которыя были ихъ предкамъ пожалованы или ими пріобрѣтены. Еще нагляднѣе могутъ

убѣдить въ этомъ сличенія дворянскихъ фамилій, значащихся въ боярскихъ и другихъ спискахъ, напечатанныхъ г. Ивановымъ въ разныхъ его изданіяхъ, между прочимъ въ двухъ вѣдомостяхъ «дворянскимъ фамиліямъ (чиновъ), имѣвшимъ недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами въ 1700 г.», приложенныхъ къ его сочиненію: «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ», съ фамиліями, находящимися въ изданной Миллеромъ бархатной книгѣ.

На стр. 238 читаемъ положеніе: «поземельное владѣніе въ XVII столѣтіи возможно было только подъ условіемъ службы государству». Авторъ, выставляя такое положеніе, имѣлъ конечно въ виду одно дворянское сословіе, ибо безъ сомнѣнія ему извѣстно, что монастыри, разныя духовныя власти, гости и торговые люди, наконецъ даже крестьяне владѣли также землями въ древней Россіи, какъ и въ послѣдующее время, хотя на нихъ не лежало повинности по службѣ въ томъ смыслѣ какъ говоритъ о ней авторъ въ отношеніи служилаго сословія. Но и въ примѣненіи къ послѣднему означенное выраженіе подлежитъ ограниченію: лишь помѣстное владѣніе возможно было подъ условіемъ службы государству; но какъ помѣстьями верстались всѣ принадлежавшіе къ классу служилыхъ людей, то службу должны были нести изъ числа ихъ и вотчинники, хотя одно вотчинное владѣніе къ ней не обязывало.

На стр. 239 авторъ замѣчаетъ: «соединеніемъ помѣстій съ вотчинами едва ли выиграли права поземельной собственности дворянства — скорѣе это соединеніе было въ интересѣ распространенія регальныхъ правъ государства на всякое поземельное владѣніе, окончательнымъ торжествомъ того порядка, который выработывался уже въ XVII ст. — подчиненіе условіямъ ограниченнаго помѣстнаго владѣнія полнаго и вотчиннаго». Такая мысль противорѣчитъ убѣжденіямъ и правительства и дворянства, приводимымъ самимъ авторомъ. Если означенное соединеніе дворянство считало для себя благодѣяніемъ, какимъ оно и было въ самомъ дѣлѣ, предоставляя высшему сословію тѣже права относительно помѣстій, какими оно пользовалось относительно вотчинъ, то предположеніе будто чрезъ то ограничивались эти послѣднія, нельзя не признать неосновательнымъ, во 1-хъ, пото-

му что правительство всегда считало себя въ правѣ дѣлать всякія ограниченія относительно вотчинныхъ правъ на землю и безъ сліянія ихъ съ помѣстными, а во 2-хъ, потому что по закону до Петра В. помѣстные права не были тождественны, съ правами вотчинными.

На стр. 308 читаемъ: «замѣчено довольно справедливо что лучшими помѣщиками, дѣйствительно нерѣдко отцами для своихъ крестьянъ, всегда болѣе были помѣщики исконные, *родовые*». И мы, съ своей стороны, не можемъ съ этимъ не согласиться; но не можемъ также не замѣтить что слова эти не соотвѣтствуютъ сужденіямъ автора въ другихъ мѣстахъ его книги объ отношеніяхъ родоваго дворянства къ крестьянамъ и о презрѣніи, какое оно имъ оказывало.

На стр. 355, говоря о побѣгахъ крестьянъ, авторъ находитъ, что «причина ихъ заключалась не въ *бродяжнической натурѣ русскаго мужика*, а въ условіяхъ, лежащихъ въ крѣпостной средѣ, въ томъ гнетѣ, которому подвергались крѣпостные крестьяне и отъ котораго такъ естественно было желаніе освободиться» а черезъ три страницы (358) замѣчаетъ, что «крѣпостное право» только «содѣйствовало развитію бродяжническихъ инстинктовъ населенія» Которое же изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ положеній должно считать вѣрнымъ? Мы думаемъ, что то и другое не лишено основанія; но первое выражено слишкомъ рѣзко и несогласно съ дѣйствительностію.

Къ книгѣ своей авторъ приложилъ значительное количество примѣчаній (всего 149), въ которыхъ дѣлаетъ фактическія дополненія къ предметамъ, не исчерпаннымъ имъ вполнѣ въ текстѣ сочиненія, предлагаетъ статистическія данныя, приводитъ характеристическія мѣста изъ разныхъ источниковъ и вообще тщательно старается подкрѣпить свои выводы или подтвердить ихъ подлинными словами и цифрами, извлеченными изъ самаго разнообразнаго матеріала съ большимъ трудолюбіемъ и искусствомъ, хотя и здѣсь не обошелся безъ выходокъ, мѣшающихъ серьезности предмета (см. напр. въ при-

мѣч 9, на стр. 507 выходку о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который авторъ называетъ «по истинѣ прелестнимъ (!?)». Къ сожалѣнію, отысканіе примѣчаній затрудняютъ невѣрныя ссылки на нихъ, происшедшія отъ пропуска одного примѣчанія (74) и одной излишней цитаты, такъ что ссылку 74 слѣдуетъ считать, какъ и указываетъ впрочемъ самъ авторъ въ опечаткахъ, за 76, слѣдующую 77 и т. д. Но особенно благодарны мы автору за приложенные имъ въ концѣ книги «сдѣлочные акты на крестьянъ» въ исходѣ XVIII и XIX столѣтія къ коимъ относятся 9 купчихъ, 4 закладныхъ, 5 дарственныхъ и 1 мѣновая. Правда, что эти акты касаются слишкомъ ограниченной мѣстности и относятся большею частію къ одному лицу какъ пріобрѣтателю по нимъ; но если прекрасный примѣръ, раздѣляемый впрочемъ авторомъ и съ другими новѣйшими изслѣдователями (таковы особенно труды проф отца Горчакова), не ограничиваться при розысканіяхъ одними печатными документами, а пользоваться и богатыми рукописными матеріалами, все болѣе изчезающими, особенно изъ частныхъ фамильныхъ архивовъ, если, говоримъ, этотъ примѣръ войдетъ въ обычай, то наша историко-юридическая литература усвоитъ себѣ тотъ пріемъ, который, по нашему мнѣнію, необходимъ ей для того, чтобы она избавилась отъ несовсѣмъ еще оставленной ею методы—стремиться къ выводамъ болѣе на основаніи теоретическихъ соображеній, нежели вслѣдствіе изученія фактовъ предлагаемыхъ въ такомъ обиліи дошедшими до насъ источниками, начиная съ XVII столѣтія.

Н. Калачовъ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

ИЗДАНІЕ

Н. Калачова.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тино-Литографія А. Е. Ландау, Офицерская, 17.
1885.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 11 Іюня 1885 г.

Оглавленіе.

		стр.
I.	Высочайшій рескриптъ Дворянству, данный 21 апрѣля 1885 года, и значеніе его въ исторіи русскаго дворянскаго сословія	5—10
II.	Одинъ изъ моментовъ празднованія въ Москвѣ столѣтняго юбилея Высочайше жалованной Дворянству грамоты. Замѣтка **Н. Калачова** . .	11
III.	Всеподданнѣйшіе адрессы губернскихъ дворянствъ по поводу Высочайшаго рескрипта 21 апрѣля 1885 года	12
IV.	Первый приступъ въ царствованіе Екатерины II къ составленію Высочайшей грамоты Дворянству Россійскому. Сообщено **А. Н. Куломзинымъ**. .	13—71
V.	Замѣтка по поводу преміи, ассигнованной Харьковскимъ Дворянскимъ Собраніемъ за сочиненіе о русскомъ дворянствѣ	72

I.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Благородному Россійскому Дворянству

данный 21 апрѣля 1885 года

и значеніе его въ исторіи Русскаго дворянскаго сословія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

БЛАГОРОДНОМУ РОССІЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Въ день 21-го Апрѣля 1785 года приснопамятная Прабабка НАША, Императрица Екатерина II, признала за благо жалованною грамотой положить основаніе въ ряду сословій Россійскаго Государства благородному сословію Дворянства, пріявшему начало свое отъ служилыхъ издревле родовъ, кои, „обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли своему потомству нарицаніе: благородное“. При семъ Монархиня всенародно свидѣтельствовала Свою признательность Дворянству за заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Россійскимъ, оказанныя въ наисмутнѣйшія времена какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира.

Нынѣ исполнилось сто лѣтъ со дня пожалованія грамоты. Дворянство Россійское, слѣдуя завѣту предковъ—служить вѣрой и правдой Государеву службу и полагать благородство въ вѣрности и честь свою въ правдѣ, — неуклонно служило Царямъ земли Русской главною опорой въ управленіи Государствомъ и въ оборонѣ отъ враговъ внѣшнихъ; въ трудные же дни испытаній съ безпримѣрнымъ одушевленіемъ, какъ одинъ человѣкъ, отзывалось на призывъ Отечества. Сердцу НАШЕМУ пріятно признать сіе и ЦАРСКИМЪ словомъ НАШИМЪ засвидѣтельствовать.

И въ недавнее время, когда, по призыву Монарха, Незабвеннаго НАШЕГО Родителя, потребовалось приступить къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, Дворянство отозвалось на сей призывъ съ готовностью и, понеся при семъ не малыя жертвы въ достояніи своемъ, явило примѣръ великодушія, рѣдкій въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ.

Въ нынѣшній знаменательный день, останавливаясь признательною мыслью на исторіи благороднаго сословія, нераздѣльной съ исторіей Государства и народа Россійскаго, МЫ твердо уповаемъ, что сыны доблестныхъ отцовъ, послужившихъ Государству, явятъ себя достойными членами сего сословія на службѣ Отечеству. Попеченіе НАШЕ обращено при семъ на то, чтобы облегчить имъ способы и впредь выполнять съ честью столь высокое призваніе. Во вниманіе къ нуждамъ дворянскаго помѣстнаго землевладѣнія, во многихъ мѣстахъ разстроеннаго оскудѣніемъ хозяйственныхъ средствъ и затрудненіемъ кредита, МЫ повелѣли Министру Финансовъ приступить, на указанныхъ НАМИ началахъ, къ учрежденію особаго Дворянскаго Земельнаго Банка, дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія. Не сомнѣваясь, что продолженію сей дѣятельности соотвѣтствовать будутъ доблестные успѣхи и на другихъ поприщахъ, издавна указанныхъ Дворянству исторіей и волею Монарховъ, МЫ, для пользы Государства, признаемъ за благо, чтобы Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры

и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія.

Свидѣтельство неизмѣннаго Монаршаго благоволенія на порогѣ наступающаго столѣтія да послужитъ Россіянамъ, принадлежащимъ къ благородному сословію, новымъ возбужденіемъ къ вѣрному усердію въ служеніи своемъ на пользу Государству. Отцы и матери да потщатся воспитывать дѣтей своихъ, будущій родъ Россійскаго Дворянства, въ духѣ вѣры, воспитавшей и утвердившей Россію, въ правилахъ чести, въ простыхъ обычаяхъ жизни, въ неизмѣнной преданности Престолу и истинному благу Отечества.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Данъ въ Гатчинѣ.
Апрѣля 21 дня 1885 года.

Много разъ читали мы и перечитывали долженствующія глубоко врѣзаться въ памяти каждаго русскаго правдивыя и вѣрныя нашей исторіи слова Высочайшаго рескрипта, даннаго дворянству 21-го сего апрѣля, и каждый разъ радостно билось наше сердце при мысли, что великій Самодержецъ знаетъ наше настоящее и прошлое, сочувствуетъ нашему счастію и горю и въ текущее дѣйствительно трудное время не только для дворянства, но и для прежняго крѣпостнаго сословія, заботливо подаетъ намъ руку помощи. Русскому сердцу эта заботливость не только священна, но и понятна: не составляетъ-ли весь русскій народъ неразрывное цѣлое съ своимъ самодержавнымъ Царемъ, и Царь и народъ не должны-ли устремлять всѣ общіе имъ помыслы и дѣйствія на благо своего родного отечества? Вполнѣ однако понятна такая тѣсная между Царемъ и народомъ связь только тому, кто слѣдилъ по хартіямъ нашихъ лѣтописей и актовъ за утвержденіемъ и развитіемъ въ Россіи государственной власти, за насажденіемъ ею православія въ центрѣ, какъ и въ самыхъ далекихъ окраинахъ Московскаго Царства, а впослѣдствіи Россійской Имперіи, кто вы-

несъ отсюда глубокое убѣжденіе въ великомъ значеніи неограниченной съ одной стороны воли Монарха и столь же неограниченныхъ съ другой стороны любви, довѣрія къ Нему и нелицемѣрной Ему преданности всей русской земли...

Перечитываемъ еще разъ священный рескриптъ, и дѣйствительно переносимся въ нашу древнюю Русь какъ она «началась и пошла», вспоминаемъ и нашихъ родовитыхъ бояръ и сановитыхъ служилыхъ людей, и великихъ русскихъ іерарховъ, и народныя массы, которыя проходятъ передъ нами черезъ длинный рядъ *тяжелыхъ* вѣковъ и испытаній, но и блещутъ въ исторіи такими заслугами, какимъ могутъ намъ по всей справедливости завидовать иностранцы. Въ виду всѣхъ, въ разныхъ городахъ и весяхъ необъятнаго государства, совершались и у насъ великія реформы — собираніе русской земли въ одно цѣлое, водвореніе всюду помѣстныхъ и вотчинныхъ правъ съ крѣпостнымъ состояніемъ и служилыхъ людей и крестьянъ, внесеніе къ намъ великимъ Преобразователемъ Россіи достигнутыхъ на Западѣ результатовъ науки и искусства, отмѣна затѣмъ службы какъ крѣпостнаго тягла, а наконецъ и крѣпостной зависимости крестьянъ, новые уставы судебные, усовершенствованія по разнымъ частямъ управленія, и однако все-таки прежняя струя народной жизни течетъ съ прежнею величавою простотою, и Самъ Царь указываетъ намъ, какъ наши предки, среди служебныхъ своихъ занятій, усердно предавались и сельскимъ занятіямъ и всеуѣзднымъ общимъ дѣламъ своей родины. *Слѣдовать ихъ примѣру и стоять Дворянству и впредь во главѣ народной жизни и народнаго развитія, не щадя и на будущее время своихъ личныхъ интересовъ для общественной пользы* — увѣщеваетъ насъ Царское Слово, возобновляя въ нашей памяти дарованную намъ сто лѣтъ тому назадъ, въ томъ же смыслѣ, грамоту Императрицей Екатериной II, и русское-ли дворянство не откликнется на этотъ священный призывъ всѣми своими силами и заботами, изъ коихъ первая и важнѣйшая—воспитаніе нашего новаго поколѣнія въ тѣхъ добрыхъ началахъ, которыя сильно и всюду потрясены въ послѣднее время...

Н. К.

II.

Одинъ изъ моментовъ празднованія въ Москвѣ столѣтняго юбилея Высочайше жалованной Дворянству грамоты.

«Среди многолюднаго ликующаго дворянства въ огромной залѣ Дворянскаго Собранія — разсказывалъ мнѣ доблестный Московскій Генералъ-Губернаторъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ—я встрѣтилъ дѣтей, которыхъ родители вели за руки, чтобы не потерять ихъ въ толпѣ. На вопросъ, задававшійся отцамъ: зачѣмъ они пріѣхали сюда съ дѣтьми?—они отвѣчали: «Развѣ такіе дни, какой выпалъ намъ сегодня на долю, бываютъ часто? Мы привезли сюда дѣтей, чтобы въ ихъ юной и живой памяти сохранились навсегда тѣ счастливыя минуты, которыя мы переживаемъ въ этотъ день, чтобы они были очевидцами и свидѣтелями восторга, въ который привелъ все собраніе прочтенный ему Высочайшій рескриптъ, чтобы, наконецъ, они передавали и своему потомству тѣ благодарныя чувства и горячія пожеланія Царю, которыя такъ громогласно и долго здѣсь раздавались».—«Я самъ родился въ Москвѣ—сказалъ въ заключеніе Князь, — живу въ ней, по моей теперешней должности, уже двадцать лѣтъ и знаю, что̀ значитъ здѣшняя столица, какъ сердце всей Россіи, знаю какъ разнесется по ней изъ Москвы и охватитъ ее тѣмъ же восторгомъ прямое и милостивое Царское слово, и для того призналъ своею обязанностью прочесть лично Высочайшій рескриптъ»...

Н. Калачовъ.

III.

Всеподданнѣйшіе адрессы губернскихъ дворянствъ по поводу Высочайшаго рескрипта 21 апрѣля 1885 года.

Высочайшій рескриптъ Россійскому Дворянству вызвалъ во всѣхъ губерніяхъ восторженные адрессы, которыми мѣстныя дворянства выражаютъ вполнѣ сознательно и ясно возобновляемое Царствующимъ нынѣ Государемъ Дворянству «прирожденное ему право быть въ первомъ ряду на службѣ Престолу и Отечеству», и признаніе его, по достославному примѣру предковъ, «способнымъ служить главною опорою верховной власти и руководителемъ другихъ сословій въ вѣрномъ пониманіи долга и законности»; съ своей же стороны приносятъ глубокую Вѣнценосцу благодарность за возлагаемыя Имъ на Дворянство, «какъ на передовое сословіе, важныя обязанности», и молятъ Всевышняго «о дарованіи имъ силъ выполнять съ надлежащимъ достоинствомъ таковое признаніе». По прочтеніи адрессовъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «Объявить отъ имени Его Императорскаго Величества сердечную благодарность Дворянству за выраженныя имъ чувства вѣрноподданнической преданности и любви къ Отечеству».

IV.

ПЕРВЫЙ ПРИСТУПЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

КЪ СОСТАВЛЕНІЮ

Высочайшей грамоты Россійскому Дворянству.

Содержаніе.

	стран.
Введеніе. **А. Н. Куломзина**	17—19
I. Пункты къ разсужденію о вольности дворянства, предложенные учрежденной при Дворѣ Екатерины II, февраля 11-го 1763 г., Коммиссіи. . .	20—22
II. Росписаніе по пунктамъ и по матеріямъ манифеста Императора Петра III о вольности дворянской .	22—26
III. Пункты, предложенные Генералъ-фельдмаршаломъ Графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ	26—34
IV. Собственноручныя замѣчанія Графа Никиты Ивановича Панина	34—37
V. Подлинный заключительный докладъ Коммиссіи отъ 18 марта 1763 года съ собственноручными резолюціями Императрицы Екатерины II . . .	38—71

Введеніе.

Въ VII томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества напечатанъ своеручно написанный Великою Государынею Указъ, отъ 11 февраля 1763 года, генералъ-фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, Малороссійскому гетману графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому, канцлеру графу Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Якову Петровичу Шаховскому, оберъ-гофмейстеру Государя Наслѣдника Никитѣ Ивановичу Панину (впослѣдствіи графу), генералъ-аншефу графу Захару Григорьевичу Чернышеву, генералъ-аншефу князю Михайлѣ Никитичу Волконскому и генералъ-адъютанту графу Григорію Григорьевичу Орлову—объ открытіи ими при дворѣ Ея Величества коммисіи о русскомъ дворянствѣ. Цѣлью коммисіи былъ поставленъ пересмотръ данной дворянству Императоромъ Петромъ III грамоты. «Актъ сей», говорится въ указѣ, «въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ данную дворянству свободу, нежели общая отечества польза и наша служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества». Назначенные Императрицею высшіе государственные сановники должны были разсмотрѣть вопросъ: «какимъ отъ Ея Величества особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить, въ потомки свои, изъ руки Монархини новый залогъ Монаршаго къ нему благоволенія». При этомъ коммисія должна была озаботиться, чтобы «учреждены были такія статьи, ко-

торыя бы наивящше поощряли честолюбіе дворянъ къ пользѣ и службѣ Государыни и нашего любезнаго отечества» *). Для «содержанія» протокола, коммисіи приданъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тепловъ.

Ученый собиратель собственноручныхъ бумагъ Екатерины II, покойный академикъ Пекарскій указываетъ на то, что коммисія начала свои засѣданія 15-го февраля 1763 г., а 18-го марта было постановлено поднести на разсмотрѣніе и одобреніе Императрицы какъ статьи, выработанныя коммисіею, такъ и разсужденія, имѣвшія притомъ мѣсто. Черновой объ этомъ докладъ, написанный рукою Теплова, хранится въ государственномъ архивѣ министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Другой экземпляръ того же доклада, написанный рукою Великой Государыни, съ нѣкоторыми варіантами противъ черняка, напечатанъ въ упомянутомъ Сборникѣ **).

Покойный историкъ Соловьевъ, въ XXV томѣ своей исторіи, говоря объ упомянутой коммисіи, приводитъ мнѣніе графа Бестужева-Рюмина, указывавшаго между прочимъ на необходимость привлеченія дворянскаго сословія къ службѣ мѣстной. Бестужевъ-Рюминъ предлагалъ, чтобы уволенные отъ службы дворяне избирали поуѣздно ландратовъ, которые «имѣли бы въ своемъ вѣдомствѣ уѣзды и исправляли бы въ нихъ все, потребное для службы государственной». Онъ шелъ и далѣе— предлагая предоставить дворянству избирать людей «достойныхъ къ замѣщенію мѣстъ: губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей». Коммисія, однако, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ историкъ, увлеклась явно невѣрнымъ пониманіемъ уровня тогдашняго дворянства и остановилась на ложной точкѣ зрѣнія, что не слѣдуетъ отнюдь стѣснять дворянской вольности. Здравая мысль о мѣстной дворянской службѣ была устранена изъ доклада. Послѣдствіемъ было то, что докладъ не удостоился утвержденія Императрицы и дѣло было оставлено до 1785 года.

Въ настоящее время мнѣ удалось, благодаря любезно мнѣ

*) Полное собраніе законовъ, т. XVI, № 11,751; VII томъ Сборн. И. Общ., стр. 232.

**) VII томъ Сб. И. Р. И. Общ., стр. 238 и слѣд.

оказанному содѣйствію, какъ г. Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и его Товарищемъ, такъ спеціально барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Бюлѣромъ, извлечь изъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ матеріалы, послужившіе учрежденной въ 1763 г. коммисіи къ составленію ея доклада. Таковы: предложенные на обсужденіе коммисіи пункты, извлеченіе изъ манифеста Петра Щ, мнѣніе графа Бестужева-Рюмина и собственноручныя замѣчанія Панина. Считаю своевременнымъ напечатать эти документы, признавая за мнѣніемъ графа Бестужева-Рюмина значеніе той исходной мысли, изъ которой выработались, 12 лѣтъ спустя, созданныя Великою Монархинею мѣстныя учрежденія. Наконецъ, я рѣшился для полноты воспроизвести здѣсь хранящійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ подлинный докладъ коммисіи за подписями членовъ, снабженный столь мѣткими и исполненными глубокаго юмора Государыни собственноручными отмѣтками, которыхъ не имѣется въ текстѣ, напечатанномъ Историческимъ Обществомъ, такъ какъ подлинный докладъ Обществу былъ неизвѣстенъ.

Таковъ первый приступъ къ составленію Грамоты Россійскому Дворянству, столѣтіе которой мы на дняхъ праздновали.

А. Н. Куломзинъ.

I.

Пункты къ разсужденію о вольности дворянства, предложенные учрежденной при Дворѣ Екатерины II, 11 февраля 1763 г., коммисіи.

1. Вовсе ли дать дворянству вольность и свободу, чтобъ оно служило или не служило, или же положить такое время, которое надлежало бы каждому выслужить, прежде нежели имѣть позволеніе просить отставки.

2. Не надобно-ли при семъ случаѣ, когда права и преимущества дворянства навсегда опредѣлены быть имѣютъ, различить между тѣми дворянами, кои служить не будутъ,— старыя и новыя фамиліи, а особливо титрованныя, какъ то княжескія, графскія и баронскія.—предсѣданіемъ и другими, по примѣру прочихъ Европейскихъ государствъ, отличностьми.

3. Не будетъ ли за благо разсуждено опредѣлить отставляемымъ отъ службы первыхъ пяти классовъ персонамъ, въ награжденіе оказанныхъ ими Ея Императорскому Величеству и отечеству знатныхъ услугъ, тѣ же самыя внутри государства почести, какія имѣютъ дѣйствительно служащіе тѣхъ чиновъ, дабы такою отличностью пріохочивать дворянство къ службѣ.

4. Не должно ли, для различенія фамилій и для утвержденія ихъ навсегда, сдѣлать по герольдіи точное о каждомъ родѣ разсмотрѣніе, дабы узнать прямо происхожденіе и древность всего дворянства и снабдить оное потому пристойными гербами.

5. Не будетъ ли за полезное признано для различенія между дворянами тѣхъ, кои отечеству служили, и тѣхъ, кои никогда

въ службѣ не были, узаконить навсегда, дабы первые не были употребляемы ни въ какія земскія и городскія службы и наряды, а, напротивъ того, одни послѣдніе несли сію тягость.

6. Во всякое ли время, или только въ мирное, а по крайней мѣрѣ въ военное—не прежде какъ по окончаніи кампаніи,—позволить военнымъ чинамъ просить объ отставкѣ и какимъ образомъ, да и отъ кого получать имъ оную, военнымъ отъ военной ли, а морскимъ отъ адмиралтейской коллегіи; такъ же до какихъ чиновъ имѣть симъ обѣимъ коллегіямъ свободу, дѣлать собою отставку, въ чемъ кажется по гражданскимъ чинамъ и всѣмъ другимъ равенство съ сими обѣими въ разсужденіи собственныхъ ихъ служителей дозволить надобно, — представляя сенату отставку чиновъ изъ вышнихъ классовъ.

7. Для наблюденія въ семъ случаѣ равенства, не угодно ли будетъ единожды навсегда предписать, какія дѣлать при отставкѣ повышенія, различая весьма тѣхъ, кои долго въ одномъ чину были, и тѣхъ опять, кои не задолго до отставки настоящій свой получили.

8. Не меньше видится быть нужно сдѣлать опредѣленіе для тѣхъ, кои, изъ службы вышедъ, паки въ оную вступить похотятъ, дабы предохранить дѣйствительно служащихъ отъ обиды.

9. Весьма важно постановить точный законъ для тѣхъ, кои изъ государства ѣхать похотятъ, престерегая, дабы они имѣнія своего съ собою вывезть не могли, или по крайней мѣрѣ принуждены были платить съ онаго нѣкоторую опредѣленную часть; и для того не надобно ли установить, чтобы внѣ отечества не вольно было никому ни продавать, ни закладывать имѣнія своего, развѣ кто объявитъ въ послѣднемъ случаѣ, что хочетъ вовсе оставить отечество и заплатить указную изъ цѣны часть.

10. Столько же кажется нужно сдѣлать опредѣленіе, чтобъ никто не могъ принимать службы у постороннихъ государей, не получа на то Ея Императорскаго Величества позволенія и не обязавшись напередъ возвратиться въ Россію, когда для

всѣхъ, внѣ государства находящихся, генеральный позывъ учиненъ будетъ.

11. Еще надобно и того смотрѣть, чтобы возвращающіеся изъ службы чужой державы дворяне имѣли достовѣрныя доказательства, что дѣйствительно служили, а не только что безъ службы чины получили, какъ тому множество есть примѣровъ,— если по возвращеніи своемъ захотятъ поступить въ здѣшнюю службу.

12. Не разсудится ли за благо, по примѣру другихъ государствъ, для сохраненія знатныхъ фамилій въ цѣлости отъ упадка, учредить нѣкоторыя большія вотчины и помѣстья княжествами, графствами, баронствами и господствами на такомъ основаніи, чтобы напримѣръ въ княжествѣ не меньше было четырехъ или пяти тысячъ душъ, а въ прочихъ по пропорціи.

13. Если такое учрежденіе апробовано будетъ, то могутъ званія новыхъ княжествъ и прочихъ присовокуплены быть къ фамиліямъ, а сверхъ того надобно будетъ сдѣлать законъ, дабы оныя не могли быть раздробляемы, но доставались всегда старшему по отцѣ сыну, который бы, напротивъ того, обязанъ былъ къ учиненію братьямъ и сестрамъ своимъ другихъ по мѣрѣ выгодностей.

II.

Росписаніе по пунктамъ и по матеріямъ Манифеста бывшаго Императора Петра Третьяго о вольности дворянской.

Въ приступѣ къ узаконеніямъ, 1, 2 и 3-ій параграфы содержатъ въ себѣ причины, для которыхъ Государь Императоръ Петръ Великій принужденъ былъ россійское дворянство неволею заставлять служить въ военной и гражданской службѣ; а именно: видѣвши сколь велики преимущества въ благоденствіи дворянъ другихъ державъ передъ россійскими дворянами, то для того необходимость заставляла силою ихъ выводить изъ невѣжества и чести своей черезъ способность и науки искать въ службѣ, отъ которой они, не вѣдая прямаго своего добра и льстяся покоемъ, укрывалися.

4. Изъясняется, что воспитаніе дворянскихъ дѣтей въ Россійскомъ Государствѣ перемѣнилось на лучшее и до такого степени дошло, что нужды болѣе не остается въ принужденіи къ службѣ, ибо оное воспитаніе такую вкоренило безпредѣльную вѣрность къ ея Императорскому Величеству и любовь и ревность къ службѣ, что болѣе нужды не настоитъ принуждать каждаго къ службѣ.

5. Жалуетъ отъ нынѣ—впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды—всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могутъ служить здѣсь или внѣ государства на слѣдующемъ узаконеніи:

Узаконеніе 1-й пункт. 1. Дворяне могутъ служить въ Россіи сколь долго пожелаютъ.

2 Во время компаніи или прежде за три мѣсяца, никто абшита просить не можетъ, а по окончаніи оной внутрь и внѣ государства дозволяется.

3 Военные чины того просятъ у своихъ командующихъ и ожидаютъ резолюціи.

4. Первыхъ осьми классовъ состоящіе во всякихъ другихъ службахъ ожидаютъ конфирмаціи отъ Ея Императорскаго Величества, а прочіе отъ своихъ Департаментовъ, которымъ они принадлежатъ.

2-й пункт. 1. Тѣмъ, кто вовсе увольненія отъ службы просить станетъ,—давать при отставкѣ за добропорядочную службу по одному рангу и то ежели онъ въ послѣднемъ своемъ чинѣ больше года выслужилъ.

2. А кто въ статскую службу изъ военной идетъ и ваканція есть,—тому прибавку ранга при отставкѣ изъ военной въ статскую дѣлать тогда, когда онъ, будучи въ военной службѣ, три года въ послѣднемъ чину выслужилъ.

3-й пункт. 1. Бывшіе въ отставкѣ или послѣ военной въ статской службѣ, ежели пожелаютъ паки вступить въ военную—принимать по достоинству тѣми же чинами, въ коихъ состоятъ.

2. Быть имъ старшинствомъ младшими передъ всѣми тѣми, съ коими они служили въ военной тѣми же чинами.

3. А ежели всѣ тѣ повышены, то и опредѣляющійся мо-

жетъ старшинство получить съ того дни, какъ опредѣлится съ переименованіемъ. Тоже и съ статскими дѣлать, исключая переименованія.

4-й пунктъ. 1. Уволеннымъ. изъ службы и желающимъ выѣхать въ чужія государства,—давать изъ Иностранной Коллегіи безпрепятственно пашпорты.

2. Каждый изъ такихъ, въ случаѣ вызова генеральнаго, явиться долженъ со всевозможною скоростію въ отечество, подъ лишеніемъ въ противномъ случаѣ имѣнія.

5-й пунктъ. Продолжающіе службу въ другихъ государствахъ, возвратяся въ отечество,—по способности на ваканціи вступать могутъ въ службу россійскую такими чинами, какъ о томъ узаконено прежде.

6-й пунктъ. 1. Такимъ образомъ никто неволею служить не будетъ, развѣ по особливой надобности и то за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ опредѣлится. Такое же преимущество дано и смоленскому шляхетству.

2. Указомъ Петра Великаго повелѣно при Сенатѣ въ Петербургѣ и при конторѣ Сенатской по нѣскольку человѣкъ изъ отставныхъ дворянъ быть, съ перемѣною погодно.

3. Симъ Манифестомъ опредѣляется впредь на всегда быть съ перемѣною при Сенатѣ по тридцати, а при конторѣ по двадцати человѣкъ дворянъ.

4. Герольдія по пропорціи живущихъ въ губерніяхъ наряжать имѣетъ, а не въ службахъ находящихся помянутыхъ дворянъ.

5. Дворянамъ тѣмъ самимъ между собою выборы дѣлать, а не Герольдіи поименно назначивать.

6. Дворяне тѣ объявлять должны объ именахъ въ канцеляріяхъ,—дабы канцеляріи могли увѣдомлять Герольдію и ихъ высылать.

7-й пунктъ. 1. Сіе узаконеніе для всѣхъ дворянъ, кромѣ однодворцевъ.

2. Дѣтей малолѣтныхъ объявлять, для единственнаго только свѣдѣнія, въ Герольдію въ 12 лѣтъ. И то объявленіе чинить въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, гдѣ кому способнѣе.

3. Родителямъ или сродникамъ подавать извѣстія гдѣ они своихъ малолѣтныхъ обучать желаютъ: въ казенныхъ ли училищахъ, въ чужихъ ли государствахъ или въ своихъ домахъ, на собственномъ своемъ иждивеніи.

4. Никто бы да не дерзалъ, подъ тяжкимъ Императорскимъ гнѣвомъ,—дѣтей своихъ оставлять безъ обученія пристойныхъ благородному человѣку наукъ.

5. За кѣмъ не болѣе тысячи душъ крестьянъ,—тѣ бы своихъ дѣтей прямо объявляли въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ.

6. Изъ кадетскаго корпуса всякій выпущенъ будетъ по удостоинству, съ награжденіемъ чина, и потомъ продолжать службу по вышеписанному.

8-й пунктъ. Находящихся въ службѣ дворянъ и недослужившихся до оберъ-офицерскаго чина—не отставливать, развѣ кто двѣнадцать лѣтъ уже выслужилъ.

9-й пунктъ. 1. Сіе учрежденіе узаконяется всему благородному дворянству, на вѣчныя времена, фундаментальнымъ правиломъ.

2. Оное утверждается Императорскимъ словомъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ навсегда свято и ненарушимо содержать, въ постановленной силѣ и преимуществахъ.

3. Послѣдующіе законные наслѣдники по немъ бывшемъ Императорѣ въ отмѣну сего поступить ни въ чемъ не могутъ.

4. Сохраненіе сего узаконенія наслѣдникамъ быть должно непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго Престола.

5. Напротивъ того, Россійское благородное дворянство за толикія щедроты къ нему и потомкамъ его побуждены будутъ не удаляться отъ службы, но ревностно въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ по крайности оную продолжать. Такъ же и дѣтей своихъ обучать благопристойнымъ наукамъ.

6. Кто нигдѣ не служилъ, но въ лѣности и праздности время и самъ препроводилъ и дѣтей своихъ въ наукахъ не воспиталъ, того презирать и уничтожать повелѣвается и ниже

ко Двору пріѣздъ дозволяется, ниже терпимъ быть долженъ въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ.

III.

Пункты, предложенные графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ.

(Пункты), которые графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ сіятельнѣйшимъ и превосходительнѣйшимъ сочленамъ учрежденной при дворѣ Ея Императорскаго Величества о свободѣ дворянства коммисіи, на первый случай сообщаетъ, не за формальное, а наименьше законное неоспариваемое свое мнѣніе, но единственно для припамятованія и общаго разсужденія, не изобрѣтется ли что изъ нихъ въ пользу собратіевъ нашихъ дворянъ, безъ малѣйшаго сокращенія Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества Самодержавной деспотической власти, —предая въ прочемъ на волю за благопризнаваемое только для пополненія постановляемаго акта изъ сихъ пунктовъ и выписать.

1.

Чтобы дворяне, свободны будучи служить и не служить, не пришли въ нерадѣніе о произведеніи себя въ древнюю лѣность, но паче, на основаніи Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества матерьняго попеченія добровольно и безъ малѣйшаго принужденія, поощрены были къ снисканію наукъ и къ службѣ,—то казалось бы нужно быть дозволить тѣмъ, которые служатъ или уже служили, но не меньше семи лѣтъ, нѣкоторыя преимущества предъ неслужившими; а между прочимъ запретить симъ послѣднимъ недвижимаго себѣ имѣнія ни подъ какимъ видомъ не покупать, да чтобы они, сверхъ того, должны были и самому послѣднему статскому служителю оберъ-офицерскаго чина, который служитъ или служилъ,—мѣсто уступать.

2.

Въ военной службѣ оберъ-офицерами, а въ статскóй секретарями и другими чинами въ оберъ-офицерскій классъ не изъ

дворянъ произшедшимъ — напредь сего велѣно равняться съ старыми дворянами; но какъ не токмо оберъ-офицерскіе, но нѣкоторые и штабъ-офицерскіе чины въ обѣихъ службахъ производятся единственно правительствующимъ сенатомъ, коллегіями, генералитетомъ и другими судебными мѣстами, а напротивъ того пожалованіе въ дѣйствительные дворяне бываетъ отъ коронованной главы даваемымъ на то, за собственноручнымъ подписаніемъ, дипломомъ, — то въ разсужденіе сего казалось бы надлежало всѣмъ и во всякой службѣ не изъ дворянъ произшедшимъ, какой бы степени и превосходящаго чина они ни были, — довольствоваться токмо преимуществами ихъ чиновъ и жалованьемъ, а въ правѣ дворянскомъ по симъ чинамъ — участія не имѣть, такъ какъ и деревень, безъ пожалованія на дѣйствительное дворянство дипломовъ — не покупать.

3.

Но дабы не въ дворянствѣ рожденнымъ, а достойнымъ и заслуженнымъ людямъ, чрезъ подобное установленіе, — не отнята была надежда къ службѣ ревновать, и для пріобрѣтенія чести, не щадя себя, усердно трудиться, то казалось бы они заслуживали, чтобы всѣмъ имъ, во всякой службѣ съ оберъ-офицерскаго и до вышнихъ чиновъ не изъ дворянъ дошедшимъ, по доказательству безпорочной ихъ службы и отъ узаконенныхъ мѣстъ произведеніе, — давать на дворянство дипломы, почему ихъ уже и въ списокъ дворянской для пользованія всѣми дворянскими преимуществами внести.

4.

Естьли кто изъ дворянъ похочетъ, выѣхавъ изъ Государства, въ чужестранную службу вступить, а иногда, продавъ здѣсь все свое недвижимое имѣніе, тамо и поселиться, то хотя сіе каждому позволяется, но дабы такимъ образомъ не выходило тщетно денегъ изъ Государства, то казалось бы надлежало, по примѣру въ томъ почти всѣхъ другихъ земель, удерживать въ казну Ея Императорскаго Величества на государственную пользу нѣкоторую долю съ продажной цѣны. А какъ

выѣзжающіе изъ Государства на время или до утвержденія себѣ въ чужихъ краяхъ основанія, безъ сумнѣнія, станутъ продавать только частями, то хотя при продажахъ деревень и безъ того обыкновенная здѣсь пошлина, то есть десятая деньга берется,—но буде подобный выѣхавшій дворянинъ наконецъ вознамѣрится и остальное свое недвижимое имѣніе продать, то, при продажѣ сей послѣдней части, должно съ него взять, сверхъ обыкновенной десятой деньги, вновь десятую долю со всего его имѣнія, хотя оное уже прежде по частямъ съ десятою-жъ деньгою продано; такъ что подобному, совсѣмъ изъ Государства выѣзжающему дворянину доведется заплатить двойную въ десятой части состоящую пошлину. Сей пунктъ казался бы и для того нуженъ быть, что онымъ увѣрятся и иностранные дворяне, которые иногда также здѣсь въ Государствѣ поселиться пожелаютъ, что покупаемое ими здѣсь недвижимое имѣніе не задержитъ ихъ, по благоизобрѣтенію, на такомъ же основаніи и опять выѣхать; но для большаго ихъ приласканія постановить надлежалобъ, что каждый, въ Россіи поселяющійся, по доказательству своего дворянскаго происхожденія и по дачѣ ему отъ Ея Императорскаго Величества на то диплома, причтенъ будетъ также и въ россійское дворянство, съ пользованіемъ всѣхъ преимуществъ онаго, безъ всякаго принужденія къ перемѣнѣ своей вѣры.

5.

Когда кто такимъ образомъ изъ Государства, для принятія чужестранной службы или и для поселенія въ другихъ земляхъ, выѣзжаетъ, то надлежало-бъ ему, сверхъ обыкновеннаго паспорта отъ правительствующаго Сената или какого другаго мѣста—достовѣрное свидѣтельство дать о его хорошемъ поведеніи и о дѣйствительномъ происхожденіи изъ дворянства. А ежели кто дѣйствительно въ чужихъ краяхъ поселиться хочетъ,—то и съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ присяги и должности подданства здѣшней Имперіи, по примѣру того, какъ, во время въ Бозѣ опочивающей Государыни Императрицы Екатерины Первыя, уволенъ былъ графъ Левенвольдъ. Со всѣмъ тѣмъ необходимо нужно брать съ каждаго, кто, распродавъ все

свое имѣніе, вознамѣрится вѣчно въ чужихъ краяхъ основаться,—обыкновенные, но за одну только его персону, реверсы въ томъ, чтобъ, гдѣ ни находился, противу здѣшней Имперіи, какъ своего отечества, и ея интересовъ не служилъ и себя не употреблялъ.

6.

Между Всемилостивѣйше жалуемыми привилегіями и преимуществами дворянству существительнымъ и отмѣннымъ для дворянства пунктомъ—быть видѣлось бы, чтобъ никакой дворянинъ, служащій или не служащій, безъ предварительнаго по правамъ учиненнаго приговора,—подъ караулъ бранъ не былъ. Кольми-жъ паче не заслуживали-бъ дѣйствительные дворяне, въ отличность разночинцамъ, отъ всякихъ розысковъ и конфискованія ихъ имѣнія—совершенно свободны быть. А хотя изъ сего пункта неминуемо изъяты быть должны криминальныя дѣла, однакожъ и въ оныхъ буде какой дворянинъ тяжкимъ своимъ преступленіемъ, но безъ розыску же, и только по достовѣрнымъ доказательствамъ его вины и собственному въ томъ признанію, публичное безчестіе, ссылку или и самую смерть по приговору на правахъ основанному заслужитъ,—имѣніе его не отписано и не конфисковано, но паче неповиннымъ его ближайшимъ наслѣдникамъ, безъ всякаго удержанія или уменьшенія, отдано быть имѣло-бъ. И какъ впрочемъ криминальныя дѣла въ ихъ изслѣдованіи крайней осторожности требуютъ,—то въ семъ разсужденіи казалось бы не безполезно быть, когда бъ впадающему въ подобное преступленіе дворянину позволено было выбрать себѣ другаго дворянина, какого онъ самъ пожелаетъ, и на какого только положиться можетъ, чтобъ сей при производимомъ объ немъ слѣдствіи какъ членъ присутствовалъ, въ потребныхъ ему доказательствахъ и оправданіяхъ вспомоществовалъ и, однимъ словомъ, такъ какъ бы преступившаго адвокатомъ былъ. Сверхъ же того, дозволено бы было преступившему—имѣть при себѣ и повѣреннаго, отъ котораго бы равномѣрно его представленіи въ пользу несчастнаго въ судѣ выслушиваны и приниманы были, на основаніи того, какъ повѣренные и безъ того у всѣхъ по другимъ дѣламъ употребляются.

7.

Всему дворянству безъ разбору надлежало-бъ, на основаніи древнихъ установленій, которыя иногда чрезъ толь давное время въ забвеніе пришли или придти могутъ,—возобновить ту безпредѣльную власть, какая имъ надъ ихъ законно-принадлежащими крестьянами и крѣпостными людьми уже дозволена и какою они дѣйствительно пользуются. А напротивъ того такъ же подтвердить, чтобъ отъ крестьянъ и отъ холопей никакихъ прошеній, а наименьше доносовъ на дворянъ нигдѣ принимано, а того еще меньше они въ свидѣтельство противу своихъ помѣщиковъ допускаемы, паче же за то отъ судебныхъ мѣстъ и наказываемы были;—въ разсужденіи бывшаго случая, что холопъ важное криминальное дѣло на помѣщика своего напрасно доводилъ, выдержалъ и положенные по указамъ три розыска, а со всѣмъ тѣмъ, когда уже самаго помѣщика къ розыску подняли, въ своемъ затѣянномъ доносѣ покаялся съ объявленіемъ, что онъ единственно только хотѣлъ его до того довести. Да въ петербургской полиціи сыщется примѣръ, что бездѣльники и нанимались обыкновенные розыски къ погубленію только невиннаго терпѣть. Напротивъ же того, за другіе ихъ противу господъ своихъ продерзости и ослушаніи—помѣщики вольны и сами собою и чрезъ судебныя мѣста, по своему изобрѣтенію, штрафовать, развѣ приличившіеся въ криминальныхъ и въ прочихъ важныхъ дѣлахъ—въ судебное мѣсто, для учиненія съ ними по указамъ, отъ дворянъ же отдадутся.

8.

Однодворцамъ, такъ же и тѣмъ, которые собственныя земли не по дворянству имѣютъ, хотя правомъ настоящаго дворянства и не пользовался, но какъ помянутые однодворцы владѣютъ землями и людьми,—то кажется, по всякой справедливости, можно бы имъ дать преимущество предъ мѣщанствомъ.

9.

Сомнѣваться нельзя, что по вышеизображеннымъ, дворянству дозволяемымъ, преимуществамъ, свободамъ и правамъ—раз-

ночинцы паче прежняго устремятся къ выморочнымъ родамъ и къ бездѣтно умершимъ въ старые годы дворянамъ, причитая, какъ и безъ того не токмо многіе подлые люди побрали себѣ дворянскія имена, но и самые въ рекруты отданные крестьяне носятъ прозваніе своихъ бывшихъ помѣщиковъ наизнатнѣйшихъ фамилій. Чего ради, въ отвращеніе сего несходствія, для дворянства надлежало-бъ по герольдіи всевозможныя средства потребить, чтобъ простые разночинцы въ дворянскіе роды влыгаться не могли. А между тѣмъ указомъ запретить, чтобъ никто не дерзалъ, безъ предъявленія достаточныхъ доказательствъ, именами фамилій дворянскихъ называться, и что до тѣхъ поръ они за подлинныхъ дворянъ и признаваемы не будутъ, а напротивъ того помянутымъ въ рекруты отданнымъ крестьянамъ и тотъ часъ велѣть писаться именами ихъ отцовъ.

10.

Наслѣдственное и потомственное владѣніе деревень есть, равномѣрно, изъ существительныхъ дворянскихъ преимуществъ. А напротивъ того, многимъ гражданамъ, для произведенія полезныхъ въ государствѣ фабрикъ и заводовъ гдѣ работники потребны, —дана власть по пропорціи ихъ заводовъ деревни покупать. И хотя подобные заводчики для упомянутой пользы безпрепятственно могутъ своими деревнями владѣть, но только какъ заводчики, не имѣя никакого отъ того участія въ правахъ дворянскихъ. Сіе дозволеніе могло-бъ простираться и на дѣтей ихъ и наслѣдниковъ, такъ что имъ свои деревни вообще съ заводами и другимъ заводчикамъ же продать вольно было-бъ, но буде иногда похотятъ безъ заводовъ продавать, —то не можетъ къ тому имѣть никто другой никакого права, окромѣ настоящаго дворянина, хотя оному свободно будетъ подобныя деревни и съ заводомъ вмѣстѣ купить.

11.

Дабы изъ службы увольняемое дворянство, живши, въ своихъ деревняхъ, во вредительной праздности и безпечности не

находилось,—то для сего казалось бы полезно сдѣлать такое установленіе, чтобъ помянутые дома живущіе дворяне избирали, хотя поперемѣнно между собою, ландратовъ, которые бы, по представленіи объ нихъ отъ общества правительствующему Сенату и по полученіи на то подтвержденія,—имѣли въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащіе тому обществу уѣзды, и въ оныхъ все, потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства, исправляли, разбирая при томъ случающіеся между дворянствомъ споры и ссоры и, однимъ словомъ, такіе ландраты были бы своему обществу во всемъ опекунами, да и самыми ходатаями по судебнымъ тамошнимъ земскимъ мѣстамъ въ причиняемыхъ иногда дворянамъ утѣсненіяхъ и обидахъ. А чтобъ еще и больше сіе уволенное дворянство отъ лѣности упразднить, то можно бы было дать имъ волю равномѣрно избирать между собою достойныхъ людей къ снабденію въ каждой своей губерніи, провинціи и городахъ мѣстъ губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей и о томъ также токмо для конфирмаціи и дѣйствительнаго опредѣленія въ правительствующій Сенатъ представлять. Отъ подобнаго учрежденія была-бъ та польза, что, не токмо высшія судебныя мѣста отъ излишнихъ жалобъ на опредѣляемыхъ нынѣ не по выбору дворянства земскихъ чиновъ свободились бы,—но и сіи новые земскіе чины крайне остерегались бы дворянству обиды дѣлать, опасаясь, что, въ противномъ случаѣ, они и отрѣшены будутъ, какъ для того и въ самомъ дѣлѣ обществу дворянства на волю оставить можно былобъ, по довольномъ доказательствѣ ихъ пороковъ, другими отъ нихъ представляемыми перемѣнить.

12.

Самымъ первымъ и главнѣйшимъ дворянскимъ преимуществомъ было бъ располагать своимъ законно-наслѣдственнымъ и благопріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, по своему произволу. Чего для за небезполезно казалось бы въ наслѣдствахъ россійскаго дворянства, по примѣру другихъ Государствъ, ввести и установить такъ называемое право *фи-*

дей-коммисъ или *отказа*, которое состояло-бъ въ томъ, что есть-ли какой дворянинъ, по какимъ либо причинамъ, за благо не разсудитъ имѣніе свое, по нынѣшнему въ Россійской Имперіи обыкновенію, между своими родными дѣтьми или ближайшими къ его наслѣдству родственниками по равнымъ частямъ, или же, имѣя только наслѣдникомъ одного сына или дочь или ближняго родственника, ему одному все свое имѣніе безъ изъятія въ наслѣдство отдать,—въ такомъ случаѣ онъ неоспоримую власть имѣлъ бы свое имѣніе дѣтямъ ли, или за неимѣніемъ оныхъ ближайшимъ родственникамъ, или же кому и постороннему въ чужой родъ,—по частямъ ли или и все, одному препоручить, и оное въ вотчинной коллегіи укрѣпить. При семъ препорученіи, вольножъ бы ему было отдать свое имѣніе или просто, на основаніи нынѣшняго здѣсь обыкновенія, въ раздѣлъ или по разуму выше изображеннаго права *фидей-коммисъ*—съ тѣмъ, чтобъ его имѣніе, въ чемъ бы ни состояло, то есть въ законномъ ли отъ отца ему по наслѣдству доставшемся или пожалованномъ и инако собою благонажитомъ движимомъ и недвижимомъ имѣніи, какъ, напримѣръ, въ деревняхъ, дворахъ, серебрѣ и золотѣ, алмазныхъ и тому подобныхъ вещахъ—ни продаваемо ни закладываемо, но вѣчно въ родѣ хранимо и только получаемыми съ сего отказнаго имѣнія доходами для старшаго въ родѣ, а по немъ для законнаго и ближайшаго его наслѣдника мужескаго пола—пользованось было. Но какъ отъ отдачи въ чужой родъ имѣнія всего или части—имя фамиліи отказывающаго вовсе истребиться можетъ, а онъ напротивъ того, по не безъ знатности иногда своей фамиліи, и по честолюбію оную на вѣки сохранить пожелаетъ,—то на сей случай уже нужно быть видѣлось бы ввести при томъ въ узаконеніе такъ называемое право *адопціонъ* или *усыновленіе*, состоящее въ томъ, чтобъ тотъ, кто свое имѣніе все или частію въ чужой родъ препоручить по совѣсти заблагоразсудитъ,—имѣлъ такъ же власть избираемую къ тому персону дѣйствительно усыновить присовокупленіемъ къ его собственной фамиліи имени и своей фамиліи такъ, чтобъ ему и его потомкамъ не только не возбранно, но и должно было сими двумя фамиліями впредь всегда называться

и писаться, сообщая о томъ только для извѣстія въ Герольдію. Отъ подобнаго узаконенія не могло-бъ кажется никакой обиды быть для законныхъ и ближайшихъ въ каждой фамиліи наслѣдниковъ, тѣмъ меньше, что какой бы на свѣтѣ сыскался отецъ, или родственникъ, который бы имѣлъ родныхъ достойныхъ дѣтей или самыхъ кровныхъ и ближайшихъ родственниковъ, безъ крайней нужды и противуестественнаго установленія—похотѣлъ напрасно ихъ того лишить и свое имѣніе въ чужой родъ отдать; какъ и въ самомъ дѣлѣ описываемая здѣсь отмѣна настоящему въ Россію обыкновенію полагается гаданіемъ только на дѣтей и другихъ наслѣдниковъ, совсѣмъ не удачныхъ и полнаго наслѣдства не стоющихъ. Сверхъ того подобнымъ узаконеніемъ произведена быть могла-бъ и такая еще польза, что настоящіе во всякой фамиліи наслѣдники—принуждены будутъ большое стараніе прилагать своимъ поведеніемъ натурально имъ достающагося имѣнія не лишаться, да и получа оное, какъ они, такъ и изъ чужаго рода усыновляемые, въ разсужденіи не дозволенной имъ продажи или заклада—способа не возъимѣютъ безпутно прожить, но паче чрезъ то честь и память фамиліи сохранять.

Сіи пункты самимъ графомъ Бестужевымъ - Рюминымъ, 20-го февраля, коммисіи предъявлены, а на другой день, то есть 21-го того-жъ мѣсяца, пополнены, и того-жъ 21-го числа февраля 1763 года, въ учрежденную при дворѣ коммисію возвращены.

IV.

Собственноручныя замѣчанія графа Никиты Панина.

Съ боку приписка рукою писца.

Сіе примѣчаніе, при покорнѣйшемъ благодареніи за сообщеніе, возвращается съ тѣмъ, что изображенныя мнѣнія, по своей существитель-

Примѣчаніе на 4 пунктъ.

Настоящіе нравы нашихъ молодыхъ людей подвергаютъ ихъ расточенію ихъ имѣнія въ чужихъ земляхъ, безъ малѣйшаго намѣренія или по-

ной пользѣ, кажу(е)тся всякаго побуждать должны къ ихъ подкрѣпленію, когда только оныя собранію предложены будутъ, окромѣ одной присовокупленной кондиціи: то есть испрашиванія дворянствомъ новыхъ дозволеній и указовъ, чѣмъ видится жалуемая вольность не только стѣснена, но и ко многимъ другимъ приказнымъ привязкамъ поводъ поданъ быть можетъ. Какъ для того видится же, со всевозможнымъ раченіемъ, избѣгать надобно, чтобъ о подобныхъ прошеніяхъ въ постановляемомъ актѣ ни словомъ упомянуто не было.

мышленія къ исканію себѣ тамъ лучшаго поселенія. Да и есть и, можетъ быть, и впередъ надолго быть могутъ такіе примѣры, что, кинувъ здѣсь жену и дѣтей, имѣнія(и) свои тамъ мотовски проживаютъ. И хотя въ надеждѣ лучшей перемѣны въ нравахъ настоящая партикулярная неудобность не должна препятствовать всегдашнему общему добру цѣлаго корпуса; — однакоже мнѣ мнится, что, для разумнаго обузданія перваго, не можетъ вредить послѣднему — если прибавить къ артикулу объ вольности дворянамъ выѣзжать, жить, служить и селиться исключа себя изъ отечества съ заплатою десятой части со всего своего имѣнія: 1) Холостой и вдовецъ бездѣтный, пребывающій въ чужихъ краяхъ, можетъ свободно для своихъ выгодъ закладывать и продавать какъ все собою пріобрѣтенное свое имѣніе, такъ и двѣ четвертыя части того, кое ему по наслѣдству пришло; а если похощетъ коснуться такимъ же образомъ и до третьей четверти сего послѣдняго имѣнія, — то на сіе уже долженъ испрашивать, съ представленіемъ резоновъ, Императорскаго соизволенія. Слѣдовательно никто и его повѣренный, въ такомъ случаѣ, также не долженъ, не предъявя въ Сенатъ(ѣ) и не получа дозволенія, — писать крѣпости. Такъ, что-бы каждому отсутственному дворянину, по послѣдней мѣрѣ, оставалась четвертая часть хотя изъ наслѣдственнаго его имѣнія — на прожитокъ по возвращеніи. 2) Выѣзжающій одинъ на время изъ отечества, оставляя жену, долженъ по законамъ обнадежить ей цѣлость ея собственнаго приданаго имѣнія. 3) Имѣющій дѣтей, если онѣ

уже въ возрастѣ,—онъ добровольно опредѣляетъ имъ содержаніе; малолѣтныхъ же съ матерью или безъ матери долженъ оставить подъ законнымъ опекунствомъ,—назнача имъ на содержаніе умѣренную часть изъ своихъ доходовъ. А съ имѣніемъ своимъ можетъ поступать съ нажиточнымъ такъ,—какъ холостой; съ наслѣдственнымъ же—съ умаленіемъ противу его одной четвертой части; такъ что(бъ) вмѣсто четвертой части—половина оного уже всегда въ цѣлости оставалася; ибо праведный разсудокъ намъ представляетъ, какъ побочно присовокупленное имѣніе просто случайнымъ, такъ слѣдующее по наслѣдству собственное—нашему произращенію совершенно обязательнымъ.

Примѣчаніе на 1-й пунктъ.

Для равенства (уравненія) политическаго уваженія между побужденія(емъ) дворянъ къ службѣ и (къ) генеральной въ государствѣ экономіи земледѣлія, о чемъ нѣтъ у насъ никакого попеченія,—мнѣ видится весьма будетъ неумѣренно, да и гораздо много утѣснитъ непремѣнное дворянское право — если не бывшимъ въ службѣ запретить покупать деревни. Такъ вмѣсто того, не соизволено ли будетъ прибавить: 1) Что каждый благородный будетъ, по его желанію, принятъ и опредѣленъ въ такую службу и съ такимъ чиномъ, къ какому онъ себя сдѣлаетъ достойнымъ своимъ добрымъ воспитаніемъ и обученіемъ себя, или въ домѣ своемъ или въ публичныхъ училищахъ, которыя нынѣ есть и какія впредь матернимъ попеченіемъ Ея Императорскаго Величества учреждены быть могутъ. 2) Какъ каждая губернія и провинція имѣетъ свои собственныя общія нужды и надобности, которыя при рачительномъ правленіи ихъ главныхъ управителей должны быть исправляемы самими тамошними обывателями и дворянами, яко вещи касающіяся до ихъ собственнаго добраго порядка, покоя и выгоды,—то изъ такихъ поселенскихъ службъ и коммисій можно исключить тѣхъ дворянъ, которые достигли себѣ чиновъ штабъ-офицерскихъ.

На 2-й пунктъ.

Узаконеніе Петра Великаго опредѣляетъ точно въ табели артикулами 11-мъ и 12-мъ дворянское достоинство отъ оберъ-офицерскаго чина служащимъ въ военной службѣ; статскихъ же совсѣмъ изъ того исключаетъ. Повидимому, что тогда настоящая надобность къ побужденію къ военной службѣ преодолѣвала всѣ другіе статскіе резоны и политику. А какъ теперь, при перемѣнившихся нравахъ и обыкновеніяхъ, конечно не настоитъ нужда такой крайности,—то по натуральной справедливости, согласующейся съ великодушіемъ Ея Императорскаго Величества,—не можно ли постановить, что, въ наблюденіе правъ и преимуществъ, данныхъ Государемъ Петромъ Великимъ, всѣ, находящіеся теперь и прежде въ дѣйствительной военной службѣ и имѣющіе рангъ оберъ-офицерскій, остаются совершенными дворянами. Да къ нимъ же присовокупляются Монаршею Милостію Ея Величества и тѣ, не дворянами рожденные, которые въ статскихъ службахъ достигли до осьмаго класса. Напротивъ чего, впредь отъ установленія сихъ титуловъ, правъ и преимуществъ дворянскихъ, не рожденные съ дворянскимъ достоинствомъ,—довольствоваться имѣютъ во всѣхъ государственныхъ службахъ преимуществами ихъ чиновъ. А тѣ, кои достигнувъ девятаго и осьмаго классовъ—получаютъ право бить челомъ о преимуществахъ дворянскихъ, яко то: покупать деревни, земли и дворы дворянскіе, равно и пользоваться какъ въ земскихъ, такъ и въ городовыхъ промыслахъ всѣмъ тѣмъ, что государственными законами дворянству признаваемо. Отъ классовъ же седьмаго и выше—получаетъ право бити челомъ и о самомъ дворянскомъ достоинствѣ своей персонѣ и своимъ потомкамъ. Монаршеское пожалованіе и тѣмъ и другимъ предоставляется единственной Государевой Самодержавной власти.

V.

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Отъ Коммиссіи о вольности дворянской всеподданнѣйшій докладъ.

По всемилостивѣйшему и великодушному намѣренію Вашего Императорскаго Величества, коммисія о вольности дворянской, пріемля съ наичувствительнѣйшею благодарностію высочайшій указъ Вашего Императорскаго Величества, которымъ Ваше Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволили тако: Бывшій Императоръ Петръ третій далъ свободу благородному Россійскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще больше стѣсняетъ ту свободу, нежели общая отечества польза и Вашего Величества служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества,—то Ваше Величество нижеподписавшимся повелѣваете, собравшись вмѣстѣ у двора своего, оный актъ разсмотрѣть и для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ Вашего Величества особливымъ государственнымъ установленіемъ Россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ руки Вашего Величества новый залогъ вашего Монаршаго къ нему благоволенія. А чтобы благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ, при распоряженіи правъ свободы дворянской, учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли дворянское честолюбіе къ пользѣ и службѣ Вашего Величества и любезнаго отечества».

Вслѣдствіе таковаго великодушнаго Монаршаго снисхожденія къ вѣрноподданному своему Россійскому дворянству, собраніе нижеподписавшихся пріемлетъ смѣлость слѣдующее поднести къ премудрому и прозорливому Вашего Величества разсмотрѣнію:

Примѣняясь къ воспитанію въ текущій нынѣ вѣкъ благородно рожденныхъ противу того, съ каковымъ въ прошлый вѣкъ пребывало россійское дворянство подъ самодержавнымъ

правленіемъ своихъ Государей и съ какимъ нынѣ благополучно живущее подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества пребываемъ, — коммиссія изобрѣтала такія права, по которымъ бы вольность дворянская въ Россійскомъ государствѣ сопряжена была съ усердіемъ къ службѣ военной и гражданской своего отечества, не отъ иныхъ причинъ, какъ только отъ вкорененнаго уже воспитаніемъ видимаго честолюбія, не стѣсняя ничѣмъ инымъ вольности дворянской; а отъ того почитается что и службы каждый дворянинъ, видя себя способнымъ въ юности, не токмо самъ возжелаетъ, но и крайне домогаться не оставитъ, пріемля за особливое къ нему благодѣяніе, когда онъ только оныя удостоится.

Здѣсь не пріемлется во уваженіе малое число таковыхъ дворянъ, которые, живучи по бѣдности и отдаленію, не въ просвѣщеніи еще находятся, но они безъ сумнѣнія со временемъ послѣдовать будутъ примѣрамъ благородно воспитанныхъ и побуждены будутъ тѣми же правами дворянству, которыми Ваше Императорское Величество пожалуете все нынѣ дворянство.

Блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, когда устраивалъ свое государство внутренними распорядками, долженъ былъ перво всего сильнымъ и страшнымъ безъ замедленія учинить свое войско сосѣдямъ, но того инымъ образомъ изъ худо воспитываемаго дворянства Россійскаго составить не могъ, пока прямымъ насильствомъ не понудилъ служить тѣхъ, которые, не имѣя вкорененнаго въ себѣ честолюбія знаніемъ и науками, и не вкусивъ того, что служба рождаетъ честолюбіе, а честолюбіе ведетъ къ службѣ, не понимали довольно славы своей и потому отъ службы удалялись, предпочитая знатному имени древній свой покой и заключеніе себя въ домахъ и деревняхъ.

Сія была въ худо-воспитанномъ тогдашнемъ дворянствѣ склонность натуральная, по врожденному правилу естественному, что человѣкъ невѣдомаго себѣ никогда не возжелаетъ. Но Его Величество однакожъ, какъ прозорливый и премудрый монархъ, различные способы употребляя внѣдривать благородныя склонности въ сердца подданныхъ своихъ, предпріялъ

перво всего въ войско свое вводить нѣкоторую дисциплину. Потомъ учреждать началъ правительства въ своемъ государствѣ, и, хотя будучи сосѣдями раздражаемъ, занятъ былъ кровопролитными войнами, не ослабѣвалъ однакожъ по конецъ жизни своей въ теченіи къ предмету, единожды предпріятому. Такъ что, когда не доставало въ дворянствѣ Россійскомъ склонности къ службѣ,—учредилъ онъ законы, дабы и не въ дворянствѣ рожденные службою достигали того имени своими достоинствами, чему свидѣтельствуетъ табель о рангахъ и многіе къ тому согласные Его Величества указы. Такимъ образомъ, перерождая онъ нравы, видимо, что ни о чемъ иномъ не помышлялъ, какъ вкоренить въ дворянство своего государства духъ честолюбія и тѣмъ довести его до склонности къ службѣ и до усердія къ общей отечества пользѣ. Тому уже лѣтъ около шестидесяти, какъ сей монархъ трудиться о семъ началъ и всему свѣту доказалъ, что трудъ его не тщетный былъ. Армія нынѣ Вашего Императорскаго Величества страшною и побѣдоносною учинилася. Дворянство любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобы просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ, но всякъ самъ старается сына своего и сродника въ оную вмѣстить, такъ-что едва-ли и мѣста довольно желающимъ службы остается. Всякъ за милость признаваетъ, когда онъ только къ службѣ допущенъ, а особливо въ нынѣшнее премудрое правленіе Вашего Императорскаго Величества, столь трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ Всемилостивѣйшей Государыни, достойный дворянинъ и старающійся объ отличеніи своемъ и коснѣть въ службѣ не можетъ. Словомъ, нѣтъ уже никакого сравненія нынѣшняго дворянства съ тѣмъ, которое не токмо въ деревняхъ, но и въ самыхъ столичныхъ городахъ за нѣсколько лѣтъ укрывалось отъ службы и погубою своею оную называло. Хотя же еще правительства внутреннія государства въ совершенство свое и не пришли, но дворянство Россійское и отъ гражданской службы не удаляется и всякое почти мѣсто за милость себѣ почитаетъ.

Всемогущій Богъ опредѣлилъ судьбами своими принять

скипетръ къ благополучію всего отечества Россійскаго Вашему Императорскому Величеству надъ такимъ уже народомъ, который не инымъ чѣмъ, какъ просвѣщеннымъ своимъ разумомъ обозрѣлъ свое добро, цѣлость и на будущія времена благополучіе и потому возжелалъ единодушно и единомышленно видѣть Ваше Императорское Величество на престолѣ за ваши природныя дарованія. И такъ, собраніе, на основаніи всего вышеписаннаго, согласилось представить Вашему Императорскому Величеству пользу службы въ дворянствѣ на единомъ честолюбіи, а не на иныхъ какихъ стѣсняющихъ вольность дворянскую побужденіяхъ. И ежели оную утвердить, Всемилостивѣйшая Государыня, великодушно Ваше Императорское Величество соизволите,—то тѣмъ уподобится Россійское дворянство всѣмъ просвѣщеннымъ въ Европѣ другимъ государствамъ, и вѣкъ Екатерины Второй на безконечныя времена въ исторіяхъ прославится. Собраніе къ сему за полезно признаваетъ смѣлость принять представить Вашему Императорскому Величеству, какими побужденіями шляхетство Лифляндское, живущее подъ Вашего же Величества самодержавіемъ, службу свою производитъ и при прежнихъ своихъ самодержавныхъ шведскихъ короляхъ производило, и въ чемъ оныхъ право дворянское нынѣ состоитъ.

«Дворянство Лифляндское издревле свободу имѣетъ дѣтей своихъ воспитывать по благоизобрѣтенію своему и въ чужестранныя земли отпускать. Какъ бывшихъ его самодержавныхъ королей, такъ и Россійскихъ государей и монарховъ правительство *не повелѣваетъ ни въ какую службу по неволѣ записывать*, ни въ военную сухопутную и морскую, ниже въ гражданскую, но каждый дѣлаетъ себя способнымъ по воспитанію.

«Не столько мѣстъ изстари у нихъ находилось, когда они еще и подъ королями шведскими были, сколько охотниковъ къ службѣ способныхъ людей было, ибо каждый мѣста себѣ у нихъ домогается. Науки и вояжи благовременные суть натуральные къ тому посредственники, а академіи военныя и гражданскія въ сосѣдствѣ, снабденныя искусными учителями и профессорами, наивящше помогаютъ. Знатные шляхти-

чи съ младенчества держатъ въ домахъ своихъ учителей, которые всѣмъ наукамъ основаніе въ нихъ полагаютъ, а небогатые ищутъ того въ школахъ публичныхъ, гдѣ первыя основанія вѣры имъ толкуются и потомъ исторія, географія, первыя части математики, разные языки, а притомъ экзерциціи, танцовать, фехтовать, музыка, на лошадяхъ ѣздить — служатъ имъ въ юности первымъ украшеніемъ.

«Такимъ образомъ молодой дворянинъ до двѣнадцатаго или тринадцатаго года доходитъ, и тогда отецъ, или сродникъ или опекунъ проникаетъ склонность прямую своего воспитанника, которую познавши, становитъ его на путь военной или гражданской службы, опредѣляя его къ такимъ наукамъ, которыя въ немъ ту или другую склонность довершаютъ; въ которыхъ наукахъ держатъ его три или четыре года, а именно: въ военной и гражданской архитектурѣ, въ навигаціи, въ правахъ своего государства и во всей юриспруденціи, въ статскихъ дѣлахъ и въ экзерциціяхъ, по силѣ укрѣпившагося уже возраста его.

«Отъ шестнадцати или семнадцати лѣтъ, дѣйствительно молодой дворянинъ дѣломъ самимъ службу начинаетъ. Знатнѣйшій идетъ въ гвардію или въ полкъ, гдѣ сродникъ его, и по сродству и по командѣ имѣя его подъ глазами, исправляетъ и къ воинскимъ обращеніямъ ежечасно пріучиваетъ. И таковый скорѣе происходитъ въ чины, нежели худородный, заступая напослѣдъ праотцевъ своихъ мѣсто по достоинству.

«Большая же часть богатыхъ отцовъ дѣти, прежде нежели въ службу вступаютъ, ѣздятъ нѣсколько лѣтъ по чужимъ государствамъ и тамъ, видя свѣтъ и различныя службы, примѣромъ научаются; а иногда, буде война есть, то и вступаютъ въ службу союзныхъ государей, откуда, принявъ честь и искусство, возвращаются въ домы и полезными дѣлаются себѣ, своему государю и отечеству.

«Напротивъ того, тѣ сыновья, которые отъ родителей по склонности ихъ въ гражданскую службу опредѣлены и къ тому воспитываны, вступаютъ въ оную чрезъ различные способы по тому, какъ они отъ знатнаго или мелкаго, богатаго

или убогаго шляхетства происходятъ, какихъ патроновъ или сильныхъ сродниковъ имѣютъ и къ чему они понятны.

«Но ежели такіе, которые вовсе лишены способовъ и протекціи, тѣ ищутъ въ государственной (сіе разумѣется въ Швеціи и въ Даніи, гдѣ тѣ же права) канцеляріи быть канцеляристами и проходятъ всѣ чины канцелярскіе, а потомъ бываютъ при судахъ, при дворѣ, при посольствахъ совѣтниками, и къ разнымъ гражданскимъ службамъ съ пользою употребляются.

«Знатные дворяне, по склонности къ гражданской наукѣ, послѣ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, черезъ три или четыре года курсъ продолжаютъ наукамъ философскимъ, нравоучительнымъ и юридическимъ въ университетахъ. Ѣздятъ по разнымъ нѣмецкимъ академіямъ, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи и Голландіи путешествуютъ и въ резиденціяхъ чужестранныхъ пребываютъ. Навѣдываются о правительствахъ, надворныхъ штатахъ, церемоніалахъ, полиціяхъ и прочихъ учрежденіяхъ. Любопытствуютъ въ древностяхъ, строеніяхъ, садахъ и прочее. Присматриваются купечеству и навигаціи купеческой. Провѣдываютъ о способахъ экономіи другихъ государствъ и всякой ихъ политикѣ секретно научаются. *Таковы, возвратясь, имѣютъ предпочтеніе передъ прочими молодыми шляхтичами* и восходятъ на высокія степени въ своемъ отечествѣ. Они имѣютъ доступъ у двора, употребляются секретарями посольства, резидентами, министрами, и оберъ-ландрихтерами въ провинціяхъ. А однакожъ и такіе люди достойные, за множествомъ ихъ, чины себѣ достаютъ чрезъ многое домогательство, протекцію и подарки.

«Сего у нихъ не взыскивается, чтобъ всѣ молодые дворяне къ службѣ привязаны были, но дается воля служить и не служить

«Почему и неслужащій трудится въ своей приватной экономіи и, богатя себя фабриками, заводами и рудными мѣстами, богатитъ свое отечество и кормитъ многихъ людей, у него работающихъ, распространяя художество. Такъ что ежели и служащій шляхтичъ востребуетъ по своимъ домашнимъ приключеніямъ отпуска на такое хозяйство, гдѣ онъ, кромѣ себя

никому повѣрить не можетъ, то хотя бы и надобенъ былъ въ службѣ,—его въ домъ отпускаютъ.

«Причины для которыхъ шляхетство воспитываетъ своихъ дѣтей съ великимъ попеченіемъ, суть: 1) отмѣнность въ произведеніи по достоинству его противу худородныхъ; 2) шляхтичъ никогда тѣлесно наказываемъ въ службѣ не бываетъ, тѣмъ меньше къ палачу въ руки не приходитъ, ниже имѣніе его конфискуется, развѣ преступленіе его столь тяжкое, что тому или другому необходимо подверженъ; 3) законы такъ утверждены, что служба не отягчительною дворянину кажется. Наконецъ каждый службу свою покинуть можетъ, когда ему угодно.»

На полѣ собственноручная резолюція Императрицы:

«Развѣ не палачъ тамо головъ рубилъ Горну, графу Брагѣ и многое множество таковымъ, а деревни ихъ конфискованы были и насило уже другой(ю) почти факціи(ею) отданы дѣтямъ».

Сличая воспитаніе большей части теперь Россійскаго дворянства (которое во многомъ не разнствуетъ отъ вышеписаннаго, съ воспитаніемъ прежнимъ, въ наукахъ и художествахъ Россійскимъ, собраніе единомысленно признаваетъ, что къ службѣ Вашего Императорскаго Величества инаго побужденія изыскивать нужды нѣтъ, какъ принять за основаніе доброе воспитаніе и

Противъ сего собственноручно Государынею начертано:

«Вездѣ упоминаете о ученіи, нигдѣ о нравахъ, кои нужнѣе ученіи».

едино изъ того честолюбіе, которое нынѣ уже столь много вкоренилось въ сердцахъ дворянства Россійскаго, что за чинъ, за честь и за званіе, всѣ благородно воспитанные пренебрегаютъ покой, выгоду, а временемъ и имѣніе свое, такъ что и самое домашнее ихъ хозяйство отъ того иногда претерпѣваетъ. Есть многіе, которые ища чести и желая себя отличить знатностію заслугъ, живутъ въ долговременныхъ отлучкахъ по нѣскольку лѣтъ, и домъ свой въ пренебреженіи не токмо оставили, но и отъ того въ несостояніе пришли.

А ежели кто изъ таковыхъ и покинулъ службу, то развѣ для поправленія домоваго своего состоянія или по невозможности болѣе себя содержать въ службѣ.

И такъ полагается, что воспитаніе дворянства Россійскаго (исключая молодости пороки) доведено уже до такого степени, что не токмо никакой нужды не видится принужденіе дѣлать къ службѣ, но и опытомъ самимъ по гвардіи, по кадетскому корпусу и по другимъ такимъ мѣстамъ, откуда дворянство службу свою начинаетъ, мѣстъ недостаетъ куда ихъ помѣщать; и остается выборъ только дѣлать въ произведеніи тѣхъ, которые благонравіемъ и добрымъ въ наукахъ воспитаніемъ въ службѣ себя отличаютъ и отличать впредь будутъ. Сіе самое всегда будетъ часъ отъ часу умножительнымъ побужденіемъ къ снисканію каждому своего мѣста. Къ такимъ обстоятельствамъ Ваше Императорское Величество безпримѣрнымъ Вашимъ великодушіемъ чрезъ данный выше прописанный указъ коммиссіи свободу Россійскому дворянству очистить отъ стѣсненія и соединить оную съ пользою

отечеству Всемилостивѣйше повелѣть соизволили; почему присутствующіе, довольно разсуждая, положили слѣдующее:

1) Право дворянское подъ Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе Вашему Монаршему соизволенію подносится, и оно сочинено на вѣчные роды непоколебимымъ уставомъ каждому благороднорожденному, которое ежели Вашего Величэства Высочайшая на оное воспослѣдуетъ аппробація, то не повелѣно ли будетъ въ силѣ той и сочинить актъ, написанный на пергаментѣ, ко Всемилостивѣйшему утвержденію, съ приложеніемъ большой государственной печати.

2) Вслѣдствіе котораго положено сочинить законы, дабы они согласовали для благороднорожденныхъ въ Россійскомъ государствѣ и внесены быть могли въ военные и гражданскіе уставы.

А какого содержанія помянутое право сочинено, оное изображается въ слѣдующихъ статьяхъ, съ особливыми къ каждой изъясненіями:

Право дворянства Россійскаго.

Статья 1-я.

Дворяне Россійскіе разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены, или вновь монархами удостоены быть дворянами, на что дипломы и гербы имѣютъ, за Высочайшимъ тѣхъ монарховъ подписаніемъ.

Изъясненіе на 1-ю статью.

По герольдмейстерской инструкціи, конфирмованной Государя Императора Петра Великаго своеручнымъ подписаніемъ, февраля 5-го дня 1722 года, повелѣно герольдмейстеру имѣть всего государства Россійскаго троякіе списки, а именно: генеральные, именные и порознь по чинамъ. Чего ради коммиссія за необходимо нужное почитаетъ—послѣ совершенія сего акта—нарядить особливыхъ искусныхъ людей къ разсмотрѣнію по спискамъ, буде каковы есть въ герольдіи, всѣхъ старыхъ и новыхъ фамилій имена. Освидѣтельствовать ихъ гербы, неимѣющимъ опредѣлить новые и сочинить тому списки въ особливой книгѣ, по примѣру другихъ государствъ, такъ какъ то точно изображено Государемъ Петромъ Великимъ въ 5-мъ

пунктѣ герольдмейстерской инструкціи. И таковое учрежденіе отсылать на разсмотрѣніе правительствующему сенату, а сенатъ имѣетъ докладывать Вашему Императорскому Величеству.

Статья 2-я.

Не въ дворянствѣ рожденнымъ, а достойнымъ и заслуженнымъ людямъ, которые въ военной или статской службѣ дослужились штабскаго чина, по доказательству безпорочной ихъ службы,—оставляется право просить о дворянствѣ.

Изъясненіе на 2-ю статью.

Понеже въ военной службѣ по табели о рангахъ оберъ-офицерамъ, не изъ дворянъ произшедшимъ, по 11-му и 15-му пунктамъ, велѣно равняться съ старыми дворянами, то коммиссія разумѣетъ, что сіе только касается до почтенія ихъ въ чинахъ. А въ правѣ дворянскомъ они участія имѣть не могутъ, потому что не токмо оберъ-офицерскіе, но нѣкоторые и штабъ-офицерскіе чины въ обѣихъ службахъ производятся правительствующимъ сенатомъ, коллегіями, генералитетомъ и другими судебными мѣстами; а напротивъ того пожалованіе въ дѣйствительные дворяне узаконено отъ коронованной главы даваемымъ на то, за собственноручнымъ подписаніемъ, дипломомъ. То въ разсужденіи сего, всѣмъ и во всякой службѣ, не изъ дворянъ произшедшимъ, какой бы степени и превосходящаго чина они ни были, довольствоваться только преимуществами ихъ чиновъ и жалованьемъ, а въ правѣ дворянскомъ, какъ выше объявлено, по симъ чинамъ участія не имѣть, такъ какъ и деревень не покупать, безъ пожалованія на дѣйствительное дворянство дипломовъ.

Но дабы не во дворянствѣ рожденнымъ, а заслугами произшедшимъ до штабскаго чина къ службѣ ревность и побужденіе къ снисканію вящшей чести не отняты были,—то получившему штабской чинъ дозволяется право имѣть просить о дворянствѣ у Вашего Императорскаго Величества чрезъ сенатъ, и, такимъ образомъ, честно и добросовѣстно служившій распредѣленныя милости въ разное время получаетъ.

Статья 3-я.

Дворянинъ, не имѣющій никакого чина, въ классахъ состоящаго, по одному только званію дворянства—долженъ и самому послѣднему статскому служителю оберъ-офицерскаго чина, который служитъ или служилъ, мѣсто уступать.

Изъясненіе на 3-ю статью.

Сіе въ томъ намѣреніи полагается, чтобъ каждый дворянинъ по честолюбію природному тѣмъ тронутъ былъ и побужденъ службы искать, а притомъ всякій чинъ заслугою получается, почему служащій передъ неслужащимъ долженъ по справедливости преимущество въ почестяхъ имѣть. Ибо служащіе и между собою кто больше чинъ имѣетъ, беретъ мѣсто у меньшаго чиномъ, яко у меньше служащаго;—то кольми паче служащій или служившій предсѣдательство имѣть долженъ передъ тѣмъ, кто вовсе не служилъ, или и служилъ, да такъ худо, что никакого чина не выслужилъ. Сіе право служащаго въ оберъ-офицерскомъ чинѣ есть побужденіемъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, основанное на прямомъ честолюбіи.

Статья 4-я.

Каждый по доказательству своего происхожденія чужестранный дворянинъ получаетъ дипломъ отъ государя, Россійскою имперіею владѣющаго, на Россійское дворянство, а получа оный,—всѣми дворянскими преимуществами тогда законно въ Россіи пользуется. Таковый да не принуждается и къ перемѣнѣ его христіанскаго исповѣданія, ежели онъ того самъ не пожелаетъ.

Изъясненіе на 4-ю статью.

Сей пунктъ для того нуженъ признается, что онымъ увѣрятся иностранные дворяне, которые также иногда поселиться въ Россійскомъ государствѣ пожелаютъ, что покупаемое ими въ Россіи недвижимое имѣніе не задержитъ ихъ по благоизобрѣтенію на учрежденномъ основаніи и опять выѣхать

изъ государства, и потому для приласканія ихъ здѣсь сіе правило и вносится въ право дворянства Россійскаго, дабы и чужестранные дворяне въ спискѣ Россійскихъ находились. Впрочемъ ничто такъ не нужно, какъ притязаніе благородно рожденныхъ и благонравно воспитанныхъ людей въ свое государство. Ибо сіе неоспоримо, что просвѣщеніе народа Россійскаго заимство свое имѣетъ отъ другихъ европейскихъ народовъ, въ которыхъ правила сограждaнства многими вѣками чрезъ науки и художества прежде вкоренилися. И хотя исправленіе нравовъ и обычаевъ есть долговременная школа, однакожъ исторіи доказываютъ, что нравы и обычаи переселялися не инымъ образомъ, какъ перемѣненіемъ законовъ, переселеніемъ людей и съ ними обычаевъ. Такимъ образомъ отъ просвѣщенныхъ народовъ, изстари однихъ къ другимъ, науки и благонравіе переходили. Государь Императоръ Петръ Великій, посѣщая самъ чужія государства, все, что послѣ въ своемъ государствѣ ни основалъ, было то заимствовано изъ Франціи, Голландіи, Швеціи и прочихъ. И такъ, притязаніе благорожденныхъ въ Россійское государство есть первое средство къ вящшему просвѣщенію обычаевъ и нравовъ. Но къ тому и ближайшее есть приласканіе, дабы не понуждать никого, желающаго поселиться въ Россіи, къ перемѣнѣ своего исповѣданія христіанскаго, ежели онъ самъ того не пожелаетъ.

Статья 5-я.

Дворянинъ свободу имѣетъ служить и не служить въ отечествѣ своемъ, а служащій продолжаетъ свою службу, сколь долго пожелаетъ.

Изъясненіе на 5-ю статью.

Въ семъ правѣ свобода дворянину дается служить и не служить въ разсужденіи томъ, что онъ въ обоихъ сихъ состояніяхъ полезенъ быть можетъ государю, отечеству и себѣ самому, когда онъ воспитаніе имѣетъ благородное и отеческое имѣніе. Въ первомъ случаѣ, пріобрѣтаетъ онъ самому себѣ за понесенные труды отличность въ чинахъ и почтеніи и тѣмъ возвышаетъ родъ свой и фамилію, а сверхъ того по заслу-

гамъ особливыми награждается знаками чести и имѣніемъ. А въ послѣднемъ, которое не инако, какъ дворянинъ, или имѣя излишній достатокъ, или по необходимости другихъ какихъ обстоятельствъ предпріемлетъ, дѣлаетъ онъ пользу государству земледѣліемъ и экономіею своею. Ибо ежели бы всѣ до единаго дворяне служить были принуждены, оставляя въ домахъ престарѣлыхъ и увѣчливыхъ отцовъ или малолѣтнихъ дѣтей, то сколь бы ни плодородныя земли были въ государствѣ, — земледѣліе и вся внутренняя экономія пришли бы въ крайнее всегда ослабленіе.

Государство Россійское хотя похвалиться еще не можетъ, чтобъ его экономія въ деревняхъ и въ имѣніяхъ въ совершенство уже была приведена, но, по справедливости, и въ томъ признаться можно, что доходы деревенскіе теперь и государственные совсѣмъ на иномъ основаніи, нежели они прежде за пятьдесятъ лѣтъ были, не взирая на отлученіе отъ домовъ почти генеральное всѣхъ помѣщиковъ, которое много тому по сіе время препятствовало.

Впрочемъ фабрики, заводы и всякое домостройство всегда у хозяина самого подъ глазами больше распространяется, нежели у повѣренныхъ его, которые, будучи крѣпостные люди, могутъ ли что знать, тѣмъ меньше изобрѣтать новаго и полезнаго въ ремеслахъ, рукодѣльяхъ, содержаніи законовъ и тому подобнымъ, — то всякому извѣстно.

Это мѣсто въ докладѣ собственноручно Государынею отчеркнуто и положена резолюція:

«Отъ Васъ зависитъ сдѣлать имъ лучшее(ую) сюбу (судьбу)».

И ежели который дворянинъ нерачителенъ самъ въ домѣ своемъ, то и въ службѣ не можетъ быть много полезенъ. По таковымъ резонамъ собраніе разсуждаетъ, что Всемилостивѣйше подтвержденная свобода служить и не служить дворянину будетъ полезна Вашему Императорскому Величеству, отечеству и самимъ себѣ дворянамъ.

Но дабы служба Вашего Императорскаго Величества не ослабѣла, то статья вторая и третья и ниже сего другія будутъ побуждающія къ службѣ. А чтобъ дворянинъ служащій, забывъ честолюбіе, не покидалъ оныя тогда, когда время настоитъ за государя и за цѣлость своего отечества кровь проливать, то всякъ, вступившій единожды въ службу, подвергаетъ себя той дисциплинѣ и законамъ, которые и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ наблюдаются.

Собственноручная резолюція Государыни:

«Не разумѣю, ибо не всѣ узаконенія одинакія».

Слѣдовательно, уставъ военный предписываетъ ему законъ, по которому каждый дворянинъ служитъ и не служитъ не безпредѣльно, но долженъ будетъ знать время и обстоятельства, въ которыхъ онъ можетъ симъ пожалованнымъ правомъ пользоваться, и тотъ же военный уставъ узы на него налагаетъ не покидать службы, когда въ ономъ предписано будетъ, по волѣ монаршей,—за сколько мѣсяцевъ до кампаніи право онъ имѣетъ абшита своего просить, что самое въ законахъ и ограничится. И такъ свобода служить и не служить въ его волѣ будетъ, а монархъ не лишается во время нужды храбраго и надобнаго офицера, который по честолюбію и самъ того не пожелаетъ.

Усмотрѣно было во время царствованія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, что повальное понужденіе къ службѣ дворянъ и въ ея уже время не столь нужно казалося и что равновѣсіе въ экономіи внутренней государства теряться оттого начинало; ибо продолженіе тогда Польской и Турецкой войны отлучило вовсе хозяевъ отъ домостроительства и земледѣліе едва могло питать государство. По такимъ обстоятельствамъ, разсуждено было тогда предписать урочное время служ-

бѣ военной и статской для дворянъ, и именнымъ ея указомъ повелѣно: «кто имѣетъ двухъ или болѣе сыновей,—изъ оныхъ одному, кому отецъ заблагоразсудитъ, остаться въ домѣ для содержанія экономіи; также, которые братья родные два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ для смотрѣнія деревень и экономіи кого изъ себя одного,—то отдавать имъ на волю».

Статья 6-я.

Дворянинъ получаетъ изъ службы свой абшитъ по государственнымъ узаконеніямъ.

Изъясненіе на 6-ю статью.

Государственныя узаконенія суть уставы военные и гражданскіе. Собраніе выше сего уже приняло смѣлость изъясниться, что предѣлъ времени къ полученію отставки есть законъ, принадлежащій къ регуламъ военнымъ и гражданскимъ, который, ежели сіе право дворянское Ваше Императорское Величество великодушно утвердить соизволите, то и сочиненъ будетъ, со всѣми обстоятельствами, для поднесенія на Высочайшую аппробацію, и потомъ особливымъ въ народъ манифестомъ объявится,—почему въ военный и гражданскій онъ уставъ, яко законъ, принятъ быть долженъ.

Статья 7-я.

Дворянинъ можетъ выѣхать въ чужія государства и принимать службу.

Изъясненіе на 7-ю статью.

Собраніе разсуждаетъ, что ничто такъ не приводитъ военнослужащаго въ совершенное знаніе его должности, ничто такъ не вкореняетъ въ него храбрости и честолюбія, какъ многіе добрые примѣры, подражаніе и експеріенція.

Собственноручно начертано:

«NB а ни-что такъ, какъ въ Парижѣ по спектаклямъ и въ вольныхъ домахъ шататься».

Чужестранныя военныя силы, по различію государствъ и своихъ учрежденій военныхъ, каждое въ себѣ имѣетъ нѣчто особливое, одно противу другаго; а всѣ совокупно служатъ любопытному и честолюбивому дворянину школою къ его намѣренію. Безпрекословно всѣ согласуютъ, что дворянинъ, во многихъ арміяхъ служа, восшедшій на высокую степень своего достоинства, почитается за генерала искуснаго въ практикѣ военной, а особливо ежели онъ отъ юности своей въ пристойныхъ къ тому наукахъ воспитанъ.

Собственноручно поставлено надъ словомъ «служа» крестикъ и на полѣ отмѣчено Императрицею:

«Есть бродяга».

И для того, хотя сего дозволенія въ Россійскомъ государствѣ дворянину до сего времени и не было,—однакожъ собраніе почитаетъ, что сіе давно бы, яко полезное для отечества дѣло, неизлишнее было въ государствѣ. Почему и нынѣ, полагаясь на прозорливость Вашего Императорскаго Величества, ожидаетъ къ дворянству Россійскому великодушнаго въ томъ подтвержденія, не опасаясь ни мало, чтобъ служившій долго въ чужихъ государствахъ, отечествомъ, сродствомъ и имѣніемъ побужденъ,—не пожелалъ паки видѣть свое природное мѣсто и тѣмъ, что похвальнаго въ духѣ военномъ получилъ,—не восхотѣлъ служить своему природному государю.

Статья 8-я.

Какъ скоро всѣмъ Россійскимъ дворянамъ, въ службѣ чужестранной находящимся, позывъ генеральный учиненъ будетъ,—то каждый въ отечествѣ своемъ явиться долженъ.

Изъясненіе на 8-ю статью.

Въ семъ пунктѣ разумѣется и то, что Россійскій дворя-

нинъ не инако какъ у христіанскихъ державъ службу принимать долженъ; ибо обыкновенно, въ случаѣ войны, генеральные позывы бываютъ, въ которомъ времени и служащій у непріятеля отзывается. А подъ какимъ штрафомъ неисполняющимъ повелѣнія въ то время позывъ чинится,—то всегда въ манифестѣ того же времени объявляется, чего ради и въ право дворянское такое учрежденіе не вносится, потому что о благородномъ человѣкѣ и честно служащемъ сумнѣнія прежде времени имѣть собраніе разсуждаетъ за неприлично, да и угроженія, по обстоятельствамъ политическимъ, неравныя бываютъ.

Статья 9-я.

Дворяне могутъ, продавъ недвижимое свое имѣніе въ отечествѣ, селиться вѣчно въ чужихъ государствахъ, по своему благоизобрѣтенію,—токмо въ такомъ случаѣ должны дать десятую долю съ цѣны ихъ проданнаго имѣнія на пользу государственную.

Изъясненіе на 9-ю статью.

Позволять дворянину выѣзжать изъ своего государства вѣчно, собраніе разсуждаетъ по тѣмъ причинамъ, что не всегда съ благородствомъ сопряжено бываетъ счастіе и достатокъ. А лишеніе сихъ обоихъ, соединенное съ честолюбіемъ, заставляетъ во всѣхъ случаяхъ честнымъ образомъ счастія своего искать; ибо когда другихъ земель дворяне у насъ власть имѣютъ селиться, то и Россійскимъ дозволить сіе кажется справедливо. Но если кто такое намѣреніе приметъ и къ тому располагаться станетъ распродажею своего имѣніи по частямъ—то въ такомъ случаѣ разсуждается изыскивать способы въ законахъ, какимъ бы образомъ въ его распроданномъ имѣніи десятая часть не пропала, подлежащая къ государственной пользѣ. Въ семъ случаѣ честные люди не требуютъ себѣ закона и предписанія; ибо они, не имѣя склонности утаивать своего намѣренія, десятую долю сами взносить будутъ въ казну. Но противу такихъ, которые возжелали бы покорыстоваться, и тѣмъ нужда предлежитъ изыскивать всякую осторожность,—и для того нѣкоторые изъ присутствующихъ разсуждаютъ, чтобъ, при послѣдней части продаваемаго ими имѣнія, они,

кромѣ обыкновенной съ продажи десятой деньги,—заплатили и за все прежде проданное, или вновь десятую деньгу на пользу государства. Но прочіе думаютъ, что таковые станутъ, выѣхавши на время, продавать свое имѣніе по частямъ, а о намѣреніи своемъ, чтобъ вѣчно остаться внѣ отечества, тогда откроются,—когда послѣднюю часть своего имѣнія нужда имъ придетъ уже продать, которую они съ умыслу столь малу оставятъ, что хотя она и вѣчно ими продана не будетъ, а взята на государя,—то цѣны той стоить не будетъ, которую бы имъ заплатить надлежало за десятую долю всего своего имѣнія. И для того сіи послѣдніе думаютъ, что всякъ изъ желающихъ поселиться вѣчно внѣ отечества своего можетъ продать двѣ трети своего имѣнія съ обыкновенною пошлиною, а послѣдняя треть—ему запрещается до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ своей десятой доли со всего имѣнія и прежде проданнаго на пользу государственную. И для того надлежитъ въ законы внести такую осторожность, которою предостеречь можно десятую долю въ казну государственную имѣнія, о чемъ при сочиненіи законовъ разсмотрѣно и предписано будетъ.

Статья 10-я.

Буде кто изъ Россійскихъ дворянъ дѣйствительно въ чужихъ краяхъ поселиться хочетъ, тотъ какъ отъ присяги, такъ и отъ подданства здѣшней имперіи можетъ быть вовсе освобожденъ,—когда онъ о томъ просить станетъ.

Изъясненіе на 10-ю статью.

Въ Россійскомъ знатномъ дворянствѣ много и нынѣ такихъ фамилій, которыя, переселяся въ древнія времена изъ прежняго своего отечества въ Россію, основаніе свое здѣсь положили, и какъ предки ихъ тогда прямо приходили въ подданство Россійское, учиня себя свободныхъ отъ присяги прежнихъ своихъ государей, такъ и ихъ потомки, нынѣ благополучно въ Россіи живущіе, не инако какъ единаго государя Россійскаго за природнаго уже присягою себѣ почитаютъ. Таковымъ же образомъ, въ Швеціи и въ Польшѣ прямо Россійскія дворянскія фамиліи отъ времени еще прежнихъ великихъ князей и

царей поселилися, и родъ свой ведутъ и понынѣ въ тѣхъ краяхъ, объявляя себя отъ корени Россійскаго дворянства. Сіе хотя съ завоеваніемъ земель или инымъ какимъ образомъ онымъ фамиліямъ учинилося,—однакожъ тогдашними обстоятельствами уволены они отъ присяги и подданства своихъ государей. Такъ и напротиву того и тѣ фамиліи, которыя изъ чужихъ государствъ въ Россію большимъ еще числомъ пришли и поселилися,—не инако какъ освобождали себя отъ присяги и подданства природныхъ своихъ государей. Почему и почитать надобно, что такая дворянамъ свобода не совсѣмъ теперь будетъ новая,—но будто бы чрезъ нѣсколько лѣтъ умершая и паки великодушіемъ Екатерины Второй возрожденная, тѣмъ паче, что и Екатерина Первая, въ Бозѣ почивающая Императрица Всероссійская, графу Левенвольду, лифляндскому подданному своему дворянину, сію свободу дала. Таковые примѣры хотя рѣдко случаются, ибо никто своего природнаго государя и отечество, родство и племя охотно не покидаетъ, но человѣкъ, многочисленнымъ въ жизни случаямъ и премѣненіямъ подверженъ бываючи,—жребіемъ своего счастія или несчастія, иногда въ крайности своего злополучія, а иногда въ видѣ осязаемаго имъ благополучія, по пути истинной честности доведенъ до того бываетъ. И такому Ваше Императорское Величество сею статьею путь къ удовольствію его, а иногда и къ счастію великодушно отверзаете,—котораго онъ въ отечествѣ своемъ получить иногда не могъ.

Статья 11-я

Выѣхавшій вѣчно и уволенный дворянинъ, а потому и не имѣющій уже участія въ правѣ Россійскаго дворянства,—дѣтей своихъ тому не подвергаетъ.

Изъясненіе на 11-ю статью.

Въ малолѣтствѣ дѣти по всѣмъ правамъ естественнымъ состоятъ въ волѣ родителей своихъ, а въ лѣтахъ совершенныхъ—сами они властители располагать волю свою въ таковыхъ случаяхъ, гдѣ отецъ и сынъ равное къ государю обязательство и любовь къ отечеству имѣть должны. Младенецъ ни от-

рицать, ни соглашаться съ родителемъ не можетъ, почему, до совершенныхъ своихъ лѣтъ, ни къ чему и обязаннымъ его почитать не должно. Онъ когда выѣхалъ изъ Россіи съ родителями въ чужое государство, то и право свое природное дворянина Россійскаго до возрастныхъ лѣтъ при себѣ сохраняетъ, и что отецъ дѣлаетъ по разуму и по своимъ обстоятельствамъ для своей выгоды,—того на сына навлекать не можно по малоразумію его. Чего ради сынъ до возрастныхъ лѣтъ и права своего не теряетъ,—а въ указные годы долженъ онъ дать о себѣ знать, вѣчно-ли онъ тамъ остается или временно, и тогда въ силѣ права дворянскаго—и обязательство на себя пріемлетъ, когда состояніе свое по дворянству опредѣленнымъ себѣ у государя испроситъ.

Статья 12-я.

Ежели же таковымъ вывезеннымъ или въ чужомъ государствѣ уже рожденнымъ дѣтямъ, по родству, наслѣдство въ имѣніи въ Россіи отъ кого либо окажется,—тогда выѣхавшій съ отцемъ и возвратившійся паки изъ чужихъ краевъ пользуется правомъ Россійскаго дворянства, и наслѣдникъ, по законамъ, учинивши присягу въ подданствѣ, не оспоримый быть долженъ. А родившійся внѣ Россійскаго государства имѣетъ право просить Россійскаго дворянства,—почему и въ наслѣдство дѣйствительно вступитъ по учиненіи присяги въ подданствѣ.

Изъясненіе на 12-ю статью.

Вывезенный въ малолѣтствѣ дворянинъ почитаться долженъ вывезеннымъ, какъ выше упомянуто, не по своей волѣ, и потому и права своего, по учиненіи въ подданствѣ присяги, пользоваться всѣмъ тѣмъ въ Россіи, въ чемъ онъ родился, лишиться не можетъ; но родившагося дворянскаго сына отъ отца, уволеннаго уже отъ присяги, собраніе почитаетъ также за уволеннаго дворянина отъ присяги и подданства Россійскому государю, какъ и отца его. Однакожъ не совсѣмъ его разумѣетъ еще иностранцемъ, понеже онъ фамилію и родство свое въ Россіи, яко ближайшій иногда наслѣдникъ, имѣетъ. Чего ради для притязанія его паки въ оте-

чество родителей его—оставляетъ ему право просить о дворянствѣ Россійскомъ, и когда просящій учинитъ присягу въ подданствѣ и удостоится получить оное отъ монарха Россійскаго, тогда и наслѣдство, до него дошедшее законно, онъ получаетъ.

Статья 13-я.

Чтобъ ни по какому доносу и подозрѣнію дворянинъ никакимъ образомъ штрафованъ не былъ, покуда передъ судомъ изобличенъ и виновенъ не явится и чтобъ, въ отличность разночинцамъ,—отъ всякаго тѣлеснаго истязанія былъ онъ свободенъ.

Изъясненіе на 13-ю статью.

Между всемилостивѣйше жалуемыми правами Россійскому дворянству существительнымъ и отмѣннымъ преимуществомъ быть видѣлося бы, собраніе разсуждаетъ, чтобъ никакой дворянинъ, служащій и не служащій, безъ предварительнаго по правамъ учиненнаго приговора, какимъ бы то образомъ ни было, штрафованъ не былъ, потому что всякій благороднорожденный долженъ себѣ по честолюбію штрафъ почитать за отнятіе своей чести, которую онъ, яко дворянинъ, или по природѣ, или по отличію противу худороднаго заслужилъ и блюсти оную при себѣ равно какъ животъ свой долженъ. Почему и столь тяжкое оскорбленіе не инако какъ тогда претерпѣваетъ, когда самъ, по собственному своему признанію, или по неоспоримымъ доказательствамъ, доведенъ до того бываетъ. При сихъ разсужденіяхъ различается однакожъ *задержаніе подъ присмотромъ* дворянина отъ *формальнаго ареста*. Первое случиться можетъ по необходимости и съ невиннымъ, равно какъ и съ виноватымъ; потому что дѣлается для предускоренія опаснаго зла, по клеветѣ или по истинѣ донесеннаго, и таковый—чести себѣ больше пріемлетъ по разрѣшеніи, или—правосудно задерживается, когда, по изслѣдованіи, *задержаніе его* на прямой *арестъ* перемѣняется, а между тѣмъ симъ образомъ угрожающее зло отвращено. А второе, что *арестомъ* называется *формальнымъ*, не инако какъ наказаніе неповинному уже дѣлается,—когда оно безъ суда и безъ обличенія или

безъ неоспоримаго доказательства чинится. Кольми же паче не заслуживалъ ли бы дѣйствительный дворянинъ, въ отличность худородному, совершенно свободенъ быть отъ всякихъ тѣлесныхъ истязаній, когда мучительство въ благородно рожденномъ, по одному сумнительству и подозрѣнію ему приключенное, можетъ его, яко честолюбиваго, привести къ отчаянію и животъ свой вовсе пренебречь,—а потому и исторгнуть изъ него клевету на себя, дабы скорѣе смертію прекратить свое безчестіе, чему многіе уже на свѣтѣ и примѣры оказалися.

Статья 14-я.

Буде дворянинъ по двумъ первымъ пунктамъ, а именно: въ оскорбленіи Величества и въ возмущеніи противу общаго покоя, доказанъ будетъ и самъ въ томъ собственное учинитъ признаніе, почему ссылку или и самую смерть заслужитъ,—то имѣнія его наслѣдственнаго, нажитаго и выслуженнаго не конфисковать, а отдавать въ наслѣдство (развѣ въ случаѣ похищенія и всякаго грабежа, такъ какъ и долгу казеннаго и партикулярнаго), въ которомъ изъ имѣнія выслуженнаго и нажитаго возвращено быть должно долговое, похищенное и ограбленное. А когда и изъ того въ уплату не достанетъ, то брать и изъ наслѣдственнаго, кромѣ отданнаго въ наслѣдство завѣтомъ чрезъ фидеи-коммисію, которое въ силѣ своей по опредѣленію основателя непоколебимо всегда оставаться должно.

Изъясненіе на 14-ю статью.

Сего мнѣнія суть ихъ сіятельства: графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, графъ Михайло Иларіоновичъ Воронцовъ, его превосходительство Никита Ивановичъ Панинъ, и ихъ сіятельства графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. А ихъ сіятельства князь Яковъ Петровичъ Шаховской и князь Михайло Никитичъ Волконскій думаютъ, что у преступившихъ по первымъ двумъ пунктамъ, такъ какъ и у заслужившихъ смерть за долги казенные, воровство и грабежи,—имѣніе выслуженное, купленное и нажитое конфисковать надлежитъ, кромѣ завѣтомъ чрезъ фидеи-

коммисію утвержденнаго въ наслѣдство и кромѣ наслѣдственнаго имѣнія, изъ которыхъ то и другое наслѣдникамъ оставаться имѣетъ въ наслѣдство. Первые свое мнѣніе утверждаютъ слѣдующими резонами: 1) Когда только родовое наслѣднику остается, а выслуженное конфискуется въ какомъ либо преступленіи,—то отецъ по своему въ экономіи разбору случайно можетъ за собою оставить прежде того преступленія выслуженное и нажитое одно, котораго онъ на примѣръ нажилъ до пяти тысячъ душъ, а родовое—продать, котораго онъ имѣлъ двѣ тысячи душъ въ мѣстѣ безплодномъ, и на тѣ деньги купить иное или—тѣми деньгами жить будетъ, а доходъ изъ нажитыхъ деревень между тѣмъ сохранять въ остаткахъ. Въ такомъ случаѣ сынъ или дочь, будучи злу неучастники, или ближайшій его наслѣдникъ, родственникъ или родственница подвергаются тяжбѣ и неокончаемому процессу, да и способа не видится, какимъ бы образомъ высвободить наслѣдственное имѣніе, которое или прожито или обратилося въ имѣніе нажитое, и потому—лишаются наслѣдства и въ наслѣдственномъ и въ выслуженномъ. 2) Выслуженнаго и нажитаго, какъ въ сей статьѣ узаконяется по сихъ первыхъ мнѣнію, и для того конфисковать также за справедливо не признавается, что—преступленіе преступниковъ дѣлается не въ то время, когда онъ честно служилъ и за то награждаемъ былъ чинами, деревнями и другими знаками милости, по правосудію монарховъ. Ибо ежели онъ что наворовалъ, или у кого ограбилъ, то въ свое мѣсто всегда, и по ихъ мнѣнію, возвратиться должно, а прочее службою и честію доставалъ для себя и потомства своего. И такъ наслѣдники и претерпѣвать не должны, яко родившіеся отъ отца, признаваемаго тогда въ чести. Довольно преступниковой персонѣ того наказанія, что онъ чести и живота лишается за грѣхъ тотъ, въ которомъ сынъ или наслѣдникъ того или другаго пола не участники. 3) При такихъ несчастныхъ въ государствѣ случаяхъ, когда правосудіе самое осуждаетъ кого на пролитіе крови,—великій ударъ дѣлается той фамиліи (хотя бы и никто изъ оной участникомъ злодѣйству не былъ), что въ ней преступникъ столь великій оказался, котораго самъ тотъ родъ охаивать долженъ. Кольми же паче ближніе наслѣдники,

кровію ему паче другихъ сопряженные; они не токмо лишаются отца или дяди или ближайшаго въ фамиліи своей, но и видятъ его поносною смертію животъ свой скончавшаго. Но какая бы казнь и имъ была, а особливо малолѣтнымъ или въ надеждѣ на него жившимъ, что и они, лишившися отца или главнаго сродника, лишаются и достоянія по немъ. Такъ, напротиву того, послѣ пролитой крови какое и пріобрѣтеніе казнѣ, или обогащеніе, которое дѣтей осиротѣлыхъ или ближнихъ родственниковъ дѣлаетъ, сверхъ всего невиннымъ бѣдствія, на вѣки еще нищими. Человѣколюбіе и милосердіе Вашего Императорскаго Величества, всеконечно, хотя бы и права сего не было, не допустятъ до такой крайности и бѣдствія никого въ свѣтѣ. Но право сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, утвердить обѣщаете на вѣки дворянству непоколебимымъ; слѣдовательно Ваше Величество и на преемниковъ своего престола (которые дай Богъ, чтобъ всѣ имѣли Ваши дарованія!) излить соизволите тоже дѣйствіе Вашего милосердія, съ каковымъ Ваше Величество Богомъ опредѣлены царствовать и всѣхъ вѣрноподданныхъ подъ скипетромъ вашимъ содержать въ благоденствіи. Таковая конфискація выслуженнаго имѣнія и нажитаго надобна бы казалася для устрашенія неразсуднымъ отъ столь злыхъ на будущее время предпріятій; но гдѣ смерть угрожаетъ поносная, тутъ конечно конфискація имѣнія въ угроженіи прибавки не дѣлаетъ, и она жестокосерднаго не совратитъ съ пути его безумія. Отчаянный человѣкъ, когда предпріемлетъ свое злодѣйство, и пренебрегаетъ жизнь свою,— тогда не думаетъ, погубитъ ли онъ у дѣтей своихъ наслѣдство или нѣтъ. Почему 4) первые пріемлютъ за основаніе и твердость къ своему мнѣнію и то, что Ваше Императорское Величество, за оскорбленіе своего Величества и за возмущеніе противу общаго покоя, приговоренныхъ къ смертнымъ казнямъ, бывшихъ Хрущова и Гурьева,—манифестомъ, уже въ народѣ публикованномъ, отъ 24-го числа октября прошлаго года, лишивъ, вмѣсто смертной казни, чести и дворянскаго достоинства и не тѣлесной, но политической смерти предавши, но и за такое ихъ тягчайшее по двумъ первымъ пунктамъ преступленіе,—имѣніе ихъ отдать повелѣли ближнимъ въ род-

ствѣ, а сенатъ въ сентенціи своей имъ же написалъ и Вашему Величеству представилъ движимое и недвижимое ихъ имѣніе оставить дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ. Но ихъ сіятельства князь Яковъ Петровичъ Шаховской и князь Михайло Никитичъ Волконскій объявили, что у такихъ злодѣевъ нажитыя и выслуженныя ихъ имѣнія не конфисковать согласиться они не могутъ. А кажется имъ, что изъ того, какъ нынѣ по таковымъ преступническимъ дѣламъ многими монархами утвержденными узаконеніями опредѣлено,—Коммиссія о вольности дворянской довольно, и кромѣ сего уже притѣсненнымъ напрасно и поклепаннымъ защищенія присуждаетъ, по которымъ невинный отъ суда, безъ всякаго нарушенія права, злосчастнымъ быть не можетъ. Но чтобы и за сими пожалованными отъ Вашего Императорскаго Величества наилучшими въ свѣтѣ дворянамъ вольностями и преимуществами, умышленно съ намѣреніями присягу, должность и честь свою пренебрегая въ злодѣяніе вступающимъ—еще такое о ихъ собственныхъ нажитыхъ и выслуженныхъ имѣніяхъ оставленіе въ награжденіе ихъ наслѣдникамъ предписывать въ право, они опасаются, дабы иногда не послужило оное имъ болѣе въ способность ихъ отвагамъ и дерзкимъ замысламъ. А за лучшее средство они изобрѣтаютъ, что въ такихъ злодѣяніяхъ обличенныхъ собственныя (какъ выше сего въ изъясненіи на сію 14-ю статью изображено) имѣнія подвергнуть власти и милости монаршей, которыя, по состоянію дѣлъ и обстоятельствъ, въ разсужденіи поведенія прежде бывшихъ персонъ и заслугъ ихъ,—умѣрять и опредѣлять монархъ соизволитъ. А родовому и наслѣдственному имѣнію они согласуютъ быть такъ, какъ въ сей же 14-й статьѣ назначено.

Статья 15-я.

Чтобъ впадшему въ подозрѣніе по двумъ первымъ пунктамъ, а именно, въ оскорбленіи Величества и въ возмущеніи противу общаго покоя, дворянину позволено было представить изъ приличныхъ къ тому суду классовъ другаго дворянина, кого онъ самъ пожелаетъ,—дабы могъ представленный при про-

изводимомъ дѣлѣ какъ членъ присутствовать и въ потребныхъ ему доказательствахъ и оправданіяхъ вспомоществовать. И чтобъ впадшему въ такое подозрѣніе при томъ же производствѣ дозволить имѣть отъ своей стороны и повѣреннаго, отъ котораго бы равномѣрно его представленія въ пользу несчастнаго въ судѣ выслушиваны и должнымъ порядкомъ приниманы къ дѣлу были.

Изъясненіе на 15-ю статью.

Криминальныя дѣла въ ихъ изслѣдованіи крайней требуютъ осторожности. Ежели впалъ кто въ подозрѣніе по достоинству, то, кто бы ему ни помогалъ, правда всегда его виновнымъ уже сдѣлаетъ. Но къ несчастію великому, многіе, почитаемые за оскорбителей Величества и возмутителей противу общаго покоя, до сего времени тяжчайшимъ заключеніемъ или и мучительною смертію пострадали,—которыхъ преступленія или не были, или хотя и были, то не заслуживали того имени, каковому казнь уравнена или каковою и вовсе пострадали не обвиненные! Судъ есть дѣло само по себѣ, ежели основано на правосудіи, святое. Но ежели судіи, или проницательства въ дѣлѣ надлежащаго не достигаютъ, или не видятъ никакого бѣдствующему вспоможенія, и потому сами робѣютъ, или и не на пути истины противу бѣдствующаго,— то и невиннаго доведутъ до тѣлеснаго истязанія, которое напослѣдокъ извлекаетъ изъ отчаянія его признаніе въ неправдѣ и собственную на себя самого клевету, а потому навлекаетъ на него и смертную казнь. Въ такомъ случаѣ, дабы не погубить невиннаго, къ главнѣйшей осторожности принадлежитъ ободреніе утопленнаго и обвиняемаго, и потому собраніе разсуждаетъ—испросить всеподданнѣйше у Вашего Императорскаго Величества сіе божественное право, которое прославитъ на вѣки милость и щедроту на судѣ Вашего Величества и защититъ хотя иногда одного прямо виноватаго, ежели бы то могло статься, но сто неповинныхъ спасетъ отъ напасти, а иногда и отъ самой смерти. Ибо патронъ обвиняемому праведнаго преступленія загладить никогда не можетъ, а невинно страждущаго возбудитъ отъ утопленія, и своимъ сочленамъ

поводомъ сего права просвѣщеніе на судѣ подастъ, съ помощію адвоката, за бѣдствующаго, и тогда самая невинность уже его спасаетъ.

Статья 16-я.

Противу дворянина за криминальныя дѣла и смертныя убійства доказательства требуются вящшія, нежели противу недворянина.

Изъясненіе на 16-ю статью.

Благорожденнаго преступленіе больше сумнѣнію подвержено, нежели худороднаго. Первый, имѣючи воспитаніе, не столь скоро злое дѣло предпріемлетъ, какъ послѣдній, который и на зло такъ, какъ на настоящее свое добро, часто взираетъ. А потому что положено для вкорененія честолюбія въ дворянина, не прикасаться къ нему никакимъ тѣлеснымъ истязаніемъ,—то и доказательства противу дворянина вящшія требуются, нежели противу худороднаго.

Статья 17-я.

Лишенный дворянства, чести и имѣнія по своимъ преступленіямъ, дворянинъ—дѣтей своихъ къ тому не подвергаетъ.

Изъясненіе на 17-ю статью.

Естественный законъ учитъ сообщника въ преступленіи почитать за такого же злодѣя, какъ и самого преступника, а неучастника тому, какъ бы онъ кровію и родствомъ ни близокъ преступнику былъ, исключать. Ибо преступникъ злодѣйство свое учинилъ, отступя отъ своей крови благородной, и за то чести и живота лишился, а наслѣдникъ его оную при себѣ сохранилъ; почему тотъ, кто не потерялъ ничѣмъ своего родства—не можетъ терять и плодовъ отъ онаго происходящихъ. А яко правосудіе требуетъ и общее всесвѣтное правило требуетъ не казнить ничѣмъ неповиннаго, — то и статья сія, по разсужденію коммиссіи, есть съ божественнымъ правосудіемъ государей, которые надъ подданными своими власть живота и смерти имѣютъ, сходствующая.

Статья 18-я.

Дворянинъ, между прочими, самое первое и главное преимущество имѣетъ—располагать своимъ имѣніемъ не родовымъ, но благопріобрѣтеннымъ, то. есть, выслуженнымъ и купленнымъ, движимымъ и недвижимымъ, по своему произволу.

Изъясненіе на 18-ю статью.

Древнее право, основанное на самой натуральной справедливости, которое у древнихъ Римлянъ въ двѣнадцати таблицахъ положено было и въ Юстиніаново право не токмо принято, но съ онымъ во всю Европу вошло и по нынѣ хранится, то есть: *нѣтъ ничего освященнѣе, какъ воля и завѣтъ въ расположеніи имѣнія того, кто животъ свой кончаетъ; ибо она его послѣдняя во вѣки.* Оная разумѣется въ расположеніи имѣнія такомъ, которое ему одному законно принадлежало. Во всѣхъ не токмо политическихъ народахъ, но и въ варварскихъ сіе естественное правило свято сохраняется, отъ чего и многіе образы сочиненія духовныхъ на свѣтъ произошли, между которыми и *фидеи-коммиссія* или *право отказа* на вѣрность другому изстари введено въ политическіе народы, о которомъ ниже сего будетъ изъяснено. А по сему и статья сія основаніе имѣетъ, по разумѣнію собранія, на справедливости и предается въ высочайшее разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Статья 19-я.

По примѣру другихъ государствъ, въ наслѣдствахъ Россійскаго дворянства установляется право, называемое *фидеи-коммиссія* или *право отказа*. То есть, естьли какой дворянинъ за благо разсудитъ имѣніе свое благопріобрѣтенное, движимое и недвижимое, по нынѣшнему въ Россійской имперіи обыкновенію, между своими родными дѣтьми или ближними къ его наслѣдству сродниками, по равнымъ частямъ, или же, имѣя только наслѣдникомъ одного сына или дочь или ближняго родственника,—ему одному все безъ изъятія въ наслѣдство отдать; въ такомъ случаѣ онъ неоспоримую власть имѣетъ свое имѣніе дѣтямъ ли или ближайшимъ родственникамъ, или же кому

и постороннему, въ случаѣ неимѣнія того рода,—въ чужой родъ, по частямъ ли или и все одному, какъ и съ какими предписаніями самъ заблагоразсудитъ—препоручить и оное въ вотчинной коллегіи укрѣпить.

Изъясненіе на 19-ю статью.

Для изъясненія сего новаго въ Россійскихъ законахъ слова *фидеи-коммиссія* и его употребленія—представляется слѣдующее: фидеи-коммиссія или порученіе на вѣрность наслѣдства, по старому Римскому обыкновенію, есть расположеніе своего имѣнія въ пользу того, который не можетъ быть нашимъ наслѣдникомъ по законамъ. Напримѣръ не наслѣдникъ: инородецъ, чюжестранецъ, ссылочный, сынъ незаконный и тому подобные. Сіе случалося тогда, когда отецъ или мать сыну несчастному передаютъ свое имѣніе, а законъ ему воспрещаетъ. Или когда, видя сына неспособнаго,—возлюбили другаго и лишаютъ непокориваго сына и своего озлобителя наслѣдства. Фидеи-коммиссія до тѣхъ поръ у Римлянъ въ употребленіи не была, пока новые законы при начинаніи паденія республики не вошли, которые вольность Римскую стѣснять стали въ расположеніи своего имѣнія. Но какъ сіе воспослѣдовало, то они, будучи ревностны къ своей вольности, старалися избѣжать силы законовъ стѣсняющихъ, потому что они чрезъ то лишалися въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вольности располагать имѣніе свое въ пользу любимыхъ имъ персонъ. И такъ сочиняли они духовныя по законамъ на имя того, кому законно имѣніе принадлежитъ, а тайно или и явно уговаривалися съ нимъ, чтобъ онъ не себѣ удержалъ оное, но передалъ тому, кому они вознамѣрилися. Цезарь Августъ сіе, хотя незаконное, но натуральное право отказа подтвердилъ, и слѣдующіе по немъ цезари безопасность для коммиссаровъ—не токмо законами утвердили, но и надзирателей, то есть, особливаго претора, къ тому приставили, дабы въ сихъ совѣстныхъ уговорахъ коммиссары обману не дѣлали, и то, что имъ, положася на вѣрность ихъ, завѣщатели отдавали для другихъ,—они себѣ не удерживали силою духовной. Такой отказъ былъ, или всего имѣнія одному, или по частямъ многимъ и съ договорами, предписанными въ

духовной. Напримѣръ: отецъ дочери отдавалъ имѣніе свое бездѣтной, а договоръ предписывалъ, что она съ мужемъ тогда наслѣдница быть можетъ, когда у нихъ дѣти будутъ; а въ противномъ случаѣ послѣ смерти ея инаго наслѣдника онъ же, отецъ, именуетъ,—по произволенію, въ духовной. Право отказа таковаго и подобнаго тому, симъ же именемъ называемаго, не токмо въ право Юстиніаново, которымъ теперь вся Германія судится, вошло,—но въ Нидерландахъ нынѣ и законъ уставленъ, чтобъ фидеи-коммиссія такая, которая у нихъ въ обыкновеніи, передъ судомъ записана была для вѣрности. Сія осторожность у нихъ введена такъ, какъ и въ Юстиніановыхъ правахъ предписано. И чрезъ фидеи-коммиссію нынѣ отдаютъ имѣніе завѣщатели: въ Австріи, Нидерландахъ и во всей почти Германіи и Франціи и другихъ земляхъ—кому хотятъ по частямъ и съ такими кондиціями, съ какими кто заблагоразсудитъ,—все ли свое имѣніе, движимыя ли вещи, одну или многія. Но ежели домъ или другое недвижимое имѣніе,—то и записывать надобно свой отказъ въ томъ судебномъ мѣстѣ, въ которомъ то имѣніе недвижимое положеніе свое имѣетъ. Однакожъ словомъ фидеи-коммиссія и такіе уже нынѣшнимъ въ Европѣ употребленіемъ отказы называются, которые прежде такъ не назывались. Но понеже сіе въ свѣтѣ уже политическомъ принято, то и въ сей статьѣ разумъ собраніе даетъ нынѣшнихъ вѣковъ фидеи-коммисіи, и оная, по ихъ мнѣнію, въ вольности дворянской приличествуетъ. Въ Австріи—разные роды суть фидеикоммисіи: 1) Когда сочинитель духовной расположилъ, для сохраненія своей фамиліи, отдать свое собственное нажитое имѣніе старшему сыну, или, по неспособности его, второму, или кому онъ заблагоразсудитъ,—то онъ съ тѣмъ въ духовной приказываетъ, чтобъ и тотъ наслѣдникъ оставляемаго имѣнія, въ чемъ бы оное ни состояло, хотя въ движимомъ, хотя не въ движимомъ, онаго ни продать, ни заложить не могъ; но только доходъ изъ него на прожитокъ свой получалъ, а фидеи-коммиссіею препорученное имѣніе въ наслѣдство—въ цѣлости оставилъ другому, по себѣ старшему, или тому, кому въ духовной предписано. И такая фидеи-коммисія никуда инуды выйти въ наслѣдство не должна, какъ оставаться всегда по предписанію основателя. Почему со-

браніе разсуждаетъ, что имѣніе, такимъ образомъ роду или наслѣднику утвержденное,—не подвергается ни въ какомъ случаѣ конфискаціи, ниже за долги казенные и партикулярные не отымается. Ибо то имѣніе не его, но такимъ же правомъ точно наслѣдникамъ его принадлежитъ, какимъ онъ только по смерть свою право имѣлъ владѣть. А когда бы онъ и задолжалъ,—то съ нимъ поступать надобно какъ съ таковымъ должникомъ, съ котораго взыскать нечего. Сіе учрежденіе мнится великимъ воздержаніемъ быть для удержанія отъ мотовства и для умѣренности въ житіи,—ибо каждаго богатство будетъ ограничено, а потому и кредитъ въ своихъ предѣлахъ къ нему останется. Между тѣмъ фамиліи не будутъ оскудѣвать и претворяться въ нищету. А прочіе, не получа того достоянія, побуждены будутъ службою и добродѣтельми счастія своего искать. Такая однакожъ фидеи-коммиссія, или такое право отказа,—свойственнѣе назваться можетъ по старому Римскому обыкновенію *право старшинства*, хотя оно въ Австріи называется фидеи-коммиссія. 2) Когда несостоятельнаго сына или наслѣдника, а паче мота отецъ воздержать захочетъ, и тѣмъ фамиліи слѣдующей по немъ не разорить,—то духовною отнимаетъ у него владѣніе надъ имѣніемъ и препоручаетъ оное другому на вѣрность, съ такимъ завѣщаніемъ, чтобъ онъ, имая себѣ за трудъ нѣкоторую часть въ воздаяніе или и даромъ (ежели о томъ условится),—отдавалъ сыну или наслѣднику часть изъ доходовъ, или и всѣ доходы (сіе по произволенію завѣщателя), а самое бы имѣніе—въ цѣлости передалъ по немъ наслѣднику его. Сіе также въ Европѣ называется нынѣ фидеи-коммиссія, а въ самомъ дѣлѣ оно есть *секвестръ имѣнія* или *опекунство*.

Собраніе разумѣетъ фидеи-коммиссію такого рода, который въ послѣднихъ двухъ пунктахъ по нынѣшнему Австрійскому и другихъ земель обыкновенію изображенъ. Смотрѣть только надобно, чтобъ имѣніе благонажитое завѣщателево, въ чемъ бы оно ни состояло,—ни продаваемо, ни закладываемо, но вѣчно въ родѣ хранимо или тому отдаваемо было, кому завѣщатель и какъ предписалъ; а старшій въ родѣ или тотъ, кому отка-

зано,—пользовался бы по смерть изъ того отказнаго имѣнія доходомъ изъ деревень.

Статья 20-я.

Благородно-рожденному позволяется усыновлять себѣ въ наслѣдника посторонняго, въ случаѣ неимѣнія того роду,—только бы усыновляемый былъ дворянинъ и къ своему прозванію присовокупилъ и прозваніе того, кто его усыновляетъ.

Статья 21-я.

А хотя кто и имѣетъ наслѣдника, но послѣдняго въ родѣ и къ наслѣдству совсѣмъ неспособнаго,—то и въ такомъ случаѣ усыновленіе по 20-й статьѣ дозволяется; однакожъ прямому наслѣднику оставить долженъ завѣщатель пропитаніе по своему благоизобрѣтенію.

Изъясненіе на 20-ю и 21-ю статьи.

Право усыновленія есть древнее и почитается за основанное на правѣ естественномъ; почему оно отъ многихъ тысячъ лѣтъ и по нынѣ во всѣхъ народахъ безъ изъятія отправляется. А какимъ образомъ наслѣдство усыновленной получать долженъ,—о томъ выше сего уже объяснено. Но какъ отъ отдачи въ чужой родъ имѣнія всего или части имя фамиліи отказывающаго вовсе истребиться можетъ, а онъ, напротивъ того, по небеззнатности иногда своей фамиліи и по честолюбію оную на вѣки сохранить пожелаетъ;—то собраніе за нужное почитаетъ ввести въ узаконеніе такъ называемое право *адопціонъ* или *усыновленіе*, состоящее въ томъ, чтобы тотъ, кто свое имѣніе все или частію въ чужой родъ, за неимѣніемъ своего роду или за неспособностію прямаго наслѣдника, препоручить по совѣсти заблагоразсудитъ,—имѣлъ также власть избираемую къ тому персону дѣйствительно усыновить, присовокупленіемъ къ его собственной фамиліи имени и своей фамиліи такъ, чтобъ ему и его потомкамъ не только невозбранно, но и должно было сими двумя фамиліями впредь всегда называться и писаться,—сообщая о томъ только для извѣстія въ герольдію. Такое установленіе нужнымъ почитается по самой необходимости. Ибо

какой бы на свѣтѣ сыскался отецъ или родственникъ, который бы, имѣя родныхъ достойныхъ дѣтей или самыхъ кровныхъ и ближайшихъ родственниковъ, безъ крайней нужды и противу естественнаго установленія—похотѣлъ напрасно ихъ того лишить и свое имѣніе въ чужой родъ отдать, какъ и въ самомъ дѣлѣ описываемая здѣсь новость на случай, весьма рѣдкій въ Россіи, гаданіемъ полагается только на дѣтей и другихъ наслѣдниковъ, совсѣмъ неудачныхъ и полнаго наслѣдства недостойныхъ? Сверхъ того, подобнымъ узаконеніемъ произведена быть могла бъ и такая еще польза, — что настоящіе во всякой фамиліи наслѣдники принуждены будутъ больше старанія прилагать своимъ поведеніемъ натурально имъ достающагося имѣнія не лишаться, да и получа оное, какъ они, такъ и изъ чужаго рода усыновляемые, въ разсужденіи недозволенной имъ продажи или заклада, — способа не возъимѣютъ безпутно оное проживать, но паче чрезъ то честь и память фамиліи сохранять.

Въ сихъ статьяхъ, Всемилостивѣйшая Государыня, мы, нижеподписавшіеся, старалися изобразить милость, щедроту и великодушіе Вашего Императорскаго Величества къ дворянству Россійскому. Блаженство рожденныхъ благородно и благодѣнствіе всего народа въ имперіи Вашей божественный теперь промыселъ опредѣлилъ попеченію и сохраненію Вашего Величества; почему и предаемъ слабѣйшее сіе наше разсужденіе на проницательное и высочайшее ваше разсмотрѣніе. Что же касается до поощренія дворянъ Россійскихъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, то оные пункты частію по свойству ихъ внесли мы въ право дворянское, въ статьяхъ сихъ замыкающееся, почитая оное непоколебимымъ на вѣчные роды; частію же, яко на времена только нынѣшнія служащіе,— оставили ихъ внести въ законы, которые въ согласіе сихъ статей сочиняемы будутъ послѣ совершенія сего права, и по высочайшей вашей конфирмаціи внесены въ уставъ военный и по гражданству въ новосочиняемое уложеніе. При чемъ не оставимъ и о томъ всеподданнѣйше доложить,—какимъ образомъ учредить герольдію, дабы единожды навсегда порядокъ въ ней заведенъ былъ сочинять и сохранять списки и гербы

всего въ имперіи вашей подданнаго вашего дворянства, и всѣ бы роды и фамиліи дворянскіе, старые и новые,—извѣстны въ ней оставалися навѣки.

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.
Графъ К. Разумовскій.
Графъ Михаилъ Воронцовъ.
Князь Яковъ Шаховской.
Н. Панинъ.
Графъ Захаръ Чернышевъ.
Князь М. Волконскій.
Графъ Григорій Орловъ.
Статскій Дѣйствительный Совѣтникъ Григорій Тепловъ.

ЗАМѢТКА.

Въ юбилейный день, 21 апрѣля, дворянской грамоты, Харьковское дворянское собраніе постановило ассигновать *семьсотъ пятьдесятъ рублей* на выдачу преміи за сочиненіе о русскомъ дворянствѣ.

Если бы оказалось, что подобныя преміи уже назначены или же будутъ назначены и въ дворянскихъ собраніяхъ другихъ городовъ, то соединеніе ихъ съ преміей, ассигнованной собраніемъ дворянства Таврической губерніи (см. 1-й выпускъ настоящаго изданія),—могло бы составить сумму, которая обезпечила бы выдачу не одной, а двухъ и даже трехъ премій за лучшія сочиненія, по относящимся сюда источникамъ въ архивахъ, не только столичныхъ, но и губернскихъ. Въ этой надеждѣ и съ этою цѣлью, мы примемъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры къ приведенію въ извѣстность архивовъ, въ которыхъ имѣются такіе матеріалы.

И. К.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

ИЗДАНІЕ

Н. Калачова.

Выпускъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Офицерская, 17.
1885.

Дозволено Цензурою, С.-Петербургъ, 12 Сентября 1885 года.

КЪ ВОПРОСУ

о составленіи и изданіи

СЕЛЬСКАГО СУДЕБНАГО УСТАВА.

Докладъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ
Н. В. Калачова и его обсужденіе.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Предлагаемую статью или, лучше сказать, „Мысль“ я рѣшился, послѣ нѣкотораго колебанія, помѣстить въ настоящемъ изданіи на томъ основаніи, что хотя она давно меня занимаетъ, особенно въ тѣ часы, когда мнѣ приходилось бывать въ имѣніяхъ разныхъ губерній или читать вѣдомости и письма моихъ управляющихъ; но Высочайшій рескриптъ 21 апрѣля 1885 года, данный дворянству, прекратилъ мое недоумѣніе по волновавшему меня всегда вопросу: да что же мы-то, дворяне, можемъ сдѣлать для того, чтобы помочь сельскимъ землевладѣльцамъ и земледѣльцамъ въ ихъ вопіющей нуждѣ—ввести въ сельскую жизнь, во взаимныя отношенія разныхъ классовъ сельскихъ жителей тотъ строй и порядокъ, которые необходимы для ихъ спокойствія, пользы и общаго благосостоянія? Высочайшій рескриптъ указываетъ прямо и ясно: имѣть дворянству, какъ высшему сословію, и въ сельскомъ быту „безкорыстное попеченіе о нуждахъ народа“; заботиться „о распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія“, и для того „сохранить первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, *въ дѣлахъ мѣстнаго управленія* и *суда*“. И мнѣ вспомнились наши первые „мировые посредники“, которые, бывъ выбраны изъ дворянства, не смотря на свои личныя потери, съ такою горячностью и любовью посвятили себя святому дѣлу „освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, что крестьяне видѣли въ нихъ

не только свою власть, но и своихъ защитниковъ, руководителей и лучшихъ исполнителей по предоставленію имъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Случалось мнѣ бывать и на съѣздахъ мировыхъ посредниковъ, слышать и видѣть какъ они искренно отстаивали интересы крестьянъ, какъ они были достойны своего почетнаго званія. А о томъ какъ дворянство вообще отозвалось на призывъ правительства объ освобожденіи крестьянъ—всѣмъ довольно извѣстно. Но это время прошло и въ средѣ насъ явились какой-то упадокъ силъ, несочувствіе ко всякому дѣлу. Уже ли однако мы, дворяне, не можемъ опять сомкнуться въ каждой губерніи въ болѣе или менѣе обширный кругъ интеллигентныхъ силъ для того, чтобы высказать наши сужденія о томъ, какъ привести въ исполненіе начертаніе и осуществленіе „Устава“, столь неотложно - необходимаго? Мнѣ извѣстно, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ уже собраны богатыя данныя по этому предмету, что въ немъ хранятся массы отзывовъ и заявленій о важности сельскаго устава. Конечно, этому министерству, какъ высшему охранителю государственнаго землевладѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему устроителю и распорядителю порядка въ губерніяхъ, принадлежатъ починъ и руководство въ этомъ дѣлѣ; но и безъ „судебнаго устава“ сельскій уставъ немыслимъ или, прямѣе сказать, неосуществимъ, и я спѣшу посвятить дворянству мою давнишнюю мысль по этому предмету—можетъ быть, наиболѣе трудному среди работъ по составленію сельскаго устава, и съ этою цѣлью открываю настоящее изданіе для тѣхъ, кто пожелалъ бы принять въ немъ участіе разработкой вопроса о начертаніи не только „Сельскаго“, но и „Сельско-судебнаго“ устава.

Н. Калачовъ.

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ИЗДАНІИ СЕЛЬСКАГО СУДЕБНАГО УСТАВА.

(Рефератъ въ Московскомъ Юридическомъ обществѣ, читанный 29 апрѣля 1885 г.) *).

19-го февраля 1886 года исполнится 25 лѣтъ съ изданія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Великое народное дѣло совершилось въ общемъ окончательномъ итогѣ въ тишинѣ и порядкѣ. Причиною тому были, съ одной стороны, свойства русскаго народа—мирнаго, трудолюбиваго, не только не избалованнаго судьбою и природой, но и не ожидающаго хорошихъ послѣдствій отъ слишкомъ скорыхъ переворотовъ въ своей жизни. Правда, крѣпостное начало, какъ гнетущее ярмо, тяготѣло въ продолженіи многихъ вѣковъ и надъ высшимъ сословіемъ, несшимъ обязательную службу Государю и государству, и надъ сословіемъ среднимъ или торговымъ, на столько стѣсненномъ, что къ развитію потребныхъ ему правъ не представлялось долго никакой возможности, но всего болѣе надъ сословіемъ низшимъ или сельскимъ, отправлявшимъ двойную повинность — одну за своего владѣльца—служебную государству, другую, еще бо́льшую, своему вотчиннику или помѣщику. Съ другой стороны, необычайная реформа удалась на Руси такъ счастливо, пробудила ее разомъ отъ долгаго, тяжкаго сна, измѣнила въ одинъ часъ,

---

*) Настоящему докладу было предпослано нѣсколько вступительныхъ словъ, которыя см. ниже въ „Выпискѣ изъ протокола засѣданія Московскаго Юридическаго общества 29 апр.“

можно сказать, въ одинъ мигъ всю необъятную страну во всемъ ея жизненномъ строѣ, потому что она была дѣломъ твердой воли, непреложнымъ исполненіемъ могучаго слова, плодомъ мановенія руки русскаго самодержавнаго царя. Примѣръ небывалый въ Европѣ; но, конечно, и на другихъ съ нею основахъ зиждется и стоитъ широкая русская земля. Скоро однако исполнится четверть столѣтія новой жизни, жизни свободнаго народа, и что же мы видимъ? Обѣднялъ классъ высшій, отощалъ въ своихъ земельныхъ и промышленныхъ доходахъ на столько, что въ столѣтній юбилей дворянской грамоты заботливый Отецъ народа чистосердечно выражаетъ свое участіе его незавидному положенію и указываетъ на долженствующее уврачевать его немощь—учрежденіе правительствомъ дворянскаго банка. А между тѣмъ, многіе ли изъ бывшихъ помѣщиковъ не благодарятъ Провидѣніе за снятую съ нихъ обузу крѣпостнаго владѣнія, многіе ли не сознаютъ, что и сельскія работы, отправляемыя подъ ихъ ближайшимъ наблюденіемъ, исполняются лучше прежняго, и земля ихъ растетъ и растетъ въ цѣнѣ. Купечество, какъ и все среднее сословіе, уже широко развернуло свой флагъ и промышленно-ремесленныя выставки сознательно говорятъ своими издѣліями, что иностранныя произведенія не пугаютъ насъ ни искусствомъ, ни изяществомъ. Это отрадное явленіе и даже успѣхи въ техническихъ знаніяхъ многихъ молодыхъ фабрикантовъ не должны однако закрывать отъ насъ тѣ недостатки, въ которыхъ подлежитъ совершенно справедливому упреку большинство средняго класса. Стремленіе къ легкой наживѣ, отягченіе не въ мѣру рабочихъ на фабрикахъ и даже малолѣтокъ не одними трудовыми часами, но и другими способами въ уменьшеніе ихъ заработковъ и въ то же время непомѣрная расточительность богатыхъ хозяевъ, ихъ сынковъ и вообще мастеровыхъ и повальное почти пьянство фабричныхъ рабочихъ въ праздничные дни и во всякое даже маломальски свободное время—внушаютъ къ нимъ состраданіе и заставляютъ краснѣть за нихъ предъ иностранцами. А простой народъ—эти свободныя массы хлѣбопашцевъ, артельныхъ, коневодовъ на бичевникахъ, крючниковъ и всякихъ сельскихъ рабочихъ—что представляетъ этотъ исполинскій силачъ, какъ не ежедневное

истощеніе данныхъ ему Богомъ силъ и рядомъ съ нимъ разгульное пьянство. Идетъ горемычный далеко изъ своего роднаго села на добычу для своей семьи и возвращается зачастую оборванный и пьяный — на работѣ и дорогой онъ прокутилъ всѣ полученныя имъ деньги и возвращается въ свою семью не радѣтелемъ ея, а бичомъ. Живущіе же безвыходно въ своихъ деревняхъ, на своихъ широкихъ пажитяхъ и нивахъ, какъ сказалъ-бы любитель сельскаго быта, что̀ представляютъ они? Увы, нѣтъ уже, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ великорусскихъ деревень, слѣдовъ прежняго приволья и богатства, не видите вы утромъ безконечныя стада̀, выгонявшіяся на тучныя пастбища или на покрытыя густымъ жнивьемъ поля; не встрѣчаете вы въ семейной жизни стариковъ уваженія и послушанія имъ молодаго люда: онъ предпочитаетъ отдѣльную отъ старшаго въ семьѣ работу, хотя бы то была работа безлошаднаго, даже бездомнаго батрака, и вотъ на десять дворовъ, имѣвшихъ прежде каждый по двѣ и по три лошади да столько же коровъ и нерѣдко десятки овецъ и свиней, теперь едва-ли насчитывается въ нѣкоторыхъ селахъ по одной лошади съ коровой. А поля? они на половину, если не болѣе, поросли бурьяномъ и лебедой. У домовъ, украшенныхъ зеленой елкой, вы видите нерѣдко толпу захудалыхъ стариковъ и одинокихъ хозяевъ: они толкуютъ или, вѣрнѣе, галдятъ о своемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ, о непомѣрныхъ взыскиваемыхъ съ нихъ налогахъ, и идутъ въ кабакъ запить свое горе... Что̀ же такое измѣнило прежній сельскій людъ, какая бѣда стряслась надъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ, что онъ такъ захилѣлъ, опустился, какъ будто тяготится своей свободой? Да, онъ дѣйствительно обѣднялъ, растерялся въ своемъ безъисходномъ горѣ, какъ обѣдняли и растерялись въ своихъ кутежахъ и заботахъ стародавніе баре и помѣщики. Это оскудѣніе хозяйственныхъ средствъ и затрудненіе кредита, о которыхъ такъ гласно говоритъ Высочайшій рескриптъ 21 апрѣля, лежатъ тяжелымъ гнетомъ и на прежнихъ господахъ, и на прежнихъ крѣпостныхъ. И мы всѣ—бывшіе владѣльцы рабочаго люда и свободные нынѣ крѣпостные — знаемъ хорошо причину этого обѣдненія и гнета. Не освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьяго

ярма тому причиной: вѣдь доходы поземельнаго владѣльца при *хорошемъ*, заботливомъ хозяйствѣ вдвое, даже втрое лучше прежнихъ; но *хорошо,* заботливо хозяйничать оказывается нынѣ, говоря вообще, почти невозможнымъ. Слишкомъ много требуется для того силы воли, усидчивости, терпѣнья, умѣнья обходить тихо и гладко, хотя бы и не совсѣмъ чисто и честно разныя невзгоды и препятствія, а они не сродны русской подвижной, открытой, правдивой природѣ. Намъ говорятъ: всему хорошему учитесь, привыкайте къ дѣлу исподоволь, ведите его умѣло, неотступно, перемѣните ваши нравы и обычаи, умѣрьте ваши порывы и силы для вашего собственнаго покоя и счастья, словомъ—идите «въ нѣмцы» и будьте «нѣмцами». Нѣтъ, отвѣчаемъ мы русской пословицей: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», и наоборотъ. Поищемъ другого исхода и для этого оглядимся, поразмыслимъ, откуда на всѣхъ насъ пришла такая напасть, что жить и хозяйничать намъ стало не въ мочь на нашихъ широкихъ раздольныхъ степяхъ, при нашей нынѣшней свободѣ, подъ кровомъ Царя, такъ заботливо простирающаго намъ руку помощи.

Нѣтъ у насъ — послѣ Высочайше дарованной всѣмъ сословіямъ свободы—въ нашей привольной сельской жизни твердой, правительственной власти, нѣтъ, безъ этой власти, порядка, покоя, защиты, скажемъ наконецъ смѣло — нѣтъ справедливости и грозы нарушителямъ сельской безопасности, надлежащей кары нарушителямъ имущественныхъ правъ. Мы боимся и огня, которымъ поджигаютъ наши дома и гумны то пьяные, то мстящіе намъ за правое наше дѣло тунеядцы, оборванцы и горланы; и кражи нашихъ лошадей размножившимися всюду и остающимися зачастую безъ наказанія и даже безъ преслѣдованія конокрадами, и расхищенія нашего добра изъ-подъ нашихъ рукъ нанимаемымъ нами домовымъ людомъ, до того испорченнымъ и опьянѣлымъ, что почти нельзя разсчитывать на хорошую, честную прислугу; боимся разбойниковъ, нападающихъ на беззащитныхъ не только въ дремучихъ лѣсахъ и на безлюдныхъ степяхъ, но и на широкихъ дорогахъ, въ одинокихъ постоялыхъ дворахъ и шинкахъ; боимся — какъ ни совѣстно въ этомъ сознаться—нашихъ сельскихъ полиціи и суда

и избѣгаемъ обращаться къ нимъ для нашей собственной защиты — для возвращенія рабочаго, нами нанятаго и отъ насъ ушедшаго нерѣдко съ украденнымъ у насъ имуществомъ, для отысканія спиленныхъ въ нашемъ лѣсу деревьевъ, похищенныхъ нерѣдко цѣлой шайкой деревенскихъ воровъ, для охраны нашей земли отъ завладѣнія ею припашкой незастѣнчиваго совѣстью сосѣда и т. д., и т. д.

Во всемъ вышесказанномъ не сомнѣвается болѣе и правительство: оно предпринимаетъ рядъ преобразованій къ упорядоченію нашего нравственнаго, бытоваго и домашняго положенія изданіемъ, съ одной стороны, церковныхъ, приходскихъ постановленій, съ другой — новыхъ полицейскихъ для губерній правилъ. Но во главѣ такихъ могущихъ дѣйствительно имѣть большое значеніе мѣропріятій должно быть, безъ всякаго сомнѣнія, положено *составленіе сельскаго судебнаго устава.*

Мысль вовсе не новая. Она уже осуществлялась въ нашей исторіи, и осуществлялась не одинъ разъ. Въ самомъ началѣ русской государственной жизни наши предки уже знали и перенесли въ наши Кормчія, Мѣрила Праведныя и другіе рукописные сборники византійскіе «земледѣльческіе законы», «Судебникъ царя Константина», такъ называемые «законы градскіе» и другіе источники византійскаго сельскаго права; за тѣмъ наши туземные памятники представляютъ цѣлый рядъ «уставовъ, грамотъ, наказовъ» и другихъ наименованій правилъ, касающихся сельскаго юридическаго быта, взаимныхъ между сельчанами отношеній, сельскихъ проступковъ и преступленій, сельскаго суда и наказаній виновныхъ за порчу межевыхъ знаковъ, сельскія кражи, поджоги, убійства и проч. Такія постановленія встрѣчаются и въ общихъ памятникахъ законодательства—Русской Правдѣ, Судебникахъ, Уложеніяхъ и въ особенныхъ издававшихся уже со времени удѣльныхъ князей, преимущественно же въ изданныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и его преемниками до половины XVII вѣка жалованныхъ разнымъ сельскимъ общинамъ Уставныхъ грамотахъ. Не обходили правилъ о сельскомъ строѣ въ своихъ законодательныхъ и распорядительныхъ наказахъ, учрежденіяхъ и другихъ постановленіяхъ Петръ Великій, Екатерина II

съ ея ближайшими преемниками и императоръ Николай. Учрежденное при семъ послѣднемъ министерство государственныхъ имуществъ издало въ руководство государственнымъ того времени крестьянамъ сельскій судебный уставъ, который и до сихъ поръ не утратилъ своего значенія. Но особенно горячо отозвалась на этотъ уставъ Редакціонная Коммисія, учрежденная для освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Она настаивала во все время своихъ работъ на крайней необходимости составленія сельскаго судебнаго устава для подлежащихъ освобожденію сельскихъ общинъ и потому въ начертанныхъ ею «Положеніяхъ» заботливо обходила всякія регламентаціи о преступленіяхъ и проступкахъ сельскихъ, о сельскомъ судѣ и наказаніяхъ, и если внесла въ свои проекты нѣкоторыя статьи о посредникахъ и волостномъ и сельскомъ судѣ, то лишь по неизбѣжной потребности положить твердое основаніе самостоятельности крестьянъ, чтобы они не подпали новой зависимости отъ прежнихъ помѣщиковъ. И въ длинный промежутокъ времени, истекшій съ изданія Положеній 1861 года, мысль о начертаніи сельскаго судебнаго устава не была оставлена ни правительствомъ, вспоминавшемъ о немъ неоднократно въ соображеніяхъ и обсужденіяхъ, касавшихся разныхъ проектовъ, ни литературой, какъ скоро выступалъ на сцену вопросъ о крестьянскомъ самоуправленіи; но, къ счастью, какъ постараюсь я пояснить ниже, эта мысль не была приведена до сихъ поръ въ исполненіе.

Приступая къ разсмотрѣнію значенія и вліянія на провинціальную жизнь, которыя предстоятъ этому новому «Положенію», мы скажемъ сначала, что оно должно не только улучшить нашу сельскую жизнь и хозяйство, но и совершенно преобразовать ихъ, измѣнить, такъ сказать, въ корнѣ, если только будетъ составлено и приведено въ дѣйствіе сообразно жгучимъ, неотложнымъ въ немъ потребностямъ. Но легко-ли начертать такой идеальный по своимъ результатамъ уставъ, есть ли какая надежда искоренить зло осуществленіемъ чрезъ одинъ наказъ мѣропріятій, хотя бы и долгое время нетерпѣливо ожидаемыхъ разнороднымъ сельскимъ населеніемъ? Конечно, было бы не трудно изъ разныхъ русскихъ и особенно иностранныхъ

законоположеній, болѣе или менѣе кажущихся пригодными для настоящей цѣли, выбрать подходящія правила и разбить ихъ на главы, отдѣленія, статьи, даже съ соотвѣтствующими параграфами и примѣчаніями, и коммисія, на которую были-бы возложены обсужденіе и редакція новаго сельскаго устава не затруднилась бы кодифицировать въ стройную систему такія тщательно составленныя извлеченія и рубрики, не затруднилась бы также присоединить къ нимъ, съ одной стороны, историческую, а съ другой, объяснительную записки, въ которыхъ были бы, пожалуй, выбраны изъ русскихъ источниковъ кое-какіе подходящіе факты, кое-какія рѣзко принаровленныя къ мнимо-народному быту статьи. Быть можетъ, заграничная пресса признала бы такую компиляцію, какъ работу теоретическую, стоящею выше прусскихъ, саксонскихъ, австрійскихъ и иныхъ иностранныхъ сельскихъ уставовъ, хотя, безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ иностранныхъ подданныхъ не посягнулъ бы предложить введеніе ея въ дѣйствіе въ замѣнъ своего, соотвѣтствующаго мѣстнымъ вполнѣ практическимъ потребностямъ кодекса. Но вотъ вопросъ: какъ отозвалось бы введеніе въ дѣйствіе такого сельскаго псевдонароднаго устава (какъ же назвать его иначе?) въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ настояло бы затѣмъ примѣненіе его статей въ обиходной жизни, во взаимныхъ сдѣлкахъ между землевладѣльцами и рабочими, въ разрѣшеніе споровъ, которые потребовали бы приложенія его къ мѣстнымъ, непредусмотрѣннымъ законодателемъ порядкамъ и обычаямъ? Сердце содрогается при одной мысли какъ стали бы его обходить, ломать, пріурочивать къ дѣйствительной жизни, домогаться передъ правительствомъ его исправленія, необходимыхъ въ немъ измѣненій, пополненій и отмѣнъ, а въ концѣ концовъ все-таки признавать его не только не облегчающимъ сельскіе недуги и неправды, но и крайне стѣсняющимъ взаимныя между разными слоями сельскаго люда и отдѣльными лицами сдѣлки, скажу даже болѣе—вызывающимъ противъ нихъ всякія законныя и незаконныя судебныхъ и полицейскихъ властей штрафы и другія мѣры. А правительство, что могло бы оно предпринять въ устраненіе такихъ вопіющихъ послѣдствій? Отмѣнить ли совсѣмъ уставъ, замѣнить ли его другимъ *лучшимъ*, или исправ-

лять въ немъ оказавшіеся непригодными отдѣлы и статьи? Но не существуетъ ли у насъ установившееся уже въ практикѣ правило — едва введенное въ дѣйствіе законоположеніе, тщательно составленное въ установленномъ порядкѣ, разсмотрѣнное въ подлежащихъ государственныхъ учрежденіяхъ и Высочайше утвержденное—не измѣнять чрезъ такой короткій срокъ его примѣненія, какъ, напримѣръ, два—три года. И въ самомъ дѣлѣ два—три года—срокъ крайне малый; но каково̀ переживать его въ постоянныхъ сельскихъ тревогахъ и ожиданіяхъ не лучшихъ, а можетъ быть еще и худшихъ послѣдствій? Нѣтъ, это немыслимо, да такой разработанный исключительно въ петербургскихъ коммисіяхъ, сельскій уставъ былъ бы, скажутъ намъ, въ настоящее время и невозможенъ. Вѣдь всѣ важнѣйшія законоположенія разсматриваются и обсуждаются въ петербургскимъ инстанціяхъ при пособіи экспертовъ, вызываемыхъ изъ разныхъ мѣстностей. Такъ приглашались «свѣдущіе люди» въ Редакціонную по освобожденію крестьянъ коммисію, въ коммисію по питейному вопросу, въ недавно закрытую коммисію о преобразованіи полицейскихъ учрежденій въ губерніяхъ. Но процедура участія экспертовъ въ коммисіяхъ, сколько намъ извѣстно, не гарантируетъ отъ изъятій въ «Положеніяхъ», выработываемыхъ коммисіями, многихъ существенныхъ для губерній, но, такъ сказать, мѣстныхъ или исключительныхъ въ общемъ значеніи добавленій и приложеній. Въ сельскомъ же судебномъ уставѣ, если бы пришлось удерживать всѣ статьи мѣстнаго быта, онѣ получили бы преобладающій перевѣсъ надъ статьями общаго положенія. Отсюда нельзя не придти къ заключенію, что статьи основныя, или руководящія, какъ общія, могутъ быть начертаны въ Петербургѣ, мѣстныя же слѣдуетъ предоставить какъ изложенію, такъ и развитію въ частностяхъ коммисіямъ, учрежденнымъ съ такою цѣлью въ каждой губерніи въ отдѣльности. Послѣднія, очевидно, должны работать не подъ диктантъ двухъ или трехъ экспертовъ, а имѣть въ своемъ составѣ представителей, и притомъ разныхъ сословій извѣстной мѣстности, которые могли бы провѣрять, и не одинъ разъ, свои заявленія и соображенія спросомъ лицъ, участвующихъ въ обсуждаемыхъ вопросахъ, отно-

шеніяхъ и сдѣлкахъ. Въ продолжительныхъ между ними совѣщаніяхъ и преніяхъ, подъ воздѣйствіемъ приглашаемыхъ ими въ помощь себѣ, или для спроса и совѣта, лицъ, всецѣло заинтересованныхъ своимъ собственнымъ домашнимъ дѣломъ, безъ сомнѣнія поставлены будутъ на общее обсужденіе такія обиходныя, но рѣдко кому хорошо, помимо мѣстныхъ жителей, извѣстныя сдѣлки, исполненныя однимъ сосѣдомъ въ пользу другого услуги и работы, возникающія между ними обязательства, скорѣе нравственныя, чѣмъ легальныя, но тѣмъ не менѣе правовыя, практикуемые въ простомъ народѣ способы разрѣшенія спорныхъ дѣлъ, вознагражденія или уплаты и даже наказанія, словомъ—цѣлая масса жизненныхъ условій и дѣйствій, покоющихся на такъ называемыхъ обычаяхъ, которые мы уже теперь привыкли именовать *юридическими*. Эти юридическіе обычаи, еще такъ недавно возбуждавшіе въ петербургскихъ коммисіяхъ по новому судебному уставу чуть-ли не сомнѣніе въ возможности указывать на нихъ въ серьезныхъ дебатахъ, подвергались съ тѣхъ поръ тщательнымъ изслѣдованіямъ многихъ ученыхъ, вызвали болѣе или менѣе значительные труды, съ критической точки зрѣнія народнаго права и даже въ нынѣшній годъ, въ правительствующемъ сенатѣ, по возбужденному вопросу о приданомъ въ крестьянскихъ семьяхъ, принято было согласительное предложеніе, которымъ обычаю дано было предпочтеніе предъ положительнымъ закономъ. А между тѣмъ многіе изъ такихъ обычаевъ едва-ли могутъ быть оставлены въ силѣ подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивающейся цивилизаціи, нравственныхъ условій жизни, устраненія вслѣдствіе того массы предразсудковъ, еще, впрочемъ, и донынѣ коренящихся не только въ низшихъ, но и въ высшихъ слояхъ общества. Если принять во вниманіе всѣ эти, предстоящія каждой губернской коммисіи по сельскому судебному уставу работы, своды, доклады, сужденія и рѣшенія, то, нельзя не сознаться, что имъ будетъ не только много дѣла, но что это дѣло слѣдуетъ признать весьма серьезнымъ и желать, чтобы въ немъ приняли самое живое участіе всѣ мѣстные дѣятели, заслуживающіе спроса по своимъ занятіямъ и практическимъ знаніямъ. Въ виду этого вопросы: какъ организовать такія коммисіи,

какія въ частности задать имъ темы для ихъ работъ и сужденій, какимъ срокомъ ограничить представленіе изъ разныхъ губерній долженствующихъ составляться въ разныхъ мѣстностяхъ проектовъ сельскаго судебнаго устава въ Петербургъ— всѣ эти вопросы слѣдуетъ обсудить и рѣшить крайне внимательно и обдуманно. Нельзя однако не пожелать, чтобы въ высшихъ инстанціяхъ на эти проекты взглянули какъ на жизненные для благосостоянія губерній кодексы, чтобы ихъ не урѣзывали и не сокращали безъ крайней необходимости и чтобы, при самомъ ихъ утвержденіи, они признавались въ своей силѣ и дѣйствіи лишь временными уставами. Послѣднее необходимо для того, чтобы мѣстныя власти, по истеченіи опредѣленнаго срока, могли ходатайствовать объ исправленіи и дополненіи устава своей губерніи, причемъ впрочемъ и до того времени нѣтъ основанія воспрещать гласное обсужденіе относящихся къ означеннымъ проектамъ вопросовъ.

На высказанныхъ нами пожеланіяхъ мы могли бы остановиться въ нашемъ докладѣ, но предвидимъ невольный отъ нашихъ слушателей отзывъ: соотвѣтствуетъ ли предложенная нами мѣра требующемуся исправленію глубоко укоренившагося въ нашей провинціальной жизни недуга, этихъ охватывающихъ ее со всѣхъ сторонъ лишеній и стѣсненій, этой апатіи, равнодушія не только къ общимъ, но и собственнымъ интересамъ, которыя поражаютъ насъ во всѣхъ сословіяхъ, наконецъ этому непониманію въ большинствѣ нашего молодого поколѣнія, что безъ серьезнаго приготовленія къ жизни, безъ знаній—никому не слѣдуетъ считать себя способнымъ на всякое общественное и государственное дѣло. Мы глубоко убѣждены, что наша апатія есть упадокъ силъ, признакъ безвѣрія въ лучшее будущее, но какъ скоро увѣренность, что это лучшее настанетъ, пробудится въ массѣ, она отзовется на душевный призывъ Царя такъ же дружно, какъ уже бывали столько разъ на святой Руси наглядные тому примѣры. Правда, мы не можемъ быть, какъ уже сказали, нѣмцами, но можемъ и должны преодолѣть наши вопіющіе недостатки, позаботиться о нашемъ самообразованіи и воспитаніи въ самомъ духѣ русской народности, которой и не можемъ поддерживать и продолжать безъ

ея знанія и изученія. Пусть, слѣдовательно, сознательно сомкнутся въ предстоящей задачѣ начертанія въ каждой губерніи сельскаго судебнаго устава всѣ наличныя ея власти и силы, ибо всѣ онѣ должны убѣдиться, что есть въ нихъ пороки, которые подлежитъ исправить, что есть взаимныя между разными слоями общества и лицами обязанности, которыя надлежитъ исполнять, но которыя, къ крайнему сожалѣнію, не исполняются. Не устранять въ составленіи желаемаго устава слѣдуетъ ту или другую власть, то или другое сословіе, а, напротивъ, домогаться ихъ полнаго, самаго искренняго участія. И духовенство, подъ сѣнью своего архипастыря, и лица учебнаго вѣдомства, и власти правительственныя, какъ и полиція, съ губернаторомъ во главѣ, и власти судебныя и воздѣлывающіе землю въ потѣ лица — всѣ должны принять близко къ сердцу указанные царскимъ словомъ недуги провинціальной жизни, всѣ обязаны подъ однимъ общимъ знаменемъ поработать на пользу отечества, ибо растлѣвающее его зло есть, безъ сомнѣнія, истощеніе его силъ, и тогда только, послѣ общей усердной работы, настанетъ тотъ радостный день, когда поворотъ къ лучшему будетъ сдѣланъ и сельская жизнь потечетъ мирной струей къ вождѣленной для всѣхъ сословій цѣли.

Выписка изъ протокола засѣданія Московскаго Юридическаго Общества 29 апрѣля 1883 года.

Н. В. Калачовъ. Милостивые Государи! Проектъ, который я имѣю въ виду предложить Вашему вниманію, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для нашего сельскаго быта, для всего строя жизни нашего села—я говорю о сельскомъ судебномъ уставѣ. Потребность въ немъ уже издавна сознавалась и продолжаетъ сознаваться, но составленіе его крайне трудно и требуетъ большой и большой осмотрительности. Вотъ почему наше правительство, хорошо сознающее эти трудности, не рѣшалось до сихъ поръ затрогивать этотъ вопросъ. Если же въ настоящее время я и рѣшаюсь затронуть его, то исключительно подъ вліяніемъ сознанія его неотложной необходимости и подъ вліяніемъ надежды, что общество дастъ мнѣ многія

полезныя указанія, а тѣмъ самымъ и возможность прочно обосновать задуманный проектъ.

Великій актъ освобожденія крестьянъ совершился у насъ спокойно, безъ потрясеній правильнаго хода общественной жизни, чему способствовалъ мирный и трудолюбивый характеръ нашего народа, сдѣлавшій возможнымъ спокойное освобожденіе многомилліоннсй массы. Много вѣковъ тяготѣло тягло надъ русскими общественными классами, особенно низшими, безропотно несшими тягло и государству, и болѣе тяжелое тягло своему владѣльцу. Но вотъ распались цѣпи рабства. Какія же слѣдствія имѣло это великое событіе для нашей общественной жизни? На это надо отвѣтить, что, къ сожалѣнію, дѣйствительность не вполнѣ оправдала ожиданія. Замѣчаются, правда, многія улучшенія, но они не должны намъ туманить глаза. На ряду съ ними наблюдается и коренное расшатываніе самыхъ устоевъ жизни и множество мрачныхъ явленій: пьянство, разгулъ и развратъ, распаденіе семей, оскудѣніе нравственности и размыкиваніе силъ — вотъ что наблюдается во множествѣ. Пойдетъ рабочій на сторону въ заработки, но приходитъ оттуда не поддержкою, не радѣтелемъ своей семьи, а голышемъ и семейнымъ раззорителемъ. Село измѣнилось: явились безлошадные хозяева, поля запустѣли и явились захудалые крестьяне. Но отчего же произошло такое оскудѣніе хозяйственныхъ силъ народа, ложащееся одинаково тяжелымъ бременемъ и на бывшихъ владѣльцевъ, и на бывшихъ крѣпостныхъ? Откуда такая напасть на русскую землю? Но не освобожденіе тому причиной, бѣда идетъ съ другой стороны. Нѣтъ въ нашей сельской жизни крѣпкой правительственной власти, нѣтъ грозы, нѣтъ правосудія, нѣтъ огражденія собственности. Боимся мы разбойниковъ, боимся грабителей, боимся всякой неправды, боимся сельскихъ судовъ, боимся извѣтовъ—боимся всѣхъ и всего. Сознаетъ и не сомнѣвается въ этомъ правительство и принимаетъ свои мѣры для поднятія нравственности. Но всего этого мало. Необходимы твердыя и ясныя правила—необходимъ сельскій судебный уставъ. Мысль объ уставѣ далеко не новая. Наши памятники знаютъ ее. Редакціонныя коммисіи по крестьянскому дѣлу также особенно настаивали

на необходимости составленія сельскаго устава. Къ счастью, мысль эта до сихъ поръ не была приведена въ исполненіе. Правда, хорошо составленный уставъ могъ бы внести упорядоченіе отношеній, могъ бы дать твердыя руководящія начала и правила. Но, спрашивается, легко ли составить такой идеальный уставъ? Для этого необходима долгая и тщательная предварительная подготовка, необходимо тщательное собираніе и изученіе матеріаловъ. Конечно, если бы учреждена была для этой цѣли особая коммисія, то она не затруднилась бы составить сельскій судебный уставъ; но спрашивается, на сколько подобный, какъ бы съ неба свалившійся уставъ, далекій отъ знанія мѣстныхъ нуждъ и обычаевъ, соотвѣтствовалъ бы потребности? Общія статьи, конечно, могутъ быть начертаны въ Петербургѣ, но детали, имѣющія въ виду мѣстныя особенности, должны быть выработаны на мѣстахъ въ губерніяхъ, при помощи мѣстныхъ людей и при посредствѣ свѣрки съ мѣстными обычаями. Все это потребуетъ массы труда на мѣстахъ. Въ Петербургѣ должно быть рѣшено, какъ и какимъ путемъ все это должно быть выполнено и для этого могло бы быть допущено обсужденіе программы при помощи прессы. Пусть всѣ хорошо сознаютъ, что есть множество пороковъ, которые во что бы то ни стало необходимо устранить, пусть всѣ сомкнутся вокругъ общаго дѣла и пусть всѣ дружно поработаютъ на пользу общую, и тогда сельская жизнь потечетъ правильно и правомѣрно.

Предсѣдатель. Мы должны быть весьма благодарны нашему почтенному референту, что онъ познакомилъ насъ съ своими общими точками зрѣнія на причины современнаго неустройства и способы желательнаго составленія сельскаго судебнаго устава. Я, впрочемъ, надѣюсь, что почтенный референтъ и самъ согласится, что эти общія точки зрѣнія не единственныя, — существуютъ другія и притомъ противоположныя. Поэтому мнѣ кажется, что пренія по затронутымъ общимъ и основнымъ вопросамъ едва-ли желательны: трудно думать, чтобы возможно было придти къ какому либо соглашенію въ кратковременной бесѣдѣ одного вечера. Вслѣдствіе этого, по моему мнѣнію, было бы гораздо полезнѣе обратиться исключительно къ обсужденію

практической стороны вопроса—способу составленія сельскаго судебнаго устава. Но и здѣсь встрѣчаются большія затрудненія: рѣшеніе этого вопроса стоитъ въ зависимости отъ многихъ другихъ, то или иное рѣшеніе которыхъ правительствомъ намъ рѣшительно неизвѣстно. Будетъ ли сохранена волость, ея теперешнее устройство, ея судъ и проч.—все это для насъ темные и неразрѣшимые вопросы. Поэтому мы должны говорить условно: если то и то будетъ сохранено, то такъ-то, а если нѣтъ, то иначе. Поэтому, мнѣ думается, нельзя говорить о какихъ бы то ни было постановленіяхъ, а только объ общемъ обмѣнѣ мыслей.

Н. В. Калачовъ. Я весьма благодаренъ г. предсѣдателю за сдѣланныя имъ разъясненія, съ которыми я, впрочемъ, не могу вполнѣ согласиться. Я указалъ на нѣкоторыя изъ причинъ повсемѣстно замѣчающихся нестроеній; если мнѣ укажутъ и другія, то я готовъ признать и ихъ, но во всякомъ случаѣ обсужденіе общихъ причинъ крайне полезно. Мнѣ также кажется, что нельзя выжидать разъясненія правительственныхъ намѣреній. Напротивъ, надо дать правительству предварительныя указанія, а не дожидаться проведенія имъ реформъ, относящихся къ сельскому устройству. Правительство не торопится съ ними, желая собрать болѣе обстоятельныя данныя для рѣшенія. Въ виду этого и было бы вполнѣ своевременно поднять вопросъ теперь же: правительство, собирая данныя для другихъ реформъ, могло бы собирать и данныя для составленія сельскаго судебнаго устава. Поэтому будетъ весьма цѣлесообразно теперь же въ общихъ чертахъ намѣтить программу предстоящихъ работъ.

М. М. Ковалевскій. Я позволю себѣ обратить вниманіе на практическую сторону предлагаемой реформы, время для которой, по моему мнѣнію, уже давно настало. Но я полагаю, что общаго сельскаго судебнаго устава для всей Россіи выработать нельзя: разнообразіе мѣстностей, ихъ нравовъ и обычаевъ слишкомъ велико, чтобы допускать даже мысль о такомъ объединеніи. Напротивъ, потребуется, можетъ быть, цѣлый рядъ такихъ уставовъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ отдѣльныхъ мѣстностей. Приступить къ собиранію матеріаломъ необходимо теперь же, но, повторяю, не для одного кодекса, а

для большаго или меньшаго числа ихъ. При этомъ прежде всего возникаетъ вопросъ, что же должно служить единицею въ такихъ работахъ. По моему крайнему убѣжденію, ею не можетъ быть губернія, не предстаавляющая собою ничего ясноопредѣленнаго, ничего ясно, выраженнаго. Ею должна служить область, въ основѣ которой должны лежать бытовыя различія составляющихъ Россію народностей. На сколько подобныхъ областей должна быть раздѣлена Россія—теперь, конечно, сказать трудно,—но сама работа не замедлила бы указать это. Далѣе, было бы вовсе нежелательно подведеніе мѣстнаго обычнаго права подъ общія нормы, составленныя наугадъ и составленныя въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Поэтому желательно начать не сверху, а снизу. Этимъ низомъ должны служить рѣшенія волостныхъ судовъ, собираніемъ которыхъ и должно быть начато дѣло. Что бы ни говорили объ этихъ рѣшеніяхъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ они являются одними изъ наиболѣе вѣрныхъ выразителей народныхъ обычаевъ. Затѣмъ уже могло бы быть приступлено къ кодификаціи собраннаго матеріала по тѣмъ естественнымъ областямъ, о которыхъ я говорилъ. При такомъ способѣ составленія уставовъ роль высшихъ инспекцій была бы совершенно иная; она сводилась бы къ своимъ вполнѣ правильнымъ предѣламъ—послѣдней редакціи. Я долженъ замѣтить, что въ шестидесятыхъ годахъ во Франціи была сдѣлана подобная попытка, причемъ оказалось, какъ и слѣдуетъ ожидать, что рѣшительно невозможна кодификація по департаментамъ, какъ она у насъ невозможна по губерніямъ.

Н. В. Калачовъ. Я вполнѣ согласенъ съ почтеннымъ М. М. Ковалевскимъ, что составленіе кодексовъ желательно не по губерніямъ, представляющимъ собою произвольныя единицы, а по областямъ. Но все это только впослѣдствіи Начать же работы собиранія матеріала необходимо съ губерній, къ дѣленію на которыя пріурочена администрація. Къ сожалѣнію, я сильно опасаюсь, что совершенно справедливая мысль начать дѣло съ собиранія обычаевъ не пройдетъ въ высшихъ инстанціяхъ какъ основная для настоящей задачи работа, какая именно была бы желательна; я боюсь даже, что это затормозитъ дѣло, и

только устранить на долгое время составленіе сельскаго судебнаго устава.

Д. М. Мейчикъ. Я позволю себѣ обратить вниманіе на связь предложенія съ другою областью. По мысли референта, на сколько я понялъ ее, новый сельскій судебный уставъ долженъ охватывать не только судопроизводство, но и матеріальное право—гражданскія и уголовныя нормы. Но до сихъ поръ сколько мнѣ извѣстно, никто особенно не жалуется на сельско-судебные порядки. Поэтому я и не придаю большаго значенія сельскому судебному уставу въ дѣлѣ поднятія нравственности. Прежній сельскій уставъ также основанъ на обычаяхъ. По моему, для улучшенія положенія дѣлъ, необходимо позаботиться о лучшихъ судьяхъ, что требуетъ иного рода реформъ.

Н. В. Калачовъ Вы меня не совсѣмъ вѣрно поняли. Я главнымъ образомъ вижу значеніе сельскаго судебнаго устава въ слѣдующемъ. Въ настоящее время органы власти, не зная хорошо и вполнѣ потребностей народа, его нравовъ, обычаевъ, условій его жизни и проч., невольно впадаютъ въ ошибки и часто не знаютъ, что и какъ нужно дѣлать. Задача устава—дать въ этомъ случаѣ твердыя правила и выяснить требованія жизни.

М. М Ковалевскій. Въ дополненіе къ сказанному мною добавлю еще слѣдующее. Патріархальныя отношенія, на которыхъ основывалась сельская жизнь, теперь расшатались и претерпѣваютъ переворотъ. Очевидно, что давать какія либо общія положенія, основываясь на различныхъ указаніяхъ и статьяхъ, относящихся къ прежнему времени, это значило бы рисковать навязать жизни то, что уже отжило, или то, что еще не зрѣло. Возьмемъ, напримѣръ, Малороссію и Великороссію, представляющія различныя стадіи процесса: въ одной существуетъ артель—въ другой она отсутствуетъ; въ одной большая семья, а въ другой малая; въ одной общинное землевладѣніе, въ другой подворное и т. д. Спрашивается, какъ же возможно подводить ихъ подъ одну общую мѣрку.

Предсѣдатель. Кажется, что вопросъ достаточно выясненъ, и я позволю себѣ резюмировать пренія. Они сводятся къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) желательна выработка нѣс-

колькихъ сельскихъ судебныхъ уставовъ и при томъ не по губерніямъ, а по областямъ, въ основу дѣленія на которыя должны быть положены особенности быта населенія; 2) желательно, чтобы при составленіи отдѣльныхъ уставовъ былъ предоставленъ возможно большій просторъ и большая доля участія мѣстному элементу, хорошо знакомому съ мѣстными особенностями и нуждами. Никто не возражаетъ противъ такой формулировки?

Н. В. Калачовъ. Мнѣ кажется, что она довольно вѣрно передаетъ высказанное здѣсь, за исключеніемъ невозможности начать дѣло иначе какъ съ работы по губерніямъ.

Общество приняло заключенія, формулированныя предсѣдателемъ.

М. М. Ковалевскій. Мнѣ казалось бы, что юридическія и этнографическія общества могли бы въ значительной мѣрѣ способствовать собиранію и классифицированію обычаевъ, которые должны лечь въ основу задуманной работы. Я считаю нужнымъ обратить на это особенное вниманіе именно потому, что мы присутствуемъ въ настоящее время при многихъ законодательныхъ работахъ, къ участію въ которыхъ ученыя силы страны привлекаются весьма мало. Мнѣ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ собранъ значительный матеріалъ, но онъ лежитъ и не утилизируется. Вотъ и было бы желательно, чтобы общества сконцентрировали этотъ матеріалъ у себя и привели его въ порядокъ.

Н. В. Калачовъ. Я весьма сочувствую этому предложенію объ участіи ученыхъ обществъ, но опасаюсь недостаточнаго успѣха. Недавно, впрочемъ, учреждены въ четырехъ губерніяхъ такъ названныя ученыя архивныя коммисіи, и отъ нихъ и отъ такихъ же имѣющихся въ виду коммисій въ другихъ губерніяхъ можно ожидать лучшаго результата и по собиранію обычаевъ.

Общество признало желательнымъ, чтобы къ дѣлу составленія сельскаго судебнаго устава были привлечены ученыя силы страны въ лицѣ ученыхъ обществъ, отдѣльныхъ ученыхъ, архивныхъ коммисій и т. д.

БОЯРСКІЯ КНИГИ,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ ВЫСШАГО РУССКАГО СЛУЖИЛАГО СОСЛОВІЯ.

Весьма немного сохранилось въ нашихъ архивахъ документовъ, изученіе которыхъ дало бы возможность нарисовать цѣльную картину служебныхъ и помѣстныхъ правъ и обязанностей высшаго служилаго сословія въ XVI и XVII ст. Къ числу таковыхъ принадлежатъ, между прочимъ, «Боярскія книги» — списки лицъ высшаго служилаго сословія: бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и дьяковъ, въ коихъ указаны ихъ помѣстные и денежные оклады. Значеніе этихъ книгъ опредѣляется ихъ содержаніемъ: онѣ представляютъ намъ болѣе или менѣе полную картину придворной, военной и гражданской службы за обнимаемый ими періодъ времени; съ другой стороны — онѣ могутъ служить оффиціальнымъ документомъ при розысканіи дворянскихъ родовъ и при доказательствахъ дворянскаго происхожденія. Такихъ книгъ сохранилось до нашего времени въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи 12 и въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 20.

Къ какому времени отнести появленіе боярскихъ книгъ? П. Ивановъ въ предисловіи къ изданному имъ «Указателю къ боярскимъ книгамъ» относитъ возникновеніе ихъ ко времени Іоанна III. «Быстрое распространеніе Московскаго государства присоединеніемъ къ нему владѣній князей удѣльныхъ, увеличеніе пышности и блеска двора великокняжескаго, со-

гласное съ достоинствомъ Государя юной, но уже могучей державы, наконецъ бракъ Іоанна III съ греческой царевной и введеніе многихъ византійскихъ придворныхъ обычаевъ, все это необходимо требовало увеличенія числа чиновъ и должностей. Но таковое увеличеніе, вмѣстѣ съ введеніемъ точнѣйшаго разграниченія служебныхъ отношеній и обязанностей, а въ особенности система помѣстныхъ окладовъ и споры по мѣстничеству заставляли правительство постоянно имѣть въ виду всѣхъ служащихъ лицъ и строго слѣдить за ихъ служебною дѣятельностью; поэтому и заведены были всѣмъ этимъ лицамъ особые списки, получившіе названіе боярскихъ книгъ. Мнѣніе, что боярскіе списки заведены при Іоаннѣ III подтверждается еще и тѣмъ, что древнѣйшій изъ нихъ, подаренный Маріею Петр. Шереметевою Вольному Россійскому Собранію при Московскомъ Университетѣ, въ Опытѣ трудовъ котораго онъ и напечатанъ, а потомъ перепечатанъ въ «Древней Вивліоѳикѣ», относится началомъ своимъ къ 1462 году».

Если бы подобное предисловіе было написано къ «Разрядным» спискамъ», то съ нимъ вполнѣ можно бы согласиться. Г. Ивановъ, пользовавшійся статьею Д. Д. Языкова «О боярскихъ спискахъ», очевидно смѣшалъ «списки» съ «книгами». По формѣ и по содержанію «послужной списокъ старинныхъ бояръ»... напечатанный въ Вивліоѳикѣ, весьма походитъ на «списокъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ», напечатанный во 2-й кн. «Архива Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», а этотъ списокъ есть извлеченіе изъ «Разрядовъ» или «Разрядныхъ списковъ», въ коихъ подъ отдѣльными годами записывались въ свое время тѣ назначенія и измѣненія, какія дѣлались относительно службы и чиновъ главныхъ въ государствѣ и ближайшихъ къ Государю лицъ*). Разница между этими списками лишь въ указаніи въ спискѣ Вивліоѳики времени производства въ чинъ и смерти лицъ, внесенныхъ въ него, но такія указанія могли быть извлечены только изъ «Разрядовъ», такъ какъ вполнѣ точ-

*) Н. В. Калачова „Арх. Ист.-Юрид. Свѣд.“ книги 2-й 1-ая пол.

ныхъ свѣдѣній объ этомъ въ боярскихъ книгахъ нѣтъ. Указаніе г. Иванова на связь между возникновеніемъ боярскихъ книгъ и бракомъ Іоанна III съ греческой царевной опровергается тѣмъ, что бракъ этотъ состоялся въ 1472 г., а списокъ бояръ, напечатанный въ Вивліоѳикѣ, начинается съ 1462 г. Вѣрнѣе относить появленіе боярскихъ книгъ ко времени царствованія Ивана IV Васильевича. Именно, цѣлью боярскихъ книгъ, судя по содержанію ихъ, было—имѣть постоянно точныя свѣдѣнія о помѣстныхъ и денежныхъ окладахъ лицъ высшаго служилаго сословія (чего вовсе нѣтъ въ «боярскихъ спискахъ»); поэтому въ нихъ отмѣчаются всякаго рода измѣненія этихъ окладовъ, всѣ же другія указанія, встрѣчающіяся въ боярскихъ книгахъ, случайны; нужда же въ такого рода свѣдѣніяхъ появилась въ особенности съ водвореніемъ порядка въ отправленіи служилымъ сословіемъ службы и распредѣленіи между ними помѣстныхъ земель, что произошло въ царствованіе Іоанна IV, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста Никоновской лѣтописи: «Посемъ же Государь сія разсмотри: которые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли службою оскудѣша, не противъ государева жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ, Государь же имъ уравненіе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ учиниша, комуждо что достойно такъ устроиша, преизлишки жъ раздѣлиша неимущимъ; а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрыя угожія земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ полномъ, а въ дальній походъ—о дву конь, а кто землю держитъ, а службы съ нея не платитъ, и на тѣхъ же самихъ имати деньги за люди; а кто даетъ въ службу лишніе передъ землею черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ Государя большое жалованіе самимъ, а людемъ передъ уложенными въ полтретья давати деньгами; и все Государь строяше, какъ бы строеніе воинству и служба бы государская безо лжи была и безъ грѣха, въ правду, и подлинные тому разряды у государскихъ чиноначальниковъ у приказныхъ людей» *). И такъ, вотъ къ какому времени нужно отнести появленіе боярскихъ

*) Никон. лѣт., изд. 1791 г. Акад. Наукъ, т. VII, стр. 261.

книгъ, доказательствомъ чему служитъ и содержаніе древнѣйшей боярской книги 1556 г. (кн. 1 Моск. Арх. М. И. Д.), въ коей именно указаны помѣстные и денежные оклады служилыхъ людей, каковыя указанія продолжаются и во всѣхъ другихъ боярскихъ книгахъ до времени ихъ прекращенія.

Отъ XVI ст. сохранилась лишь одна упомянутая книга *), остальныя всѣ относятся къ XVII вѣку. Собственно боярскими книгами можно назвать лишь боярскія книги, сохраняющіяся въ Моск. Арх. М. Ю.; такъ назван. «боярскія книги» Моск. Гл. Арх. М. И. Д. суть «окладныя книги Устюжской чети», по содержанію весьма отличныя отъ «боярскихъ книгъ». Какъ извѣстно, Россія XVII стол. въ административномъ отношеніи дѣлилась на нѣсколько «четей», изъ коихъ намъ извѣстны: Володимірская, Галицкая, Костромская, Новая, Новгородская, Нижегородская и Устюжская, завѣдывавшія каждая опредѣленными городами (областями), изъ которыхъ, между прочимъ, поступали въ нихъ разные денежные сборы. Эти деньги употреблялись частію и на выдачу жалованья служилымъ людямъ по назначенію Разряда, а для записи выдаваемаго жалованья были заведены расходныя книги; такихъ книгъ, принадлежащихъ Устюжской чети, сохранилось 16, обнимающихъ періодъ времени съ 1603—1655 г. Кромѣ того три книги (№ 8, 12 и 14) содержатъ въ себѣ описаніе помѣстныхъ и вотчинныхъ земель лицъ высшаго служилаго сословія, изъ коихъ 8 и 14 кн. почти вовсе истлѣли, уцѣлѣвшая же 12 кн. относится къ 1647 г. Боярскія книги Моск. Арх. М. Ю. всѣ относятся къ XVII ст. и обнимаютъ періодъ времени съ 1627—1692 г. Безъ сомнѣнія, были боярскія книги и болѣе ранняго времени, но онѣ, конечно, сдѣлались жертвою пожара 1626 г. вмѣстѣ съ массою другихъ докумен-

*) Боярская кн 1556 г. представляется весьма неполною; изъ 25 статей, на которыя раздѣлены записанные въ ней служилые люди, сохранилось лишь 13 ст. отъ 11—25 включительно. Самыя статьи и листы при переплетѣ книги перемѣшаны; именно, статей 13 и 14 вовсе недостаетъ, ст. 11, 12 и 15 слѣдуютъ за 25-ю; за 15-ю статьею въ самомъ концѣ книги помѣщена ст. 18 въ другой разъ; л. 42 вплетенъ между 36 и 37 лл., два листа сряду обозначены одною и тою же цифрой: 135. Рукопись писана скорописью XVI ст., въ 4-ку, на 174 листахъ.

товъ Разряда, на обязанности коего лежало веденіе этихъ книгъ. И за время съ 1627 — 1692 г. сохранились не всѣ книги; такъ, въ кн. № 2-й есть ссылки на боярскую книгу 136 г., а таковой на лицо не имѣется; въ кн. № 5-й есть указанія на боярскую книгу 1647 г., въ кн. № 7-й ссылки на книгу 1675 г.—ихъ тоже нѣтъ. Изъ сохранившихся книгъ 1-я относится къ 1627 г., 2-я—1629, 3-я—1636, 4-я—1640, 5-я—1658, 6-я—1668, 7-я и 8-я—1676, 9-я—1677, 10-я—1686, 11-я и 12-я—1692 г.*) Въ промежуточные годы между составленіемъ книгъ всякаго рода измѣненія въ помѣстныхъ и денежныхъ окладахъ отмѣчались въ ближайшей предшествовавшей книгѣ, а затѣмъ эти измѣненія, при составленіи новой книги, вносились въ текстъ ея. Такого рода отмѣтки въ послѣдней боярской книгѣ 1692 г. простираются даже до царствованія Екатерины I (1725 г.).

Содержаніе боярскихъ книгъ.

Въ содержаніи боярскихъ книгъ можно различать слѣдующія стороны: 1) указаніе на чинъ и должность; 2) — на помѣстный и денежный оклады; 3) — на служебную дѣятельность и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о лицахъ, внесенныхъ въ эти книги.

Въ виду большаго отличія боярской книги 1556 г. отъ прочихъ боярскихъ книгъ и содержаніе ея разсмотримъ отдѣльно. Такъ какъ книга эта не имѣетъ начала, то и неизвѣстно, какихъ чиновъ лица въ ней писаны и лишь о двухъ

---

*) Книги 7-я и 8-я составляютъ 2 половины одной книги, изъ коихъ въ первой половинѣ (кн. 7, л. 1—891) писаны чины до стряпчихъ включительно, а 2-я пол. (кн. 8, л. 892 и слѣд.) начинается съ дворянъ московскихъ. Книга 9-я составляетъ очевидно 2-ю половину утраченной боярской книги, потому что въ ней писаны чины отъ московскихъ дворянъ и ниже, а нумерація начинается съ 509 листа. Книга 10-я составляетъ 1-ю половину утраченной же боярской книги, что подтверждается неполнотою ея: въ ней писаны лишь чины до стольниковъ включительно. Книги 11-я и 12-я составляютъ двѣ половины одной книги; въ кн. 11-й (л. 1 — 440) писаны чины до стольниковъ включительно, а въ 12-й (л. 441)—стряпчіе и т. д.

лицахъ есть указаніе, какія они занимали должности *). По величинѣ денежныхъ окладовъ—всѣ записанные въ книгѣ лица раздѣлены на 25 статей съ опредѣленнымъ денежнымъ окладомъ для каждой статьи, а именно: отъ 50 р.—для 11-й ст. до 6 р. для 25-й статьи; величина же помѣстныхъ окладовъ соотвѣтственно денежнымъ не опредѣлена, такъ что у лицъ меньшей статьи могло быть помѣстья больше, чѣмъ у лицъ большей статьи **). Это и понятно: въ этой книгѣ сдѣлана первая попытка точно опредѣлить величину помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; по величинѣ денежныхъ окладовъ — всѣ лица раздѣлены на 25 статей, но уже нельзя было принять другого основанія къ дѣленію на статьи—величины помѣстнаго оклада; лишь на будущее время этотъ окладъ точно опредѣленъ для каждой статьи и въ данное время подъ это опредѣленіе подошли только тѣ, у кого помѣстный окладъ оказался ниже того, какой слѣдовалъ соотвѣтственно денежному окладу. Такъ, записаннымъ въ 18 статьѣ: Семену Быкову «помѣстья велѣно учинити на 400 четьи»; Ив. Михайлову «помѣстья по Качаровскому окладу 400 ч.»; Ив. Ник. Дубенскому-Большому «помѣстья по окладу велѣно учинити на 400 четвертей, и Иванъ сказалъ: помѣстья дано ему на 90 четьи... а 310 четьи помѣстья ему не дано»; Мамаю Хлыстову «помѣстья велѣно учинити на 400 четьи». Но записаннымъ въ той же статьѣ Андрею да Ивану дѣтямъ Кикина «помѣстья явлено по 500 четьи, а дано имъ по пол-300 четьи»; Ив. Голохвастову «помѣстья по окладу на 500 четьи»; Ѳед. Ульянину «помѣстья по окладу на 500 четьи». Записанному въ 20 статьѣ Чудину Пелепелицыну «помѣстья 91 четьи; а по памяти съ приписью дьяка Вас. Степанова по

---

* Ив. Ѳед. с. Колтовского... „былъ въ Рыльску въ осадчикѣхъ“ (кн. 1, л. 9). Васюкъ Вас. с. Жюкова... „живетъ на Москвѣ, даетъ милостыню“ (ibid, л. 100 об.).

** Такъ, записанный въ 2 ст. съ окладомъ въ 50 р. Василій Бѣлаго имѣлъ вотчины четверть сохи и полполполтрети сохи и помѣстья на 600 четвертей (кн. 1, л. 125), а записанный въ 23-й ст. съ окладомъ въ 8 р. имѣлъ вотчины полсохи, да помѣстья 512 четвертей; или—записанный въ 18 ст. съ окладомъ въ 17 р. Андрей Сабуровъ имѣлъ помѣстья „выть треть 1784 четвертей, а сошнаго письма 2 сохи съ третью“ (ib., л. 142).

окладу бояръ князя Дмитрія Курлятева съ товарищи, въ помѣстномъ верстаньѣ велѣно за нимъ учинити помѣстья и съ старымъ на 250 четьи до верстанья»... Изъ указаннаго видно стремленіе правительства водворить порядокъ въ распредѣленіи помѣстныхъ земель среди служилаго сословія, взамѣнъ господствовавшаго произвола, когда кто хотѣлъ, гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ, тамъ столько и бралъ себѣ помѣстья, но дѣйствительный порядокъ водворяется лишь въ XVII столѣтіи. Распредѣливши всѣхъ служилыхъ людей по статьямъ и назначивши каждой статьѣ опредѣленное жалованье, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожило тѣ способы содержанія ихъ, какіе доселѣ практиковались; откуда получались средства къ содержанію служилаго сословія—на это разсматриваемая книга даетъ много указаній. Такъ, въ ней указаны слѣдующія доходныя статьи, которыя раздавались правительствомъ лицамъ служилаго сословія вмѣсто жалованья: «бобровое» (л. 171), «бражное» (л. 166), «ключъ» (л. 90, 134, 148), «откупъ съ ключа съ трети Рязанскые на Большомъ Дворцѣ» (л. 167), «мѣхъ»: Тверской (л. 4, 47, 169), Коломенской (л. 5, 141, 148, 158), Дмитровской (л. 23, 82), Калужскій (л. 50), Костромской (л. 80), Владимірскій (л. 163), Новгородскій (л. 165); «писчее» (л. 10), «поворотное» (л. 49, 100, 160, 170, 172), «полавочное» (л. 30); «правда»: въ судѣ (л. 57), Костромская (л. 72, 174), Переяславская (л. 110), Богтюжская (л. 19); «путь»: чашничъ (л. 59, 63, 109), стольничъ (л. 67, 91, 103); «пятно» (л. 77); «ясельничее» (л. 118). Этими доходными статьями лица служилаго сословія пользовались не постоянно, а лишь временно, въ пособіе; сроки пользованія ими колеблются отъ 1-го до 3-хъ лѣтъ. Служилые люди, которымъ не было дано такой доходной статьи на содержаніе, получали пособіе деньгами; такъ, «Ив. Хлопову по окладу бояръ Ив. Вас. Шереметева съ товарыщи, по памяти за приписью дьяка Вас. Логинова, велѣно давати за кормленье по 15 руб. на годъ» (л. 56); Отаю Ив. Шастинскому «лѣта 7060 четвертаго дано на подмогу для Казанскія службы 10 руб.» (л. 67); Богдану Карташову «64 (года) дано на подмогу для Казанскія службы 10 руб.» (л. 70);

Никитѣ Вельяминову «кормленье не сыскано, а 64 году дано на подмогу для Казанскія службы 16 рублевъ и 22 алтына съ денгою» (л. 19). Надѣленные помѣстьями и вотчинами, получивши доходную статью «на кормленье», служилые люди, въ свою очередь, обязаны были являться на службу въ полномъ вооруженіи, имѣя одного или двухъ коней и съ опредѣленнымъ числомъ людей также вооруженныхъ; но доселѣ, какъ видно, послѣднее требованіе выполнялось весьма не точно: людей приводили кто сколько хотѣлъ и въ чемъ хотѣлъ, и часто безъ всякаго вооруженія. Теперь же указано точно опредѣленное число людей, кто сколько долженъ представить ихъ на службу и въ какомъ вооруженіи, а именно: «со ста четвертей добрыя угожія земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь». За каждаго такого человѣка «съ земли» на конѣ и исправно вооруженнаго выдавалось лицу служилаго сословія, поставившему его, по 2 руб., за недоставленнаго же человѣка вычиталось изъ жалованья по 4 руб., за недоставленный доспѣхъ для «земляного» человѣка вычиталось 1—2 р., смотря по доспѣху, въ какомъ онъ долженъ былъ явиться; за каждаго же человѣка, поставленнаго сверхъ требуемаго по уложенію числа, выдавалось по 5 руб., если онъ являлся въ полномъ доспѣхѣ, въ противномъ же случаѣ за недоставленный доспѣхъ тоже дѣлался вычетъ. Вооруженіе употреблялось весьма различное; встрѣчаются: «бармицы», «бехтерцы», «зерцалы», «куякъ», «лохти» (наручи съ лохти), «наколѣнки», «наручи», «приволока», «тегиляй» (толстый, тонкій, камчатъ, атласный, бархатный, камчатный съ горностаи), «шеломы» и «шапки» (бумажныя, желѣзныя, мѣдныя, турскія), «юшманъ». Оружіемъ служили: пищаль, сабля, саадакъ, копье и рогатина. Нерѣдко и кони бывали «въ доспѣсѣхъ».

Относительно предшествовавшей службы лицъ, записанныхъ въ этой книгѣ, встрѣчается немного указаній и при томъ за небольшой періодъ времени; такъ, встрѣчаются свѣдѣнія объ участіи въ Нѣмецкомъ походѣ, въ Полскомъ, въ Казанскомъ, а также о смотрѣ служилыхъ людей въ Серпуховѣ въ 7063 (1555 г.) и въ Нижнемъ Новгородѣ 7064

(1556 г.). На этихъ смотрахъ служилые люди подавали памяти (л. 94), въ которыхъ обозначали количество ихъ вотчинныхъ и земельныхъ владѣній, при чемъ указывали и количество людей, которыхъ они могутъ поставить на службу, вооруженіе ихъ и число коней. По новому уложенію, примѣненному при написаніи разсматриваемой боярской книги, такой произволъ въ отправленіи повинностей уничтоженъ, какъ замѣчено выше, точнымъ опредѣленіемъ повинностей, которыя служилые люди должны были нести съ земли.

Въ боярскихъ книгахъ XVII ст. встрѣчаются свѣдѣнія о чинахъ и должностяхъ, существовавшихъ въ Московскомъ государствѣ, о помѣстныхъ и денежныхъ окладахъ, присвоенныхъ этимъ чинамъ, и разныя біографическія свѣдѣнія о лицахъ, имѣвшихъ эти чины.

I. Чины и должности.

Въ боярскихъ книгахъ XVII ст. указаны слѣдующіе чины: бояре, окольничіе, кравчій съ путемъ, кравчій, казначей, думные генералы, думные дворяне, постельничій, печатникъ, стряпчій съ ключемъ, думные дьяки, дьяки приказа Тайныхъ Дѣлъ, Московскій ловчій, укладничій, ясельничій, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, иноземцы, которые служатъ съ Московскими дворянами, и дьяки по приказамъ. Относительно чиноположенія нужно замѣтить, что бояре всегда стоятъ впереди всѣхъ другихъ чиновъ, за ними слѣдуютъ окольничіе, потомъ кравчій съ путемъ *); постельничій писался иногда выше, иногда ниже казначея, но впереди думныхъ дворянъ; генералы въ первый разъ появляются въ кн. 7-й 1676 г. (Гр. Ив. Косаговъ и Аѳонасій Ѳед. Траурнихтъ) послѣ стольниковъ, но думные генералы (Агѣй Алексѣевичъ Шепелевъ) пи-

*) Относительно этого чина въ кн. 7-й находится слѣд замѣчаніе: «188 г. мая въ 9 д. Великій Государь, Царь и Вел. Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ пожаловалъ изъ стольниковъ комнатныхъ въ кравчіе кн. Ивана Григорьевича Куракина, а въ 189 г. мая въ 8 д. Великій Государь указалъ ему кн. Ивану Григорьевичу сидѣть въ палатѣ съ бояры въ думѣ и имя его писать выше окольничихъ подъ бояры» (л. 21). Было ли это личное пожалованіе или повышенъ самый чинъ—сказать трудно.

саны выше думныхъ дворянъ. Дьяки приказа Тайныхъ Дѣлъ впервые внесены въ боярскую книгу 1668 г. (кн. 6), сейчасъ же послѣ думныхъ дьяковъ. Прочіе чины: стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и дьяки по приказамъ всегда слѣдуютъ въ этомъ порядкѣ; но хотя Московскіе дворяне и писались послѣ стряпчихъ, однако часто встрѣчаются производства въ Московскіе дворяне не только изъ стряпчихъ, но даже и изъ стольниковъ; къ заключенію о преимуществѣ Моск. дворянъ передъ стряпчими можно придти и изъ того, что было много производствъ изъ дворянъ прямо въ бояре, а изъ стряпчихъ—никогда, изъ стряпчихъ нѣтъ производствъ даже въ окольничіе, а лишь въ стольники и Московскіе дворяне (даже и въ городовые). Изъ дьяковъ производство шло прежде въ думные дьяки, затѣмъ—въ думные дворяне, далѣе въ окольничіе (Иванъ Аѳон. Гавреневъ 7144—166 и др.) и въ бояре (Семенъ Ив. Заборовскій 7166—189 г.).

О должностяхъ, соединенныхъ съ чинами, въ боярскихъ книгахъ почти вовсе нѣтъ указаній для бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ; правда, есть названія должностей, соединенныхъ съ боярскимъ чиномъ: это — «конюшій», «оружейничій», «дворецкій» и спеціальный титулъ кн. В. В. Голицына «оберегатель»—но и только. Изъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ Московскихъ назначались въ войска «начальные люди»; къ концу XVII ст. являются стольники «въ генералахъ, полковникахъ и начальныхъ людяхъ; стряпчіе—въ полковникахъ и подполковникахъ; являются должности: «стольниковъ царицъ», «дворянъ царицъ» и т. п. Въ 12-й книгѣ встрѣчаются названія должностей, учрежденныхъ уже въ XVIII стол. Производство въ эти чины продолжалось лишь до 1692 г., и хотя послѣ этого года встрѣчаются новыя производства, но уже въ видѣ исключенія; произведенные въ чины до и послѣ 1692 г. сохранили ихъ за собою до смерти: послѣднимъ бояриномъ умеръ боринъ кн. Трубецкой въ 1750 г. а изъ произведенныхъ вновь—послѣдній бояринъ, произведенный въ этотъ чинъ изъ стольниковъ Императрицею Екатериною 1-й, сентября 15-го 1725 г., былъ Степанъ Петровичъ

Нелединскій-Мелецкій *); послѣдній окольничій былъ Алексѣй Александровичъ Юшковъ **), пожалованный въ этотъ чинъ изъ стольниковъ Петромъ В. въ 1711 г. ноября въ 4 д. «за многія чрезвычайныя службы, услуженія и радѣнія во врученныхъ ему дѣлахъ», какъ изображено въ письмѣ Петра В. въ Правительствующій Сенатъ отъ 17-го декабря того же года; въ Московскіе дворяне послѣднимъ пожалованъ былъ изъ городовыхъ дворянъ Ярославля большаго Иванъ Ильичъ Тихменевъ 27 мая 1709 г. и послѣдній дьякъ былъ произведенъ въ 1713 году.

Производство въ высшій чинъ не обусловливалось какими нибудь общими правилами, выслугою, лѣтъ напр.; оно всецѣло зависѣло отъ воли Государя, а потому во все XVII ст. при производствѣ въ чины господствуетъ фаворитизмъ. При каждомъ бракѣ Государя—родственники царицы сейчасъ же получаютъ повышенія, а затѣмъ эти вновь пожалованные чины тянутъ вверхъ своихъ родственниковъ, друзей и т. д., что особенно рѣзко выразилось въ производствахъ 1682 и 1689 годовъ; отсюда во весь XVII в. при дворѣ Государя постоянныя партіи, основанныя на родственномъ началѣ, всегда враждующія одна съ другою за обладаніе властью. Но и при господствѣ фаворитизма, въ производствахъ все-таки можно замѣтить нѣкоторый порядокъ; такъ, пожалованіе въ бояре происходило преимущественно изъ окольничихъ, хотя, какъ указано выше, были случаи производства прямо изъ Московскихъ дворянъ и стольниковъ, но никогда прямо изъ стряпчихъ или дьяковъ, или дворянъ городовыхъ; въ окольничіе происходили пожалованія изъ думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ и дворянъ Московскихъ, но никогда изъ стряпчихъ и дьяковъ; въ думные дворяне жаловались большею частью «дѣльцы»—лица, отличившіеся на дипломатическомъ поприщѣ, и думные дьяки, — безъ сомнѣнія, это были самые интеллигентные чиновники; въ стольники происходили пожалованія изъ стряпчихъ, въ стряпчіе—изъ жильцовъ, въ дьяки—

*) Кн. 12, л. 9.

**) Кн. 12, л. 33.

изъ подъячихъ и городовыхъ дворянъ. При пожалованіи въ высшій чинъ иногда указывалась причина такого пожалованія; такъ, стольникъ Григ. Гавриловичъ Пушкинъ пожалованъ 2 ноября 153 г. въ окольничіе «за Литовское посольство» (кн. 4, л. 40); Юшковъ Ал. Ал. пожалованъ въ окольничіе «за многія чрезвычайныя службы, услуженія и радѣнія во врученныхъ ему дѣлахъ» (кн. 11, л. 33). Лишеніе или пониженіе чина также всецѣло зависѣло отъ воли Государя и всегда было слѣдствіемъ опалы; стольниковъ и стряпчихъ въ наказаніе записывали обыкновенно съ какимъ нибудь городомъ *). Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, по лишеніи боярства, былъ записанъ по московскому списку (кн. 9, л. 733).

Относительно порядка размѣщенія въ книгахъ служилыхъ людей одного и того же чина нужно замѣтить, что этотъ порядокъ вовсе не былъ произвольный; ни собственныя заслуги, ни величина оклада, ни близость къ Государю, ни даже родство съ нимъ не оказывали на размѣщеніе ихъ никакого вліянія. Порядокъ размѣщенія издавна установился по старшинству производства въ чины и, слѣдовательно, кто изъ наличнаго состава чиновъ оказывался наиболѣе старшимъ по времени производства, тотъ писанъ первымъ, и т. д.; потому чины прежняго Государя при новомъ Государѣ писаны прежде произведенныхъ въ тотъ же чинъ новымъ Государемъ, и, въ свою очередь, произведенные однимъ и тѣмъ же Государемъ въ чинъ—ранѣе произведенные записывались прежде позднѣе произведенныхъ. Такимъ образомъ здѣсь мѣстничество, столь ярко отражавшееся во всѣхъ службахъ служилыхъ людей XVII ст., не имѣло мѣста.

Въ боярскихъ книгахъ Московскаго Глав. Ар. М. И. Д. принято другое основаніе размѣщенія чиновъ. Порядокъ этотъ зависѣлъ отъ величины денежнаго оклада: у кого наибольшій окладъ, тотъ писанъ первымъ и т. д., а потому здѣсь возможны такіе случаи, что стольники, дворяне и дьяки писаны прежде боярина, стряпчіе—выше стольниковъ и дворянъ и т.

*) «Стольникъ кн. Иванъ Дм. Долгоруково 11 февраля 194 г. за вину написанъ съ городомъ по Алексину, а помѣстья и вотчины отписаны на Государей» (кн. 7, л. 79).

д. *). Такой порядокъ строго выдержанъ во всѣхъ помянутыхъ книгахъ. Но въ кн. № 12, въ которой содержится перечень помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, принадлежащихъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, порядокъ размѣщенія тотъ же, что и въ боярскихъ книгахъ Моск. Архива М. Ю.

2. Помѣстные и денежные оклады.

Каждому чину въ Московскомъ государствѣ XVII ст. былъ назначенъ помѣстный и денежный окладъ. Это положеніе, впрочемъ, вѣрно лишь по отношенію къ стольникамъ и чинамъ, стоящимъ ниже ихъ; что же касается до помѣстныхъ окладовъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, то величина ихъ окладовъ не была опредѣлена и многіе изъ нихъ имѣли огромныя, даже для нашего времени, населенныя земельныя дачи **). Не были точно опредѣлены

*) Въ кн. 3, напр., послѣ бояръ съ окладомъ по 400 р. слѣдуетъ кравчій М. М. Салтыковъ съ окладомъ въ 250 р., потомъ стольникъ М. М. Бутурлинъ съ окладомъ въ 230 р., далѣе *бояринъ* кн. Ив. Өед. Троекуровъ съ окладомъ въ 220 р., потомъ опять стольникъ кн. Куракинъ—215 р., и т. д.

**) Въ боярской кн. Моск. Глав. Ар. М. И. Д. подъ № 12 (1647 г.) находится перечень земельныхъ владѣній, раскинутыхъ въ различныхъ областяхъ Московскаго государства, слѣдующихъ чиновъ: *бояръ:* Ѳедора Ивановича *Шереметева* «всего въ Московскомъ у и въ городахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и съ рыболовцы—2791 дворъ (л. 1—7). Бориса Ивановича *Морозова*—6034 двора (л. 7—17). Кн. Ивана Андреевича *Голицына* — 880 дворовъ (л. 17 — 20). Ив. Петровича *Шереметева* — 339 дв. (л. 21—24). Ивана Васильевича *Морозова* — 2491 дворъ (л. 24—30). Лукьяна Степановича *Стрешнева*—1563 дв. (л. 30—35). Алексѣя Михаиловича *Львова*—93 дв., Глѣба Ив. *Морозова*—1688 дв., кн. Бориса Александровича *Репнина*—718 дв., кн. Никиты Ивановича *Одоевскаго* — 1670 дв., да за дѣтьми его, стольниками Михаиломъ—326 дв. и Ѳедоромъ — 110 дв., да въ Московскомъ у. 78 дв., Василія Петровича Шереметева—305 дв., Михаила Михаил. Салтыкова и съ сыномъ—2232 дв., кн. Алексѣя Никитича Трубецкаго—1104 дв., Никиты Ив. Романова—7012 дв., Василія Ив Стрешнева—1467 дв., кн. Якова Куденетовича Черкасскаго — 5173 дв. и 34 избы. Ивана Ив. Салтыкова—339 дв., кн. Ѳедора Семеновича Куракина—1297 дв., Ѳедора Степановича Стрешнева—577 дв., кн. Мих. Мих. Темкина-Ростовскаго—210 дв., кн. Юрья Петровича Буйносова-Ростовскаго—398 дв., кн. Семена Васильевича Прозоровскаго—817 дв., Григорія Гаврил. Пушкина—591 дв., Бориса Петровича Шереметева—112 дв., Лаврентія Дм. Салтыкова—176 дв. *Окольничихъ:* кн. Өед. Өед. Волконскаго—455 дв., Степ. Матв. Проестева—163 дв., кн. Андрея Өед.

до 1627 г. помѣстные оклады и прочихъ чиновъ, но въ этомъ году «Государевъ указъ и боярскій приговоръ учиненъ, что стольникамъ и стряпчимъ и дворяномъ помѣстнымъ окладамъ больше 1000 четей не быть» (кн. 1, л. 154).

Таковъ былъ установленъ maximum оклада, минимальная же величина помѣстнаго оклада была для стольниковъ и дворянъ Московскихъ—500 четей, стряпчихъ—300 четей, дьяковъ—400 четей; такіе оклады назначались при пожалованіи, если у пожалованнаго величина оклада и съ придачами была ниже, чѣмъ сколько слѣдовало быть въ новомъ чинѣ. Если же кому изъ этихъ чиновъ за что нибудь была пожалована придача помѣстная, а у него былъ уже полный окладъ—1000 четей, въ такомъ случаѣ за излишнюю, сверхъ 1000 четей, землю выдавалось деньгами по опредѣленной цѣнѣ за четь и эти деньги причислялись къ денежному окладу. За излишнія сверхъ 1000 четей, такъ называемыя «перехожія чети», прибавляли къ денежному окладу 5 руб. за 100 четей, а за большее или меньшее количество четей по тому же разсчету—по 1 рублю за 20 четей. Такая оцѣнка земли идетъ во весь XVII в. и лишь въ 188 г. встрѣтилась другая оцѣнка—15 р. за 100 четей (кн. 7 л. 141), но, кажется, это единичный случай, потому что въ слѣдующіе годы опять является та же оцѣнка—5 р. за 100 четей. Въ случаѣ пожалованія кому-либо изъ помѣстья въ вотчину за службу (обыкновенно въ вотчину жаловали изъ каждыхъ 100 четей помѣстныхъ 20 четей), количество четей, перешедшее изъ помѣстья въ вотчину, могло

Литвинова-Мосальскаго—391 дв., кн. Вас. Петр. Ахамашукова-Черкасскаго—181 дв., кн. Дмитрія Петр. Львова — 522 дв., кн. Петра Өед. Волконскаго—252 дв., Өедора Борисовича Долматова-Карпова—747 дв., Никифора Серг. Собакина—576 дв., Петра Тихоновича Траханіотова—347 дв., Бориса Иван. Пушкина — 238 дв., Мих. Матв. Бутурлина — 401 дв., кн. Вас. Григ. Ромодановскаго—343 дв., кн. Семена Романовича Пожарскаго—374 дв. *Кравчаго* Семена Лукьяновича Стрешнева — 269 дв. *Казначея* Богдана Минича Дубровскаго — 277 дв. *Постельничаго* Мих. Алексѣевича Ртищева — 83 дв. *Думнаго дворянина* Ив. Мих. Аничкова—37 дв., *Печатника* Өед. Өед. Лихачова—283 дв.

Думныхъ дьяковъ: Өед. Елизарова — 319 дв Ив. Гавренева съ сыномъ — 796 дв., Михаила Данилова—444 дв., Назара Чистого—266 дв., Мих. Волошенинова—188 дв *Ясельничаго* Ждана Вас. Кондырева—115 дв. *Московскаго Ловчаго* Ив. Өед. Левонтьева—190 дворовъ.

быть пополнено новою придачею къ помѣстному окладу, опять до 1000 четей. Минимальные помѣстные оклады стольниковъ, дворянъ Московскихъ, стряпчихъ и дьяковъ могли увеличиваться до 1000 четей черезъ придачи. Придачи были или каждому отдѣльному лицу порознь за его личную службу, или «рядовыя», когда всѣмъ состоящимъ въ одномъ чинѣ прибавляли помѣстнаго оклада поровну, по случаю какого нибудь событія; такъ, въ 176 г. по случаю «объявленія Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича» (наслѣдникомъ престола) была пожалована помѣстная придача: стольникамъ по 130 четей, стряпчимъ и Московскимъ дворянамъ по 100 чет., дьякамъ по 80 четей; «за службу 191 г.»... стольникамъ, стряпчимъ и Московскимъ дворянамъ пожаловано помѣстной придачи по 50 четей; были еще рядовыя придачи по случаю заключенія вѣчнаго мира съ королемъ Польскимъ въ 194 г. и за участіе въ походѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь съ Петромъ Алексѣевичемъ. Помѣстныя придачи, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ за ихъ личную службу, по величинѣ своей колеблются въ зависимости отъ чина и значенія службы, а потому размѣръ опредѣлить совершенно невозможно. Наименьшая помѣстная придача—10 четей, наибольшая—250 четей. Кромѣ лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, помѣстьями своихъ отцовъ пользовались *недоросли* до того времени, «какъ они поспѣютъ въ службу» и тогда имъ давался помѣстный окладъ по чину *). Помѣстья послѣ умершихъ вообще переходили преимущественно къ дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ (кн. 2, л. 20).

Владѣніе помѣстьемъ налагало на владѣльца обязанность, въ случаѣ нужды, выставить съ извѣстнаго числа *дворовъ* крестьянскихъ одного человѣка въ военную службу. Такіе поставляемые владѣльцами помѣстій въ военную службу крестьяне носили названіе «даточныхъ людей». Обыкновенно одного даточнаго человѣка слѣдовало поставить съ каждыхъ 20 дворовъ, съ 40 дв.—двоихъ, съ 60 дв.—троихъ и т. д.; если

*) *Дворянинъ Московскій:* «съ отцова помѣстья и съ вотчины съ 1722 четей съ осминою и съ полутретникомъ» князь Семенъ Лукинъ Щербатой — 9 лѣтъ (кн. 2, л. 45).

же кто владѣлъ меньше, чѣмъ 20-ю дворами, или больше, но цѣльныхъ двадцати дворовъ не выходило, то съ этихъ «перехожихъ дворовъ» долженъ былъ платить за даточнаго человѣка по 1 рублю съ каждаго двора (Моск. Гл. Арх. М. И. Д. кн. 8, 1638—39 гг.).

Денежные оклады были опредѣлены для всѣхъ чиновъ, а именно: окладъ боярина былъ—400 р., окольничаго—300 р., думнаго дворянина и думнаго дьяка—250 р., стольника—50 р., стряпчаго дворянина и дьяка 15 рублей. Такіе оклады назначались при пожалованіи въ чинъ; такъ, боярину кн. Григорію Петр. Ромодановскому «при царѣ Васильѣ въ окольничихъ, денежный окладъ былъ 300 р., а въ 127 г. учиненъ ему окладъ въ боярѣхъ и съ прежними 400 р.» (кн. 1, л. 4). Окольничему Льву Ив. Долматову-Карпову въ стольникахъ былъ окладъ 200 р., а въ 135 г. учиненъ ему окладъ въ окольничихъ 300 р. (кн. 1, л. 6). Постельничему Степану Лук. Хрущову «въ постельничихъ окладъ учиненъ 120 р.» (л. 7, кн. 1) и т. п. Однако часто встрѣчается и такой случай, что у боярина, напр., денежный окладъ гораздо ниже присвоеннаго боярскому чину; такъ встрѣчается окладъ боярина кн. Ивана Өед. Троекурова—220 р. *), или боярина кн. Андрея Васильевича Хилкова окладъ 90 р. **), боярина Глѣба Ивановича Морозова окладъ 70 руб. и т. д.; окольничихъ: кн. Вас. Петровича Львова—окладъ 200 р., Богдана Матвѣевича Хитрово—окладъ 120 р., думнаго дворянина Ив. Мих. Аничкова—окладъ 100 р., думнаго дьяка Ларіона Лопухина окладъ 100 р. и т. д. ***). Такіе низкіе оклады объясняются тѣмъ, что эти лица, въ виду недавняго ихъ пожалованія, еще не были поверстаны окладами по чину, а потому писаны съ тѣми окладами, какіе они имѣли до пожалованія въ высшій чинъ; при этомъ нужно замѣтить, что пожалованіе въ высшій чинъ давало лишь право на полученіе присвоеннаго чину оклада, дѣйствительное же назначеніе оклада происходило по челобитью пожалованныхъ. Увеличеніе присвоеннаго чину денежнаго оклада происходило черезъ придачи за службы и черезъ рядовыя прида-

*) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., кн. 4.
**) Ibid, кн. 7.
***) Ibid, кн. 19.

чи. Самый обыкновенный видъ придачъ—это придачи за службы; размѣръ придачъ тутъ колеблется въ зависимости отъ чина и важности самой службы. Такъ, за участіе въ первомъ Крымскомъ походѣ 195 г. боярину кн. В. В. Голицыну пожаловано придачи 250 р., боярину кн. Влад. Дм. Долгорукову—170 р., ему же за 2-й Крымскій походъ 197 г. придано 180 р., боярину Алексѣю Сем. Шеину за 1-й Крымскій походъ придано 200 р., за 2-й—230 р., окольничему Венедикту Змѣову за 1-й походъ 80 р., окольничему Лев. Неплюеву тоже 80 р., думному генералу Агѣю Ал. Шепелеву за тотъ же походъ—60 р. и т. д. (кн. 10); были придачи за воеводскую городовую службу (кн. 4, Моск. Глав. Ар. М. И. Д.), за воеводскую полковую службу (особенно много придачъ); много встрѣчается придачъ за участіе въ бояхъ, за раны, за «убитыхъ мужиковъ», за приводъ «языковъ», за головство (кто былъ головою), по случаю производства въ полковники, полуполковники и т. д ; много также придачъ за дипломатическую службу: за заключеніе мира *), за посланничество въ какую нибудь землю; придачи и очень щедрыя получали какъ сами посланники, такъ и свита ихъ: дворяне и дьяки. Даже въ случаѣ назначенія на службу въ Сибирь давалась придача **). Давалась придача и за исправное выполненіе какого либо правительственнаго порученія ***), за какую нибудь работу †) и т. д.

*) Князю В. В. Голицыну «за его къ нимъ Великимъ Государемъ вѣрную и радѣтельную службу и за великія и славныя и всему христіанству потребныя, а Россійскому Царству прибыльныя дѣла, что въ нынѣшнемъ 194 г. съ польскими великими и полномочными послы съ Хриштофомъ Гримуальтовскимъ, воеводою Познанскимъ съ товарищи, будучи въ отвѣтѣхъ, онъ боярин и оберегатель учинилъ между ими Великими Государи и Королевскимъ Величествомъ Польского вѣчной миръ—денежной придачи 250 р., да рядовыя денежныя къ придачи 100 рублей» (кн. 10, л. 2 об.).

**) Московскому дворянину А. Н. Трубецкому «136 г. Окт. въ 16 д. для службы, что ему велѣно быть въ Сибири, учинено ему придачи къ 50 руб. 70 рублей...» (кн. 1, л. 143).

***) Стольнику Григорью Гавриловичу Пушкину «152 г. Окт. въ 31 д., по памяти изъ Дворца, за службу, что онъ былъ въ приставѣхъ въ Соборной Церкви у стѣнного письма, придано 50 четей, денегъ 30 р.» (кн. 4, л 49).

†) Дьяку Ѳедору Грибоѣдову «177 г. Апрѣля въ 12 д. по памяти изъ Приказа Большого Дворца за работу. что онъ по имянному Великаго Государя указу сдѣлалъ Степенную книгу благовѣрнаго и благочестиваго рода Романовыхъ, придачи 70 четей, денегъ 10 р....» (Кн. 6, л, 700 об.).

Въ одной изъ боярскихъ книгъ (№ 12) встрѣчается такое извѣстіе: дьяку Ѳедору Игнатьевичу Замятнину «1704 г. мая въ 5 д., по выпискѣ за помѣтою дьяка Евс. Ѳомина, за его службу, что онъ въ 1701 и 1702 гг. въ Большомъ полку въ Свейскихъ походѣхъ, придачи помѣстныя 200 четей, денегъ 20 руб., а 1708 г. мая въ 17 д., по выпискѣ за помѣтою стольника Юрья Степановича Нелединскаго-Мелецкаго, за тое жъ службу къ прежней придачѣ 10 руб., *для того что ему за ту службу данъ золотой въ 8 золотыхъ*» (л. 914). Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что награда золотыми, столь обычная въ XVII ст., была наградою не только сама по себѣ, но и служила признаніемъ права на полученіе излишней противъ сверстниковъ помѣстной и денежной придачи?

Другой видъ придачъ—«рядовыя придачи» производились вслѣдствіе какого либо событія во внутренней или внѣшней жизни государства независимо отъ участія въ немъ самихъ служилыхъ лицъ; придачи эти, однообразныя для всѣхъ состоящихъ въ одномъ чинѣ, для каждаго чина были различны. Таковы придачи, произведенныя въ 176 г. по случаю «объявленія Государя Царевича и В. К. Алексѣя Алексѣевича (наслѣдникомъ престола); бояре получили придачи по 100 р., окольничіе по 70 р., думные дворяне по 60 р., думные дьяки по 50 р., стольники и дворяне по 15 р., стряпчіе по 12 р., дьяки по 9 р. (кн. 6). Въ 194 г. по случаю заключенія вѣчнаго мира съ польскимъ королемъ, были пожалованы придачи: боярамъ по 100 р , окольничимъ по 70 р. и т. д. (кн. 10). Рядовыя же придачи, т. е. однообразныя же для всѣхъ лицъ одного и того же чина, производились иногда лишь тѣмъ изъ нихъ, кто принималъ непосредственное участіе въ какомъ нибудь событіи; таковы рядовыя придачи за «Троицкіе походы» 191 и 197—98 гг. Первый походъ—бѣгство царевны Софіи Алексѣевны отъ своевольныхъ стрѣльцовъ, возбуждаемыхъ кн. Хованскимъ, въ Троицкій монастырь—произошелъ въ 191 г. и участники похода, вѣрные царевнѣ, получили придачи: бояре по 100 р., окольничіе по 70 р., думные дворяне по 60 р., думные дьяки по 50 р., стольники, стряпчіе и Московскіе дворяне, кромѣ помѣст-

ной придачи, по 5 р. (кн. 7). Второй походъ—бѣгство Петра Алексѣевича въ Троицкій же монастырь, куда онъ созвалъ и всѣхъ вѣрныхъ ему, былъ въ 197 г. и участники этого похода, совершенно измѣнившаго положеніе Петра, были награждены весьма щедро: бояре получили рядовую придачу по 300 р , окольничіе и думные дворяне по 270 р. и т. д. (кн. 10). Чрезъ такія придачи оклады служилыхъ людей увеличивались весьма значительно; особенно замѣтно такое увеличеніе во 2-й половинѣ XVII ст.,—въ первой половинѣ этого столѣтія высшій боярскій окладъ и со всѣми придачами не превосходилъ 700 р. (кн. 1, 2, 3 и 4), но въ 1658 г. (кн. 5) встрѣчаемъ оклады: боярина Бор. Ив. Морозова—1,200 руб., кн. Ал. Н. Трубецкаго 1,050 руб. и т. д., а въ 1686 г. боярину кн. В. В. Голицыну окладъ съ придачами достигъ почтенной цифры—1,450 рублей. Денежный окладъ совсѣмъ уничтожался въ случаѣ лишенія чина и уменьшался за неисправную службу.

Хотя денежные оклады были назначены каждому служилому лицу, но жалованье выдавалось лишь тѣмъ, кто дѣйствительно служилъ, или кому поручалось какое дѣло, а иногда, въ видѣ исключенія, выдавалось ради бѣдности *). Только въ одной книгѣ (кн. 2-я, 1604 г., Моск. Гл. Арх. М. И. Д.) встрѣчается поголовная раздача жалованья, вѣроятно, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій противъ самозванца Григорія Отрепьева, въ этомъ году открывшаго походъ въ Московское государство; обыкновенно же жалованье выдавалось лишь тѣмъ, кому давалось какое либо порученіе **), или за отличіе по служ-

*) «145 г. Дек. въ 25 д., Государь, Царь и Вел. Кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ.. приказалъ дьяку Пантелею Чирикову своимъ государевымъ словомъ дати свое государево жалованье постельничему Ѳед. Ивановичу Игнатьеву на 145 г. для его бѣдности; а приказалъ Государь о томъ, у праздника въ церкви у Рождества Христова подъ колоколы, какъ онъ, Государь, былъ у обѣдни на Рождество Христово, и свой Государевъ указъ ветѣлъ записать въ книгу (кн. 6, л. 26. Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

**) «142 г. Авг. въ 25 д., по памяти изъ Посольскаго приказа, за приписью дьяка Максима Матюшкина, дьяку Плт. Филатову для посылки, что онъ посланъ на Литовской межевальной съѣздъ съ межевыми съ литовскими судьями межъ Брянскаго и Рославльскаго уѣздовъ со кн. Ѳед Волконскимъ, Государева денежнаго жалованья впередъ на 143 г. окладъ его 60 р., да въ приказъ и въ

бѣ *); выдавалось жалованье по случаю посольства въ какую нибудь землю **), за участіе въ бою, за хорошее исполненіе должности ***). Если ради какого либо порученія было выдано жалованье, но самое порученіе почему либо не было выполнено, то выданное жалованье отбиралось назадъ †). Лица, получившія жалованье, росписывались въ полученіи, а если получившій писать не умѣлъ, росписывался за него кто нибудь другой, по его просьбѣ. За неисправную службу †*), а также въ случаѣ болѣзни †**), жалованье или вовсе не выдавалось, или выдава-

---

подмогу 10 р. дано» (кн. 5, л. 56 об. Моск. Глав Арх. М. И. Д.). Или «Дьяку Мих. Патрикѣеву для астраханскаго городоваго каменнаго дѣла Государева жалованья на 142 г. 60 р. дано сполна» (кн. 5, л. 58 об. Моск. Глав. Арх. М. И Д.).

*) «142 г. іюля въ 16 д., по памяти, за приписью дьяка Григ. Ларіонова, Рязанцу Ульяну Ляпунову за Смоленскую службу и за полонское терпѣнье и за рану, что онъ въ 141 г. взятъ въ полонъ къ Литовскимъ людемъ на Государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ на бою, велѣно ему придать Государева жалованья къ прежнему его окладу 31 р. и за полонское терпѣнье выдать въ приказъ 30 р. и тѣ деньги даны» (кн. 5, л. 118, Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

**) Дьяку Ив. Болотникову 127 г., по памяти изъ Посольскаго приказа, за приписью дьяка Савы Романчукова, выданъ окладъ его сполна «ради нынѣшняго Литовскаго посольства» (кн. 3-я, л. 20. Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

***) Стряпчему Силѣ Бахтѣеву «142 г. Окт. въ 7 д., по памяти изъ приказу отъ Большой казны, за приписью дьяка Степана Кудрявцова, за службу, что онъ посланъ на Каму по извѣту Пыскорскаго монастыря старца Корнилія досматривать мѣдной руды, велѣно дать Государева жалованья въ приказъ 30 р. (кн. 5, л. 131 об. Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

†) У Матвѣя Ѳедор. Стрешнева выданный ему 28 Апр. 129 г. окладъ «для Карачевской посылки», 6 Августа того же года былъ взятъ назадъ «потому что не посланъ». (Въ подлинникѣ весь текстъ статьи перечеркнутъ, а съ боку написано: «почернено для того дано было, да и назадъ взято» (кн. 3, л. 54, Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

†*) Кузьмѣ Денисову Бѣгичеву «112 г. Декабря въ 8 д., по памяти, за приписью дьяка Левонтья Лодыженскаго, на 112 г. Государева, Царева и В. Кн. Бориса Ѳедоровича всеа Русіи жалованья давати не велѣно за то, что онъ на Государеву службу на срокъ не пріѣхалъ, а пріѣхалъ на службу послѣ срока и бывъ на Государевѣ службѣ сбѣжалъ Государеву указу до отпуска (кн. 2, л. 206, Моск. Гл. Арх. М. И. Д.).

†**) Ѳедору Вас. Чередову «по памяти, за приписью дьяка Григорія Клобукова, Государева жалованья для болѣзни давати не велѣно». Это было въ 1604 г., когда жалованье было роздано всѣмъ служилымъ людямъ (кн. 2, л. 175, Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

лось «вполы» *) или съ вычетомъ извѣстной суммы **). При выдачѣ жалованья съ служилыхъ людей удерживались всѣ, числящіяся за ними, казенныя недоимки и удержанныя деньги разсылались въ тѣ мѣста, гдѣ считалась недоимка. Такъ, у кн. Ивана Мих. Катырева-Ростовскаго вычтено изъ жалованья «за опальную рухлядь, что онъ ималъ съ Александровскаго двора Романова опальную рухлядь—19 руб. и 23 алт. 2 ден., и тѣ вычетныя деньги посланы на опальный дворъ къ Боярину ко кн. Петру Ивановичу Буйносову-Ростовскому да къ дьяку къ Ивану Салманову съ подъячимъ съ Василіемъ съ Дьяковымъ...» ***); у стрѣлецкаго головы Ратмана Дурова «112 г. Марта въ 14 д., по памяти изъ Большого Приходу, за приписью дьяка Ив. Тимоѳеева, у Ратмана Дурова вычтено 11 р. 20 алт. и 2 д. за то, что онъ не платилъ съ своего помѣстья въ Большой Приходъ ямскихъ и кормовыхъ денегъ; да у него же вычтено по памяти, за приписью дьяка Ив. Салманова, за опальную рухлядь 1 руб. 6 алт. и 4 д.— отосланы въ Большой Приходъ къ Вас. Борис. Сукину да къ дьяку къ Ив. Тимоѳееву съ подъячимъ Большого Прихода съ Н. Богдановымъ» †).

3. Біографическія свѣдѣнія.

Въ боярскихъ книгахъ встрѣчается множество указаній на участіе лицъ, записанныхъ въ нихъ, въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности, преимуществен-

---

*) «Олександро Васильевъ с. Хрущовъ—до указу давать не велѣно. И 112 г. Декабря въ 8 д., по памяти, за приписью дьяка Лев. Лодыженскаго, Олександру Хрущову на 112 годъ за не службу Государева, Царева и Вел. Кн. Бориса Ѳедоровича всеа Руси жалованья давати не велѣно, а будетъ Государь, Царь и В. Кн. Борисъ Ѳедоровичъ всеа Руси Олександра пожалуетъ,—велитъ на 112 г. жалованья дати, и тогды Олександру дати Государева жалованья на 112 г. половина оклада—20 р...» (кн. 2, л. 63, Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

**) Кузьмѣ Безобразову «...по памяти, за приписью дьяка Мих. Данилова, велѣно для полонскаго терпѣнья, что былъ въ полону въ Вязьмѣ, въ его окладъ двѣ трети на прошлый 126 г., а треть его окладу—приговорили бояре—ему не давать... (кн. 3, л. 322, Моск. Глав. Арх. М. И. Д.).

***) Моск. Глав. Арх. М. И. Д., кн. 2, л. 431.

†) Ibid. л. 62.

но же въ военной и посольской службахъ. Большинство лицъ высшаго служилаго сословія почти постоянно принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ различныхъ непріятелей, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ тогдашнюю Русь; а такъ какъ за каждый походъ «начальные люди» получали какую нибудь награду—помѣстную или денежную придачу, то служба эта и вносилась въ боярскія книги, съ указаніемъ сколько и за что дана придача *). Подобнымъ же образомъ записывалась и служба тѣхъ лицъ, которыя отправляли посольскую службу **), или заключили миръ ***), или вообще исполнили какое либо правительственное порученіе (кн. 6, л. 700 об.). Кромѣ того въ боярскихъ книгахъ имѣются свѣдѣнія о времени производства бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ въ эти чины, о времени смерти ихъ †), а

*) «Боярину кн. Юрью Ал. Долгоруково 167 г. Февр. во 2-й д. за службу, что онъ въ прошломъ, въ 166 и въ нынѣшнемъ въ 167 г., будучи на Государевой службѣ полковымъ воеводою, на бою гетмана Гонсевскаго и его полку Польскихъ и Литовскихъ людей многихъ побилъ и самого гетмана Гонсевскаго и полковниковъ, и ротмистровъ, и королевскихъ стольниковъ и обозъ его гетманскій совсѣмъ взялъ, придано 100 руб. Да 169 г. Авг въ 18 д. за Литовскую службу 168 и 169 г. къ прежнему его окладу придачи 140 р.; ему же за службу 172 и 173 гг., что онъ былъ на Государевой службѣ съ полкомъ въ Литовской сторонѣ и надъ Литовскими людьми чинилъ промыслъ и многія мѣста раззорилъ, изъ Полякъ много поймалъ, учинено придачи 120 рублей» (кн. 5, л. 3 об.).

**) Борису Ив. Пушкину «за Свійскую службу, что онъ посыланъ въ Свійскую землю, придачи 100 ч., денегъ 30 р. (кн 2, л. 186). Осипу Яковл. с. Прончищеву 127 г. Апр. въ 23 д., по памяти, за приписью дьяка И. Грамотина, Осипу велѣно придать государева жалованья за службу, что онъ былъ посыланъ въ Свею въ послѣхъ, къ старому его окладу 30 р. (Москов. Гл. Арх. М. И. Д. кн. 3-я, л. 53). Немиру Өед. Кирѣевскому 127 г. Окт. въ 22 д. по памяти изъ посольскаго приказа, за приписью дьяка Савы Романчукова, велѣно справить Государева жалованья за Аглинскую службу, что былъ онъ въ Аглинской землѣ съ государевыми послы съ Ст. Волынскимъ во дворянѣхъ, къ старому его окладу 10 р.» (ibid., л. 90).

***) «Боярину и оберегателю, кн. В. В. Голицыну... за его къ Великимъ Государемъ вѣрную и радѣтельную службу и за великія и славныя и всему христіанству потребныя, а Россійскому Царству прибыльныя дѣла, что въ нынѣшнемъ 194 г. съ польскими великими и полномочными послы..., будучи въ отвѣтѣхъ, учинилъ между Великими Государи и Королевскимъ Величествомъ Польского вѣчной миръ, денежной придачи 250 р.» (кн. 10, л. 6 об.).

†) Бояре: Ив. Ник. Романовъ «148 г. умре»; кн. Ив. Борисовичъ Черкасскій «150 г. умре»; кн. Дмитрій Мих. Пожарскій «150 г. умре» (кн. 2).

иногда указывается и родъ смерти *), объ опалахъ, ихъ постигавшихъ **), и даже свѣдѣнія о физическомъ состояніи ***). Такимъ образомъ, слѣдя изъ году въ годъ по боярскимъ книгамъ за какимъ нибудь лицомъ, мы можемъ узнать, когда онъ и въ какомъ чинѣ впервые внесенъ въ боярскія книги, какія исполнялъ службы и порученія, чѣмъ, когда и за что награжденъ, или за что и когда подвергался опалѣ, какія и когда получалъ повышенія, сколько получалъ жалованья и, наконецъ, когда умеръ.

Изъ обозрѣнія содержанія боярскихъ книгъ яснымъ представляется значеніе ихъ для исторіи и біографіи лицъ высшаго Русскаго служилаго сословія XVII ст.; они являются какъ бы формулярными списками того времени и, слѣдовательно, необходимость справляться съ ними историку не требуетъ иныхъ доказательствъ.

БИБЛІОТЕКА

А. Востоковъ.

1885, IX, 26.

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ

*) Стольникъ Еуфилеъ Лодыженской «въ 175 г. по указу Великаго Государя посланъ былъ въ Крымъ въ посланникѣхъ и въ дорогѣ въ Заднѣпровскихъ запорожскихъ городѣхъ отъ воровъ отъ Черкасъ убитъ и тѣло его вкинуто въ р. Днѣпръ (кн. 5, л. 113) Стольникъ Ѳед. Аѳон. Кологривовъ «въ воровствѣ за приставомъ сидитъ, и 150 г. въ Апрѣлѣ казненъ смертью» (кн. 2, л. 94). Боярин Мих. Борисовичъ Шеинъ «142 г. за вину казненъ смертью». Москов. дворянинъ Андрей Ширинъ «144 г. сгорѣлъ въ рядѣхъ» (кн. 2, л. 245).

**) Стольникъ кн. Петръ Урусовъ... „въ измѣнѣ сосланъ“ (кн. 1, л. 15). Стольникъ Дмитр. Головинъ „145 г. за воровство отставленъ“ (кн. 2, л 50 об.). Стряпчій Левонт. Степановъ. Плещеевъ „149 г. за вину сосланъ въ Сибирь» (кн. 4, л. 187)

***) Думный дворянинъ Григ. Гавриловичъ Пушкинъ «слѣпъ».